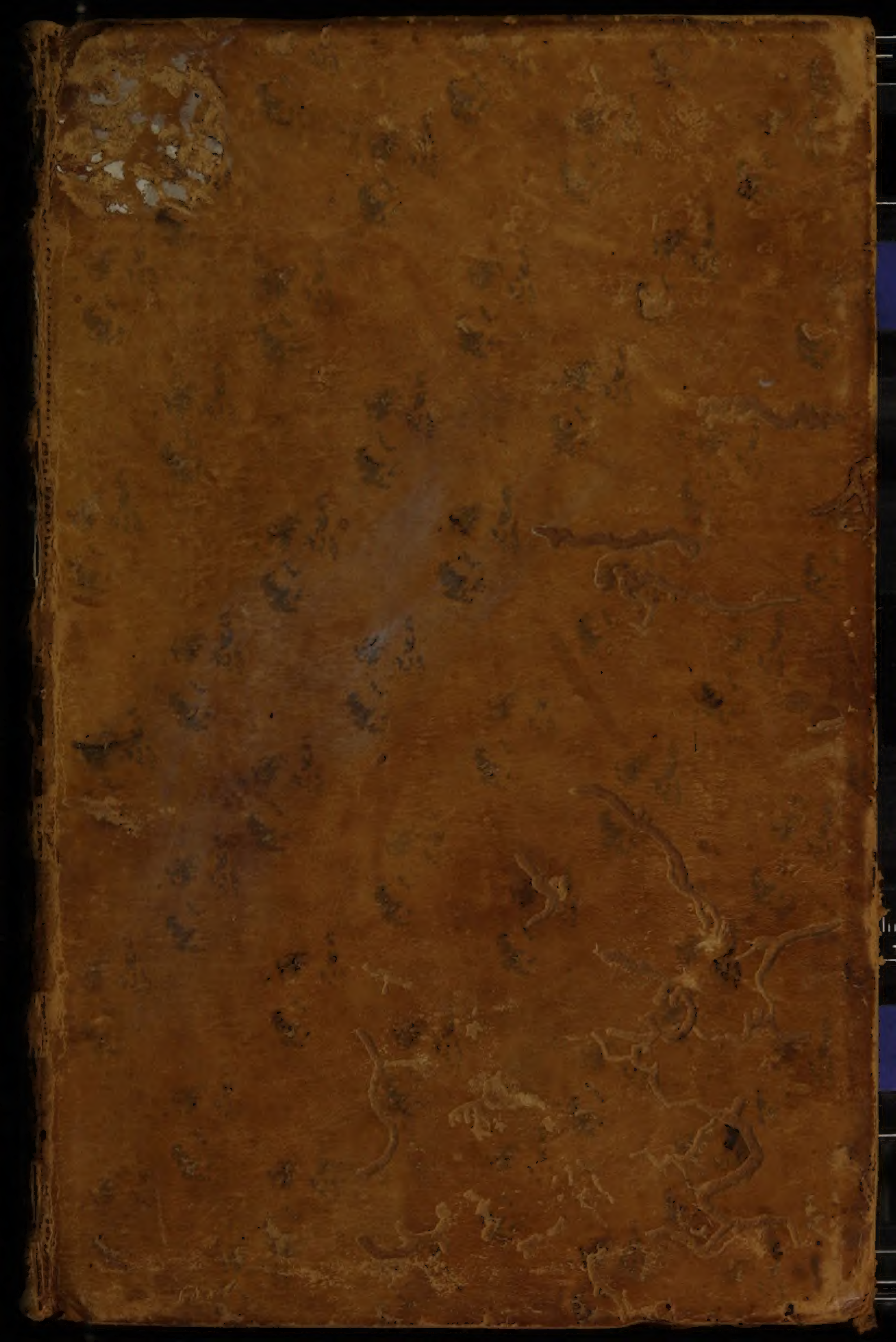
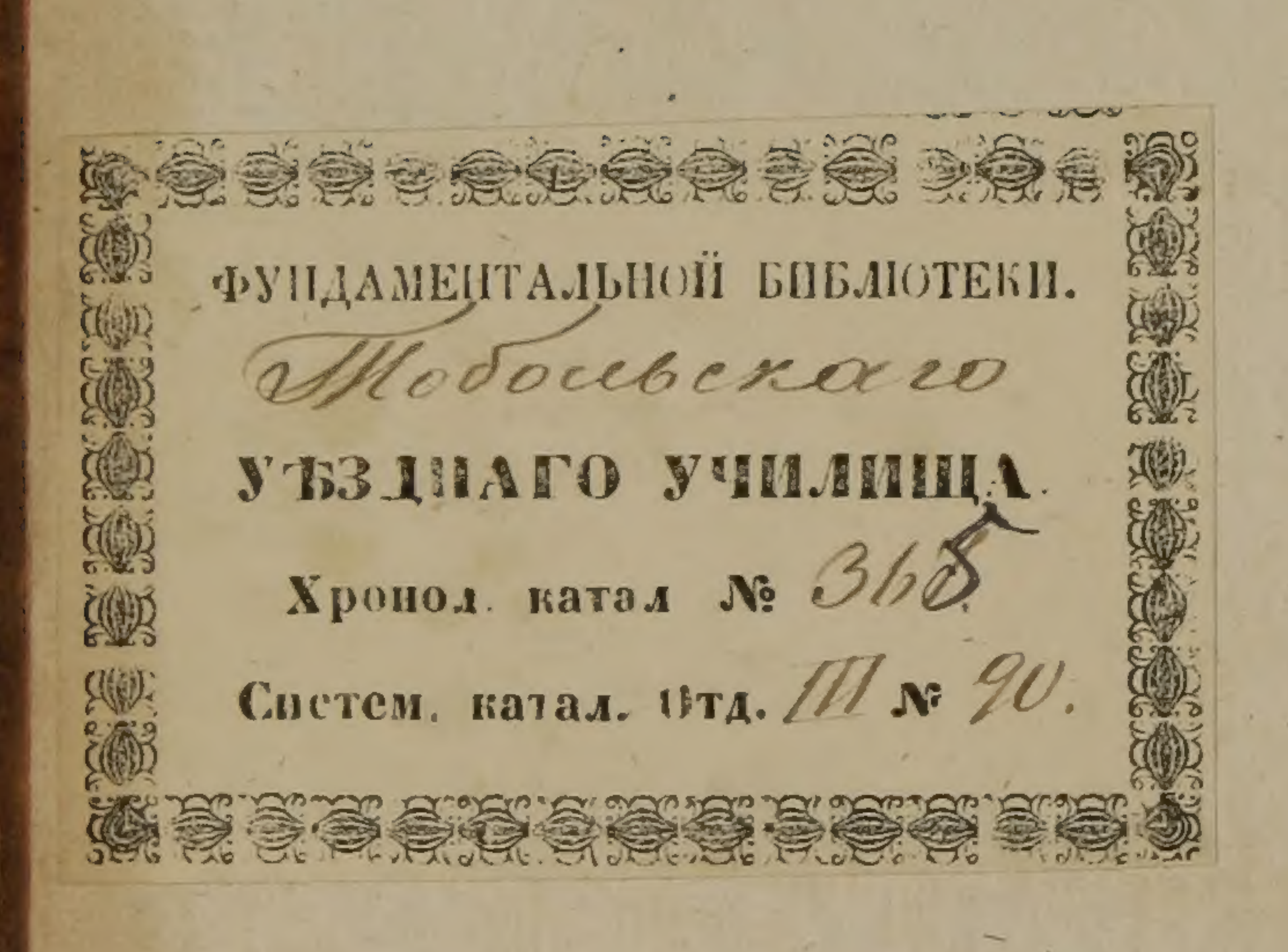




БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ, ЕКОНОМИЧЕСКАЯ, НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ X.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

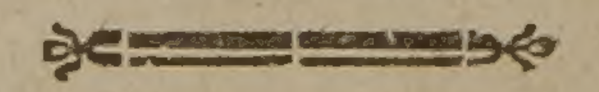
Статья Економическая.

Стран.

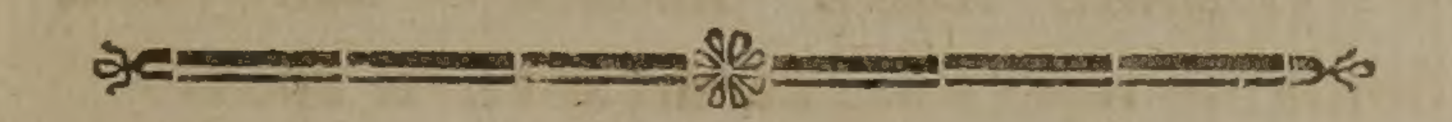
Статья Нравоучительная.

Статья Историческая.

Статья Увеселительная.



СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.



О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.
ОПРЕДѢЛЕНІЕ ДРАМЫ ВООБЩЕ.

Драматическое стихотворство названо такъ съ Греческаго слова *драма*, которое значитъ *дѣйствовать*, по тому, что въ семъ родѣ стихотворенія, дѣйствіе не разсказывается, какъ въ Епопеи; но показывается само въ тѣхъ, кои оное представляютъ. Драма (*)

(*) Подъ именемъ драмы разумѣется трагедія, комедія и собственно такъ называемая драма, заемлющая отъ двухъ перьвыхъ.

вообще есть стихотворное или прозаическое зрѣлище какого либо занимательнаго дѣйствія. Можно преносить въ оную все дѣйствіе, и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Епопеи: какъ-то, боговъ, героевъ, пастуховъ и проч.

Вся разность состоитъ только въ образованіи. Епическое дѣйствіе только что разсказывается; но не видится. Драматическое же дѣйствіе представляется глазамъ, и должно быть описуемо, яко истинное. Что требуетъ вѣроподобія такого рода, которое свойственно драмѣ; ибо сужденіе глазъ весьма строжаѣ сужденія одного слуха.

По сей же самой причинѣ требуется, чтобъ въ драмѣ дѣйствіе было едино, и произошло бы все въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ. Требуется, чтобъ слогъ, декораціи, игра Актёровъ, и словомъ, все бы споспѣшествовало удостовѣрить зрителя, что сія выдумка есть истинна. И такъ разсмотримъ во первыхъ, въ чемъ состоитъ драматическое вѣроподобіе; во

вторыхъ, какія суть правила, предписываемыя онымъ, относительно къ дѣйствію, къ его продолженію, къ мѣсту, въ коемъ оно произходитъ; наконецъ какой долженъ быть слогъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ПРАВДОПОДОБІИ ДРАМАТИЧЕСКОМЪ.

Дѣйствія суть или истинныя и историческія, какъ напримѣръ дѣйствіе Есѳири (*), низложившей Амана; или истинны только въ основаніи, а подробности и обстоятельства оныхъ вымышлены, какъ напримѣръ въ Гораціяхъ (**); или только что одни имена взяты изъ исторіи, а прочее все выдумано, какъ напримѣръ въ Синавѣ и Труворѣ; или наконецъ все выдумано, то есть, дѣйствіе, обстоятельства онаго и имяна, какъ напримѣръ

(*) Трагедія Расинова.
(**) Трагедія Петра Корнелія.

въ Заирѣ (*), въ Соренѣ (**) и во всѣхъ почти комедіяхъ.

Стихотворецъ ни когда не обязанъ говорить о дѣйствіяхъ не отступая отъ исторической истинны: и такъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ происходитъ; но можетъ однако же учинить оное, когда нечаянно случится, что истинное дѣйствіе найдется во всѣхъ своихъ частяхъ согласно съ правилами искуства драматическаго. Такимъ образомъ Расинъ не сдѣлалъ никакой перемѣны въ дѣйствіи *Есѳири*, и почти ничего не перемѣнилъ въ *Аѳаліи*: и сіи двѣ драмы тѣмъ болѣе трогательны, что онѣ справедливы. Изъ нѣдръ истинны исходитъ всегда убѣдительность, которая ей даетъ великое преимущество надъ выдумкою.

Надлежитъ замѣтить, что дѣйствіе, для сообразности своей съ исторіею, не имѣетъ нужды, чтобъ ис-

---

(*) Трагедія Волтерова.

(**) Трагедія Господина Николева.

торія была справедлива, довольно, ежели она такою почитается.

Но какъ рѣдко встрѣчаются истинныя произшествія, столь хорошо въ самомъ дѣлѣ расположенныя, что могутъ служить основаніемъ драмѣ, имѣющей нѣкоторое продолженіе, то стихотворцы принуждены бываютъ выдумывать, какъ для прибавленія чего либо къ дѣйствію, естьли оно само по себѣ недостаточно, или для убавленія, естьли оно надмѣру обширно, или, наконецъ, для лучшей связи его частей.

„ Люди долго были въ тѣхъ мыс„ляхъ, говоритъ Гнъ Волтеръ, что „кромѣ историческихъ дѣйствій, не „изъ какихъ не льзя дѣлать драмъ. „Искали причинъ, по чему выдуман„ныя дѣйствія не удаются; но сіе „случалось отъ того, что и въ са„момъ дѣлѣ многія изъ сихъ вымыш„ленныхъ дѣйствій недостаточны въ „изобрѣтеніи, и суть ни что иное, „какъ нелѣпыя басни безъ нравовъ, „безъ чувствій и безъ характеровъ. „

Не довольно того, чтобъ выдумать дѣйствіе, но надлежитъ еще представить изобрѣтенныя вещи такъ, какъ онѣ могли или долженствовали произходить. Здѣсь-то начинается изъясненіе вѣроподобія, которое требуетъ всего вниманія читателя.

То, что могло быть, есть возможное, въ разсужденіи мѣстъ, времени и людей.

То, что долженствовало быть, есть то, что вѣроятно и дѣйствительно было, такъ же въ разсужденіи тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ.

Возможное требуетъ, чтобъ ни что не препятствовало и не отвращало думать, что такая-то вещь была сдѣлана, и сдѣлана такимъ-то, или такимъ образомъ. И такъ совершенно возможно, что вышло изъ моря чудовище по прозьбѣ Тезеевой. Ибо какъ скоро сей герой имѣлъ связь съ богами; то совершенно могъ испросить отъ нихъ сіе чудо. (*)

(*) Федра, Трагедія Расинова.

Правдоподобіе требуетъ, чтобъ была какая нибудь причина, что такая-то вещь скорѣе сдѣлалась, а не несдѣлалася, и такимъ-то образомъ, а не инымъ какимъ. И такъ вѣроятно, что кони Ипполитовы испугалися чудовища, которое устремилося на нихъ съ ревомъ, испуская изъ рота пламя, и что Ипполитъ упавъ съ колесницы и запутавшись въ возжахъ, былъ увлеченъ и разбитъ о камни и стремнины.

Въ сихъ-то двухъ степеняхъ состоитъ истинное стихотворческое искуство, каждое изъ оныхъ раздѣляется еще на двѣ степени.

Въ томъ, что могло быть, заключается возможность вѣроятная, и необходимая возможность. Для вѣроятной возможности довольно вещи обозрѣть всѣ вдругъ, чтобъ не найти истинной въ оныхъ невозможности. По сей-то причинѣ извиняется множественность произшествій въ трагедіи Сидѣ, Петра Корнелія. Сидъ выходитъ

на поединокЪ, идетЪ сражаться сЪ непріятелями Государства, возвращается назадЪ; его судятЪ; онЪ еще выходитЪ на поединокЪ, и находитЪ способЪ успокоить свою любовницу, коея отца онЪ закололЪ, и все сіе дѣлается вЪ одни только сутки. Все сіе возможно, взявЪ оное вообще, но разсматривая произшествіи сіи, каждое особо, найдется, что потребно нѣсколько лѣтЪ на учиненіе такого множества чудесЪ. И такЪ сіе есть только по большей мѣрѣ вѣроятная возможность.

Другой родЪ возможности, которую можно назвать необходимою и очевидною, находится во всемЪ томЪ, что составлено изЪ связанныхЪ вмѣстѣ частей. ОтецЪ получаетЪ пощечину; вЪ слѣдствіе сей обиды сынЪ за него отмщеваетЪ: по сношеніи идей выходитЪ очевидно, что сіе быть могло.

Двѣ степени, касающіяся до того, что долженствовало сдѣлаться, суть тѣ же, что и для возможности, вѣроятности и необходимости. Вѣроятно,

что такая-то вещь была сдѣлана, и сдѣлана такимъ-то образомъ; необходимо, что такая-то вещь была сдѣлана, и сдѣлана такимъ-то образомъ. Слѣдовательно въ такомъ случаѣ надлежитъ увѣрить, что такая-то вещь существовала, и что необходимо должно, чтобъ она существовала.

Приложимъ сіе къ примѣрамъ: мать убиваетъ съ хладнокровіемъ своего сына; сіе дѣйствіе имѣетъ вѣроятную возможность: Леонтина оное учинила: вотъ первая степень. Что два ребенка, отданные кормилицамъ, и подмѣненные одинъ вмѣсто другова; сіе еще возможнѣе, вотъ необходимая или очевидная возможность. Леонтина сдѣлала и сіе; вотъ вторая степень. Что сей подмѣнъ былъ скрываемъ во все то время, какъ опасно было оной открыть; то сіе вѣроятно случилось; вотъ третія степень. Наконецъ, что будучи открытъ, встревожилъ онъ Фоку; сіе необходимо случилося: и вотъ четвертая степень.

Сія послѣдняя степень заключаетъ въ себѣ три перьвыя: третія заключаетъ двѣ предъидущія; вторая перьвую, а перьвая сама по себѣ; она есть меншая изъ всѣхъ степеней вѣроятности, и слѣдовательно та, которая наименѣе производитъ въ драмѣ дѣйствія. Сего довольно для поемы, гдѣ воля боговъ замѣщаетъ многое; но въ драмѣ не надлежитъ оною довольствоваться. Надобно стараться употреблять четвертую степень въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а третью во всѣхъ драмахъ.

Кромѣ сего перьваго раздѣленія возможной вѣроятности, и нужной или истинной вѣроятности, находится еще другое, коимъ различается обыкновенная вѣроятность съ необыкновенною.

Перьвая вѣроятность принадлежитъ къ такому дѣянію, которое случается чаще, или по крайней мѣрѣ столь же часто, какъ и противное ему дѣяніе. Ежели напримѣръ мать любитъ своего сына, а любовникъ не любитъ своего

соперника, то сіе есть обыкновенная вѣроятность.

Необыкновенная или чрезвычайная вѣроятность принадлежитъ къ такому дѣянію, которое случается рѣже своего противнаго; но однако же столько часто, что не почитается чудомъ, когда случится. Какъ напримѣръ бываетъ, что слабой человѣкъ одолѣваетъ сильнаго.

Есть еще другое раздѣленіе необходимаго; сіе слово можно взять въ разныхъ смыслахъ.

Оно можетъ значить необходимость вещей, относительныхъ къ дѣйствію, почитаемому естественнымъ, или необходимость отъ самыхъ вещей, относительно къ тому же дѣйствію, почитаемому вымышленнымъ, или наконецъ необходимость связи и слѣдствія. Изъяснимъ сіи три рода примѣрами.

Необходимость связи и слѣдствія легко можно понять. Камилла любитъ страстно Куріаса: онъ убитъ. Положивъ сіе, необходимо должно, чтобъ

она крайне о томъ сокрушалась. И такъ необходимость связи случается тогда, когда одна вещь необходимо влечетъ за собою другую; или когда другая за нею необходимо должна слѣдовать.

Два другіе рода суть такъ же необходимости связи; но кромѣ того сіи суть необходимые способы; то есть, что безъ нихъ дѣйствіе не можетъ учиниться.

И такъ подъ необходимостію вещей, относительныхъ къ дѣйстію, почитаемому естественнымъ, разумѣются способы, безъ коихъ то естественное дѣйствіе не могло бы совсемъ сдѣлаться, или такъ щастливо сдѣлаться.

Для рѣшенія, Алба ли должна царствовать надъ Римомъ, или Римъ надъ Албою, надлежитъ сражаться; слѣдовательно сраженіе есть необходимая вещь и необходимой способъ въ трагедіи Горацієвъ, почитая сіе дѣйствіе естественнымъ.

Другой родъ необходимости, относительно къ дѣйствію, почитаемому вымышленнымъ, суть способы, употребленные искуствомъ стихотворца, для приспособленія истиннаго произшествія къ правиламъ ѳеатра, употребляя на сіе и такія вещи, въ коихъ истинное дѣйствіе нужды не имѣетъ. Такимъ образомъ Корнелій, дабы продолжить трагедію свою до пяти дѣйствій, привязалъ смерть Камиллы къ побѣдѣ Гораціевой; въ семъ стихотворецъ имѣлъ нужду, сообразуясь съ правилами пяти актовъ драмы. Нужда стихотворца должна по сему простираться только на законные способы къ выполненію уставовъ искуства. Но сія нужда не должна быть примѣтна; есть искуство прикрывать нужду стихотворца самою нуждою дѣйствія. Напримѣръ Горацій отправляясь на сраженіе, проситъ, чтобъ оставили Сабину и Камиллу. Сіе приказаніе нужно было стихотворцу, дабы театръ былъ занятъ въ продол-

женіе сраженія. Но Корнелій умѣлъ въ то же самое время скрыть сію нужду, нуждою самаго дѣйствія, по тому, что безъ сего приказанія вѣроятно было, чтобъ сіи двѣ женщины пришли бы на мѣсто сраженія и оному бы помѣшали.

Связь, чтобъ быть хорошею, не всегда должна быть необходима; но довольно, естьли оная вѣроятна. Такъ, какъ однихъ способовъ довольно, ежели они доводятся съ вѣроятностію до слѣдствія. Можетъ быть, сіи толкованія покажутся читателямъ надмѣру тонки; но безъ нихъ не можно знать свойства драмы.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О ТРЕХЪ ЕДИНСТВАХЪ.

Въ драмахъ находится три единства, единство дѣйствія, единство времени и единство мѣста.

I.

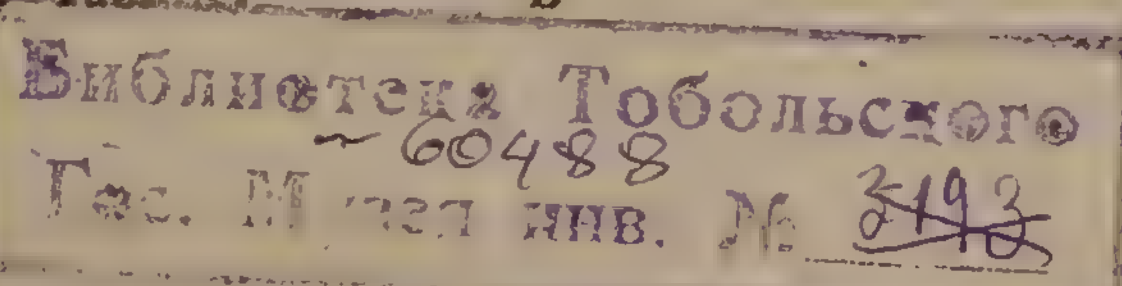
Единство дѣйствія.

Дѣйствіе тогда едино, когда пи-

сатель мѣтитъ къ единой цѣли, къ коей всѣ имъ употребляемые способы стремятся. Многочисленны ли сіи способы, или нѣтъ, до того нѣтъ нужды; ибо они должны соединиться въ одну точку, или въ желаемую цѣль.

Драматическое дѣйствіе раздѣляется на акты или дѣйствія, акты же на явленія или сцены. Актъ можно называть дѣйствіемъ, составляющимъ важную часть другаго дѣйствія, и служащимъ способомъ для достиженія цѣли, или дѣйствіемъ подчиненнымъ, которое предполагаетъ другія дѣйствія предъ собою или послѣ себя. Такимъ образомъ въ трагедіи Поліевктъ (*) дѣйствіе поемы есть мученичество Поліевктово. Но сіе дѣйствіе необходимо предполагаетъ и другія долженствовавшія ему предшествовать и его предъуготовлять. Поліевктъ хочетъ итти, и уходитъ противъ воли Павлины, чтобы окреститься: вотъ дѣй-

(*) Трагедія Петра Корнелія.



ствïе, наполняющее перьвый актЪ. Полïевкт Ъ принимаетЪ намѣренiе итти, и дѣлаетЪ то, что былЪ намѣренЪ; вотЪ вторый актЪ или второе прïуготовительное дѣйствiе. Неарка наказуетЪ ФеликсЪ въ перьвомЪ движенiи своего бѣшенства; вотЪ третiй актЪ. Тщетныя усилïя Павлины и Феликса противЪ твердости Полiевктовой, суть четвертое дѣйствiе или четвертый актЪ. НаконецЪ въ пятомЪ дѣйствiи, судЪ надЪ ПолiевктомЪ и смерть его. Сiи пять актовЪ или частей дѣйствiя стремятся всѣ къ общей цѣли.

Когда всѣ сiи части одна съ другою безпрерывно связаны, и слѣдуютЪ другЪ съ другомЪ до конца, тогда дѣйствiе называется простымЪ и безЪ включенiй, или *Еписодовъ*.

Естьли изЪ сихЪ подчиненныхЪ дѣйствiй случатся такiя, кои только поверьхнее имѣютЪ сношенiе съ главнымЪ, то ихЪ называютЪ Еписодическими. Они должны присоединиться

къ главному дѣйствію ранѣе или позднѣе, а когда совсемъ не соединяются, то совершенно негодны. Еписодическая любовь Инфантины въ трагедіи Сидѣ (*) нигдѣ съ главнымъ дѣйствіемъ не соединялася; слѣдовательно она совершенно противна правиламъ.

Каждое изъ пяти драматическихъ актовъ имѣетъ свои особые правила, кои весьма нужно наблюдать.

Въ перьвомъ актѣ, называемомъ древними *протазъ*, по тому, что въ немъ содержится предложеніе содержанія драмы, должно изложить со всевозможною ясностію вещь, о коей идетъ дѣло. Такимъ образомъ въ трагедіи Циннѣ (**), Емилія открывая явленіе возвѣщаетъ ярость мщенія за себя; она любитъ Цинну; но выходитъ за него замужь, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ прежде умертвилъ Августа.

(*) Трагедія Петра Корнелія.
(**) Его же

Въ перьвомъ же актѣ должно дать знать зрителямъ, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и часть ихъ свойства. Се же должно учинить или выводя ихъ самихъ на ѳеатръ, или заставить говорить о нихъ другихъ, съ той стороны, которая можетъ имѣть отношенiе къ дѣйствiю. Такимъ образомъ въ перьвомъ актѣ Цинны, описывается Августъ, (коего зрители еще не видали) какъ хищникъ и отцеубiйца.

Драматической узелъ должно начинать въ перьвомъ же актѣ, и въ немъ же предъуготовить развязку; но не давая совершенно предъузнать оную. Узелъ Цинны состоитъ въ томъ, чтобъ знать, умертвитъ ли Цинна Августа, своего благодѣтеля, дабы повиноваться желанiю любовницы своей Емилiи. Развязка состоитъ въ томъ, что Августъ избѣжавъ опасности, прощаетъ Цинну, по совѣту Ливiи, которую стихотворецъ описалъ имѣющею великое надвластiе надъ умомъ Августовымъ.

Многіе есть способы для изложенія содержанія. Иногда употребляется на то Акторъ, которой говоритъ отдѣленный отъ драмы прологъ; и сіе не требуетъ ни какого искуства. Иногда разсказываются предлагаемыя дѣянія какимъ либо изъ дѣйствующихъ лицъ, которое будто объ оныхъ неизвѣстно, и сею хитростію изъясняютъ зрителямъ, желая, будто, извѣстить о томъ Актора. Но хитрость сія уже нынѣ неупотребительна; ибо вкусъ учинился разборчивѣе. Нынѣ требуютъ, чтобъ дѣйствіе само по себѣ открылося, между тѣмъ, какъ оно дѣлается; чтобъ стихотворецъ умѣлъ съ искуствомъ назначить мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и часъ, въ которой оно начинается; чтобъ онъ оподробилъ свой планъ, описалъ свойства дѣйствующихъ лицъ, и все сіе учинилъ бы дѣйствуя. Образецъ такого изложенія виденъ въ Гораціяхъ.

Во второмъ, третьемъ и четвертомъ дѣйствіи узелъ долженъ болѣе

и болѣе связываться, волненіе же и участіе зрителей должно возрастать постепенно. Но поелику одно и то же дѣйствіе не можетъ возрастать безпрерывно и безъ отдыха; то должно поддерживать его другими чувствіями. Должно вплѣтать минуты радости и надежды, кои ободривъ духъ, тѣмъ съ большею силою заставляютъ его упадать.

Пятой актъ долженъ быть живѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ, по тому, что чѣмъ болѣе зритель ждалъ, тѣмъ онъ сталъ нетерпѣливѣе. Все должно быть готово для развязки въ концѣ четвертаго дѣйствія. Начало же пятаго акта должно быть началомъ окончанія. Естьли можно, то развязка должна учиниться съ послѣднимъ явленіемъ. Правило требуетъ, чтобъ въ семъ актѣ рѣшилася судьба главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы; ибо имѣвъ участіе въ дѣйствіи, справедливо, чтобъ они участвовали и въ произшествіи.

Говорятъ, что Римляне первые раздѣлили ѳеатральныя представленія на акты, и сіе обыкновеніе было уже во времена Гораціевы, и даже учинилося ѳеатральнымъ закономъ. Но ученые не согласуются въ необходимости сего закона. Аббатъ д' Обиньякъ утверждаетъ, что должно строго наблюдать оной по крайней мѣрѣ въ трагедіи. Аббатъ же Батри споритъ на противъ того, что трагедія и въ трехъ актахъ можетъ равномѣрно быть хорошо расположена. Можетъ статься, говоритъ онъ, что вообще прилично трагедіи быть въ пяти актахъ; но такъ же можетъ и то быть, что стихотворецъ лучше бы сдѣлалъ свою драму въ трехъ дѣйствіяхъ, когда ему оныхъ довольно, нежели безполезно продолжать дѣйствіе, и написать множество безполезныхъ явленій, кои только что охлаждаютъ соучастіе зрителей.

Мнѣніе Аббата Батри, кажется, взяло верьхъ. Извѣстна всему свѣту

смертъ Кесарева. Сія трагедія хотя и въ трехъ дѣйствіяхъ, но отъ того не меньше хороша, не меньше занимательна и не меньше уважаема публикою. Сему примѣру Гна Волтера многіе послѣдовали, и ежели сіи піесы не имѣли успѣха, то сіе не отъ того произошло, что онѣ въ трехъ актахъ, а отъ того, что онѣ сами по себѣ нехороши, худо писаны и незанимательны. Что же касается до комедіи, то весь свѣтъ нынѣ соглашается, что оную можно раздѣлить на три и на пять актовъ: она можетъ даже состоять и въ одномъ, и мы имѣемъ довольное количество хорошихъ комедій, кои состоятъ изъ двухъ и изъ четырехъ актовъ.

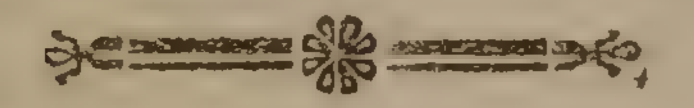
Какъ дѣйствіе состоитъ изъ актовъ, то равномѣрно акты состоятъ изъ явленій: явленіе есть часть акта, означающаяся вшествіемъ, или уходомъ одного изъ тѣхъ, кои участвуютъ въ дѣйствіи.

Сіи явленія должны быть связаны

такимЪ образомЪ, чтобЪ зрители знали, за чемЪ Актiоры выходятЪ и приходятЪ.

Связь явленiй дѣлается или присутствiемЪ АктiоровЪ, или разговорами ихЪ, или посредствомЪ зрѣнiя, или помощiю какого либо шума. ПрисутствiемЪ АктiоровЪ, когда многiе Актiоры входя или уходя, остаются нѣсколько минутЪ на ѳеатрѣ: разговорами, когда они говорятЪ; зрѣнiемЪ, когда входящiе видѣли выходящаго, или когда они оба другЪ друга видѣли: шумомЪ, когда ѳеатрЪ бываетЪ пустЪ, а слышанЪ шумЪ кого либо изЪ АктiоровЪ на оной идущаго. Сей послѣдней связи одной не бываетЪ довольно. Третья же необходимо нужна; а другiя двѣ суть желательны.

Продолженiе впредь.



ПРОДОЛЖЕНІЕ
О
ПРОВИДѢНІИ.

По всему, выше мною сказанному, не трудно понять, какимъ образомъ Богъ учредилъ постоянные и непремѣнные законы движенія, управляетъ однако же міръ промысломъ своимъ. Какъ! я имѣю власть дѣйствовать рукою, или не дѣйствовать, итти въ такое то мѣсто, или не итти, помочь ближнему, или не помочь; а Богъ, устроившій всѣ вещи съ безконечною мудростію и всемогуществомъ, и отъ коего получилъ я сію власть, не уже ли лишилъ себя способности дѣйствовать по частнымъ своимъ хотѣніямъ! Я могу помогать моимъ дѣтямъ, наказывать ихъ, исправлять, доставлять имъ удовольствіе, или отнимать у нихъ нѣкоторыя вещи, по внушенію моего благоразумія. Я могу предвидѣніемъ моимъ предупредить зло и нещастныя приключенія, могущія съ ними слу-

читься, отдаливъ изъ подъ стопъ ихъ все то, отъ чего могутъ они спотк'нуться и упасть. То, что могу я сдѣлать для дѣтей моихъ, могу сдѣлать и для друзей. Я знаю напримѣръ, что одинъ изъ моихъ пріятелей намѣренъ сдѣлать нѣчто такое, которое будетъ имѣть худыя слѣдствія, я бѣгу къ нему, предъупреждаю и отвращаю прозьбами моими отъ его предъпріятія. Прогуливаяся, вижу я предъ собою слѣпова, которой думая, что идетъ прямою дорогою, стремится упасть въ ровъ; я ускоряю мое шествіе; бѣру сего слѣпова, и удерживаю его отъ паденія; не есть ли сіе во мнѣ провидѣніе? И коликими разсужденіями могу я оное доказать!

Но могу ли я отказать Божеству то, что нахожу въ себѣ. Наше провидѣніе есть только несовершенное изображеніе его. Онъ есть отецъ всѣхъ человѣковъ, такъ, какъ и Создатель; онъ наказываетъ, исправляетъ, предвидитъ зло, иногда же попускаетъ

испытывать оное своимъ чадамъ. Онъ пріуготовляется къ наказанію; но раскаяніе наше удерживаетъ гнѣвъ его, и потушаетъ въ десницѣ его громъ, коимъ готовился онъ разить. Провидѣніе его не удовольствовалося установленіемъ законнаго движенія, по коимъ все движется, все сообразуется, все измѣняется и умножается. Сіе было бы ничто иное, какъ одно общее провидѣніе. Естьли бы онъ создалъ только матерію, то сихъ общихъ законовъ довлѣло бы для поддерживанія вселенныя вѣчно въ одномъ порядкѣ, столько-то безконечная мудрость его учинила оной согласнымъ; но кромѣ матеріи создалъ онъ тварей разумныхъ и свободныхъ, коимъ и далъ нѣкоторую власть надъ тѣлами. Сіи то свободныя бытія побуждаютъ Божество къ частному провидѣнію; сіе то провидѣніе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей религіи, но разсмотримъ, не разрушаетъ ли оно понятіе, которое мы должны имѣть объ оной.

Естьли почитать свѣтъ машиною, коея пружины суть столь зависимы одна отъ другой, что не возможно замедлить одними, не замедливъ другими и не испровергнувъ всея вселенныя: въ такомъ случаѣ не можно положить инаго провидѣнія, кромѣ того, которое находится въ порядкѣ мірозданія, что называю я общимъ провидѣніемъ. Но я совсемъ иное понятіе имѣю о природѣ. Люди въ самыхъ связнѣйшихъ своихъ твореніяхъ могутъ, не смотря на ту связь, перемѣнить въономъ многія вещи, не разстроивъ тѣмъ порядка своей машины. Напримѣръ часовщикъ, сколь бы не учинялъ зависимыми другъ отъ друга колеса, но все можетъ подвинуть въ передъ или назадъ стрѣлку, сколько ему заблаго разсудится. Онъ можетъ заставлять будильникъ звонить ранѣе или позже, не повредя пружинъ и не разстроивъ колесъ; и такъ вы видите, что онъ господинъ своего творенія, наипаче же въ томъ, что ле-

житъ до предназначаемаго употребленія устроенной имъ машины. Будильникъ сдѣланъ на то, чтобъ показывать число часовъ, и будить людей въ извѣстное время. Сіе-то самое есть совершенно во власти сдѣлавшаго часы. Вотъ истинное подобіе о всеобщемъ и частномъ промыслѣ, сіи пружины сіи колеса, мастники, гири, все сіе будучи приведено въ движеніе, показуетъ намъ всеобщій промыслъ, ни когда непремѣняющійся и непоколебимый: сіи же расположенія будильника и часовой доски, коихъ различныя направленія зависятъ отъ художника, которой не разстроиваетъ чрезъ то ни пружинъ, ни колесъ, суть подразумѣнія частнаго провидѣнія. Я представляю вселенную, яко огромную текущность, коей Богъ далъ движеніе, безпрестанно въ оной соблюдающееся. Сія текущность влечетъ планеты столь порядочнымъ и единообразнымъ путемъ, что звѣздословы могутъ весьма удобно предсказывать

соединенie и противоположенie оныхЪ. ВотЪ общее провидѣнie. Но вЪ каждой планетѣ части сихЪ первоначальныхЪ стихiй не имѣютЪ опредѣленнаго движенiя. Онѣ, правда, хотя и имѣютЪ безпрестанное движенie, но неопредѣленное, ибо несутся туда, гдѣ свободнѣйшie находятЪ пути; подобно тѣмЪ рѣкамЪ, кои протѣкая по своимЪ ложищамЪ, заливаются отЪ части вЪ правую и лѣвую сторону сквозь поры земныя, смотря по большей или меньшей проницаемости вещества, вЪ которое онѣ входятЪ. Сie то вещество первыя стихiи БогЪ опредѣляетЪ частнымЪ своимЪ хотѣнiемЪ, сообразно сЪ намѣренiями его безконечной мудрости и благости; такимЪ образомЪ не перемѣняя ни чего вЪ первоначальныхЪ законахЪ, БожествомЪ установленныхЪ, можетЪ оно однако же управлять произшествiями подсолнечныя, смотря по различнымЪ случаямЪ и по различнымЪ поступкамЪ свободныхЪ тварей, помѣщенныхЪ имЪ

на землѣ, или въ другихъ планетахъ; естьли оныя населены. Вотъ что относится къ провидѣнію, касательно природы; посмотримъ теперь относительность оныя къ духамъ.

Созидая вселенную, Богъ сотворилъ предметы могущества своего и премудрости: онъ восхотѣлъ такъ же создать предмѣтовъ своея благости, и кои были бы при томъ свидѣтелями его могущества и премудрости. Сія всеобщая наклонность человѣковъ къ блаженству, кажется неоспоримымъ доказательствомъ, что Богъ создалъ ихъ на то, чтобъ быть счастливыми. Писаніе подтверждаетъ сіе мнѣніе, говоря намъ, что Богъ есть любовь, что же сіе значитъ? Не то ли, что благость Божія есть, то изъ его свойствъ, коему люди обязаны своимъ существованіемъ, и коему, слѣдовательно, первому должны они поклонятся.

Любовь одного пола къ другому, любовь родителей къ дѣтямъ, сія жалость къ ближнему, которою мы всѣ

отъ природы одарены, суть тѣ сильные способа, посредствомъ коихъ безконечная мудрость умѣетъ все приводить къ надлежащимъ концамъ.

I. Богъ не единому разуму человѣческому препоручилъ стараніе о пользѣ общежитія. Тщетно раздѣлилъ бы онъ родъ нашъ на два пола; тщетно изъ сего раздѣленія долженствовало бы проистекать размноженіе человѣковъ; тщетно законъ естественный гласилъ бы намъ, что мы должны стараться о благѣ нашего ближняго, все сіе было бы безполезно; ибо склонность человѣка къ благополучію удаляла бы его безпрестанно отъ намѣреній провидѣнія. Женился ли бы кто, естьли бы одинъ только разумъ побуждалъ насъ къ браку. Самая щастливѣйшая женитьба влечетъ за собою гораздо болѣе заботъ и печалей, нежели удовольствій. Женщины наиболѣе мущинъ въ томъ замѣшаны. Слѣдуйте съ точностію за всѣми слѣдствіями беременности, болѣзнію дѣто-

рожденія и проч: и судите, нашлась ли бы хотя одна женщина въ свѣтѣ, которая бы желала подвергнуться всѣмъ симъ опасностямъ и немощамъ, естьли бы къ тому побуждалъ ее единый разумъ. Хотя мущины меньшему числу золъ подвержены въ брачномъ состояніи; но однако же число ихъ столько велико, что могло бы отвратить ихъ отъ женитьбы, естьли бы одна должность ихъ къ тому понуждала. И для сего Богъ обязалъ ихъ къ тому не только привлекательностію утѣхъ, но еще тайнымъ нѣкіимъ влеченіемъ, которое еще сильнѣе утѣхъ.

2. Разсмотрѣвъ внимательно горячность родителей къ дѣтямъ, найдемъ мы въ оной не менѣе отеческихъ попеченій провидѣнія. Что побуждаетъ насъ болѣе любить нашихъ дѣтей, нежели ближнихъ, хотя бы наши были весьма дурны, и меньше бы имѣли достоинствъ, нежели тѣ? Разумъ не требуетъ ли, чтобъ мы

соразмѣряли любовь нашу съ достоинствомъ. Но здѣсь не разумъ дѣйствуетъ. Отецъ раздѣляетъ съ нѣжною своею супругою всѣ заботы, причиняемыя имъ любовію ихъ къ дѣтямъ. Все время свое употребляютъ они или на воспитаніе ихъ, или на оставленіе имъ довольнаго достатка по смерти своей. Самимъ имъ немного потребно имѣнія, но имъ всѣмъ кажется, что дѣтямъ мало, сколько бы они онаго имъ не оставляли. Они часто отказываютъ себѣ въ такихъ удовольствіяхъ, за кои бы должно было заплатить щастіемъ ихъ семейства. По истиннѣ сказать, люди любя другъ друга такъ, какъ любятъ, стали ли бы прилагать всѣ сіи старанія о своихъ дѣтяхъ, естьли бы не понуждала ихъ къ тому сильная горячность? Но чувствовали ли бы они сію горячность, естьли бы нѣкая вышшая причина имъ оныя не внушала.

Разсмотримъ ихъ теперь подъ иною точкою зрѣнія. Они смертельно

ненавидятъ все противящееся ихъ благополучію. Человѣкъ отъ природы лѣнивъ; онъ избѣгаетъ трудовъ, а особливо тѣхъ, кои не самъ себѣ предписываетъ. Но дѣти, однако же, налагаютъ на него такіе труды, которые бы почелъ онъ несноснымъ игомъ, естьли бы то были не дѣти его. Человѣкъ любитъ свою свободу, и ненавидитъ похищающаго у него оную. Однако же дѣти его налагаютъ на него несносное бремя и безпрестанно отъемлютъ свободу; но онъ не меньше ихъ отъ того любитъ; и еще болѣе, естьли которой изъ его дѣтей немощнѣе другихъ и подверженъ частымъ болѣзненнымъ припадкамъ, то родитель болѣе прочихъ его любитъ, хотя онъ и болѣе заботъ и трудовъ ему причиняетъ: вся горячность его кажется на одного его устремляется. Подивимся въ семъ случаѣ безконечной мудрости провидѣнія, которое снабдивъ людей непреодолимою склонностію къ благополучію, умѣло совсѣмъ

тѣмъ, не смотря на сію склонность, приводить ихъ къ цѣли своей.

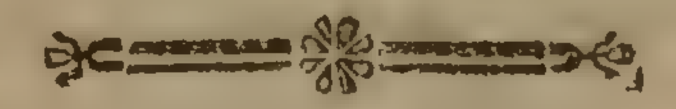
3. Провидѣніе всегда предусматривая наши нужды, впечатлѣло въ человѣка чувствіе сострадания, которое подвизаетъ насъ къ живѣйшей жалости при видѣ чуждаго несчастія, и заставляетъ услаждать его бѣдствія для собственнаго нашего услажденія. Я знаю, что самолюбіе участвуетъ въ помощахъ, оказываемыхъ нами нещастнымъ. Но Богъ обуздываетъ сіе самолюбіе тою живѣйшею чувствительностію, съ коею не въ силахъ мы бороться; и не находя возможнымъ отъ оной избавиться, находимъ только одинъ способъ, состоящій въ томъ, чтобъ подать нещастнымъ помощь. Должно признаться, что Стоики были весьма бѣдные Философы, думая что сострадание есть страсть, хулы достойная, она, которая облагородиваетъ человѣчество. Я не могъ понять, что люди столь долгое время были ослѣплены безразсуднымъ нравоученіемъ

сихъ безумныхъ. Но поелику они древніе; то хотя бы въ тысячу разъ были безразсуднѣе и смѣшнѣе, однако же Педанты не престали бы имъ удивляться, по тому только, что они древніе. Сострадание есть страсть весьма почтенная; оно есть удѣлъ честныхъ сердецъ; оно есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ, что мiръ управляется существомъ безконечно мудрымъ, которое все умѣетъ приводить къ своей цѣли, даже и свободныхъ тварей, нимало не утѣсняя ихъ свободы; чемъ болѣе разсуждая о сихъ трехъ законахъ всеобщаго провидѣнiя, тѣмъ болѣе удивляюсь, что можетъ быть въ вѣкѣ нашемъ столько безбожниковъ.

Естьли бы мы не имѣли иныхъ доказательствъ Божества, кромѣ Метафизическихъ; то не дивился бы я тогда, естьли бы люди, неимѣющіе способности понять ихъ, отмѣтали оное. Но сказанное мною приспособлено ко всѣмъ умамъ, и при томъ

столь удовлетворительно, что всякой человѣкъ прочтя оное съ нѣкоторымъ вниманіемъ, конечно будетъ убѣжденъ въ существованіи провидѣнія. Кто признаетъ провидѣніе, тотъ признаетъ Бога; слѣдующее разсужденіе было часто дѣлаемо: есть Богъ, слѣдовательно есть провидѣніе. Чрезъ сіе принуждены были доказывать существованіе Божества другими путями, а не провидѣніемъ; и сіе-то заставило Философовъ изыскивать причины Метафизическія, кои были неощутительны, запутаны, а часто и ложны; вмѣсто того, что сей доводъ справедливъ: есть провидѣніе, слѣдовательно есть Богъ.

Окончаніе будетъ въ слѣдующей части.



РЕЦЕПТЪ,

Какъ дѣлать Флинтъ-глассъ, или голышевое стекло.

120 фунтовъ бѣлаго пѣску.
50 фунтовъ миніумъ. (сурикъ)
40 ——— зоды, или лучшаго поташу.
20 ——— селитры.
5 ——— магнезіи. (марганцу)

Растопи сіе въ плавильномъ горшкѣ, и получишь голышевое стекло, употребляемое на дѣланіе новыхъ Долондовыхъ зрительныхъ трубъ, называемыхъ *Ахроматическими.*

О ЗАПАХѢ.

Тѣла по тому только душисты, что испускаютъ изъ себя лѣтучія масла, кои разливаются въ воздухѣ. Однако же намъ не извѣстно, можетъ ли чистое масло возбудить запахъ; ибо когда у какого либо тѣла отнимется

тончайшая его часть, учиняющая его душистымъ, то отнимаютъ отъ него и вкусъ его; слѣдовательно лишаютъ его той соли, которая причиною сего вкуса: соли, по крайней мѣрѣ лѣтучія, кажутся по сему присоединенными къ душистой части тѣлъ; но сія часть составляетъ только весьма малую долю душистыхъ тѣлъ; корица, напримѣръ, лишенная своего существительнаго масла, остается безъ всякаго свойства, безъ запаха и безъ вкуса: естьли же сіе масло будетъ перегнато съ виннымъ спиртомъ, то потѣряетъ всѣ сіи качества, и останется безъ вкуса и безъ запаха. Нѣкоторые Химики назвали сію спиртоватую часть, которая есть душистое вещество, и которая находится въ толь маломъ количествѣ въ смѣшанныхъ тѣлахъ, esprit recteur, по тому, что она обладаетъ дѣятельнѣйшими и дѣйствительнѣйшими свойствами смѣшаннаго тѣла.

Есть однако же множество ду-

шистыхъ смѣшанныхъ тѣлъ, коихъ свойства, а наипаче врачебныя, не зависятъ отъ возгоненныхъ и душистыхъ своихъ частей, но запахъ сихъ тѣлъ не очень крѣпокъ, и по видимому не очень дѣйствительныя имѣетъ соли: таковъ напримѣръ запахъ красной розы, лилеи, ясмина, квита и проч: свойства сихъ растенiй не существуютъ, какъ въ ароматическихъ травахъ въ душистой части; ибо свойство стягивательное красной розы и квита; мягчительное свойство фiялки и лилеи, кажется, что не имѣетъ никакого сношенiя съ лѣтучею и душистою частiю сихъ растенiй: сiя часть не производитъ никакого ощутительнаго дѣйствiя, выключая надъ нѣкоторыми особами, коимъ запахъ сей бываетъ противенъ, причиняетъ имъ головную боль, и даже обмороки: но обыкновенное его дѣйствiе состоитъ въ причиненiи нѣкотораго удовольствiя тѣмъ, кому онъ непротивенъ. Есть однако же тѣла весьма душис-

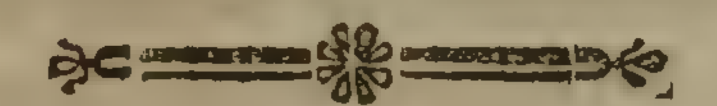
тыя, коихЪ свойство кажется зависящимЪ отЪ тончайшей части, причиняющей запахЪ оныхЪ. Г. Лемери повѣствуетЪ, что два человѣка посидѣвЪ пять или шесть часовЪ вЪ одной горницѣ, гдѣ были желтыя розы, получили отЪ того рвоту и поносЪ. Свойства тѣлЪ вонючихЪ, кажутся такЪ же зависящими отЪ ихЪ запаха, какЪ-то примѣчается вЪ снотворныхЪ и маточныхЪ веществахЪ; но сіе болѣутолительное свойство означаетЪ, что оно замедляетЪ или утишаетЪ совершенно движеніе духовЪ болѣе, нежели возбуждаетЪ оное, и что таким образомЪ лѣтучая и душистая оныхЪ часть мало снабдена сильно дѣйствующими соляными частицами; ибо кажется, что чемЪ болѣе дѣятельныя свойства смѣшанныхЪ тѣлЪ зависятЪ отЪ запаховЪ ихЪ, тѣмЪ болѣе солей должны увлекать сЪ собою ихЪ душистыя испаренія.

Для доказанія дѣлимости вещества до безконечности, Боиль говоритЪ,

что пара накуренныхъ духами перчатокъ испускала запахъ въ теченіе дватцати девяти лѣтъ; что маленькая крошка ладану, будучи положена на жаровню, распространяетъ свой духъ по всей пространной храминѣ; гранъ мускуса, находящагося въ пузырѣ нѣкосого животнаго, не теряя въ теченіи многихъ годовъ ни мало своего вещества, испускаетъ на извѣстное разстояніе столь сильной запахъ, что змѣи становятся отъ того неподвижны. По чему? По тому, что душистыя тѣла содержатъ въ себѣ безконечное почти множество частицъ невѣроятной мализны; десять тысячь сѣмянъ растѣнія, называемаго оленьимъ языкомъ, едва занимаютъ пространство одного зерна перцу, растеніе же производитъ миліонъ сѣмянъ; и каждое сѣмячко содержитъ ихъ въ себѣ такое множество, что можетъ произвести миліонъ оныхъ, не истощаясь отъ того. Одна унція (*) золотыхъ

(*) Шесть золотниковъ.

листьевъ можетъ вытянуться на четыре ста верстъ. Гнъ Малезье видѣлъ въ микроскопъ животныхъ живыхъ въ двадцать семь миліоновъ разъ меньше сырныхъ червей; онъ усмотрѣлъ сквозь прозрачныхъ ихъ тѣлъ внутренность, яица, кровь и проч.



О ПИЩѢ.

Человѣкъ, говоритъ Гнъ Бюфонъ, могъ бы, подобно животнымъ, питаться одними только растеніями. То, что составляетъ истинную пищу, служащую къ приращенію и къ поддерживанію тѣла, не есть та грубая часть, составляющая, какъ-то мы глазами видимъ, связь мяса, или травы; но органическія частицы, содержащіяся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ; по тому, что быкъ, ядущій одну только траву, пріобрѣтаетъ столько же мяса, сколько человѣкъ и другіе животные, питающіеся мясомъ и кровью. Единая

истинная разность, находящаяся между сими пищами, есть та, что при одинакой величинѣ, мясо, хлѣбъ и зерны содержатъ въ себѣ болѣе органическихъ частей, нежели трава, листья и прочія части травъ. Такимъ образомъ человѣкъ, и тѣ изъ животныхъ, у коихъ желудокъ и внутренности не имѣютъ довольно пространства для вмѣщенія въ себя надмѣру великаго количества пищи, не въ состояніи бы были столько набрать въ себя травы, чтобъ количество извлеченныхъ изъ оныя органическихъ частей довлѣло къ необходимому ихъ пропитанію; и по сей-то причинѣ человѣкъ и другіе животные, имѣющіе по одному только желудку, не могутъ жить не питаясь мясомъ или хлѣбомъ, кои будучи въ маломъ количествѣ, содержатъ однако же въ себѣ множество сихъ питательныхъ органическихъ частицъ; между тѣмъ, какъ быки и прочія жвачкою снабденныя животныя, имѣющія по нѣскольку желудковъ, изъ ко-

ихЪ одинЪ весьма просторенЪ, и кои слѣдовательно могутЪ вмѣщать большее количество травы, извлекаютЪ изЪ нее довольно органическихЪ частицЪ, для своего пропитанія, приращенія и размноженія. НедостатокЪ количества вознаграждается вЪ насЪ качествомЪ пищи: но существо ея одинаково; ибо та же самая матерія, тѣ же самыя органическія частицы питаютЪ быка, человѣка и всѣхЪ животныхЪ.

Мнѣ скажутЪ на сіе, что лошадь имѣетЪ одинЪ только желудокЪ и при томЪ небольшой; что оселЪ, заяцЪ и многіе иные животные, питающіеся одною травою, имѣютЪ такЪ же по одному желудку, и что слѣдовательно сіе мое изЪясненіе хотя и вѣроподобное, но можетЪ быть тѣмЪ не менѣе неосновательно. Однако же далеко отЪ того, чтобЪ сіи видимыя исключенія опровергали оныя, но они служатЪ напротивЪ того кЪ вящшему его утвержденію; ибо хотя лошадь и

ѳселъ имѣютъ по одному только желудку, но имѣютъ во внутренности родъ кармановъ или мѣшковъ, столь великаго пространства, что ни чемъ не меньше желудковъ жующихъ жвачку животныхъ; у зайцовъ же, такъ называемая слѣпая кишка, столь длинна и столь широка въ діаметрѣ, что по крайней мѣрѣ можетъ равняться съ другимъ желудкомъ. Волки, лисицы, тигры и проч. имѣютъ желудокъ и кишки гораздо меньше другихъ животныхъ, въ разсужденіи величины ихъ тѣла; то по сему и принуждены они для пропитанія своего избирать сочнѣйшую и изобильнѣйшую органическими частицами пищу, и ѣсть мясо и кровь, зерна и плоды.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Поелику недостаточные и отдаленные отъ городовъ люди не могутъ иногда пользоваться Химическими лѣкарствами, продающимися въ аптекахъ; то я разсудилъ, что весьма полезно будетъ для нихъ, естьли они, или помѣщики ихъ, найдутъ для нихъ въ моей книгѣ такія лѣкарства, которыя ни чего не стоятъ и всегда у нихъ подъ руками, а имянно, я вздумалъ описать здѣсь лѣкарственныя свойства нѣкоторыхъ извѣстныхъ и вездѣ находимыхъ деревьевъ и травъ, посредствомъ чего всякъ самъ можетъ себя излѣчить отъ обыкновеннѣйшихъ болѣзней, безъ помощи лѣкаря, котораго не всегда въ

деревняхъ имѣть можно. При томъ же случаются такіе припадки, которые не терпятъ времени; но требуютъ немедленнаго вспоможенія.

О ЛѢКАРСТВЕННОЙ СИЛѢ ВЯЗОВОЙ ВНУТРЕННЕЙ КОРЫ. (*)

Давно бы уже могъ я обнародовать щастливое употребленіе, дѣлаемое мною изъ воды вязовой корки въ исцѣленіи всякаго рода лишаевъ, старыхъ ранъ, и всѣхъ прочихъ болѣзней, на кожѣ бывающихъ; но поелику для удостовѣренности въ дѣйствіи какого либо лѣкарства, не льзя довольно много чинить опытовъ, то и я хотѣлъ, чтобъ первые мои успѣхи были послѣдуемы многими другими, прежде увѣдомленія публики, что они имѣютъ подъ руками столь же превосходное и несомнѣнное, какъ и удобное средство для исцѣленія такихъ болѣзней.

(*) Взято изъ журнала Енциклопедическаго.

ГнЪ АббатЪ Бюргирье, былЪ одержимЪ сЪ нѣсколька лѣтЪ люпѣйшею болѣзнію на кожѣ, которая началась небольшими лишаями на ушахЪ, и распространяясь мало по малу, покрыла наконецЪ все его тѣло. Сія жестокая болѣзнь, противящаяся всѣмЪ усиліямЪ врачебной науки, повергла его вЪ мучительное и ужасное состояніе. На рукахЪ и на ногахЪ были у него глубокія трещины и раны, и кои совершенно препятствовали ему дѣйствовать оными. Концы его пальцовЪ отЪ продолжительной и сильной сей немощи вытянулись, и сдѣлались тверды, какЪ рогЪ. Шелуха и струпы, изЪ коихЪ вытекала матерія и сукровица, болѣе или менѣе густыя, отставали безпрестанно отЪ кожи, мясо же, подЪ оными остающееся безЪ кожи, покрывалося снова такими же струпьями, и не было того дня, вЪ которой бы не находили множества оныхЪ вЪ его постелѣ. Нестерпимый свербежь не давалЪ ему покою ни днемЪ ни

ночью. Зрѣніе его почти совершенно потухло, и наконецъ онъ совсемъ оглохъ. Ему когда было около 85 лѣтъ отъ роду. Тщетно славнѣйшие Врачи истощевали надъ нимъ все свое искуство, какъ внутреннія лѣкарства, такъ и наружныя остались безполезны, и нималаго даже облегченія ему не доставили. Я увидѣлъ его въ семъ отчаянномъ состояніи, естьли можно однако же когда либо отчаяваться въ благотворительности натуры. Я предписалъ ему употребленіе какъ внутреннѣе, такъ и наружное вязовой коры (*). На другой же день послѣ того, какъ онъ началъ симъ пользоваться, кожа примѣтно на всемъ тѣлѣ смяг-

---

(*) Кора того только вяза имѣетъ сіе удивительное свойство, которой роститъ въ видѣ пирамиды. Не вся корка хороша для лѣченія, но только тонкая, гладкая и жирная кожица, объемлющая дерево. Сію кожицу должно сдирать весною въ Маіѣ или въ Іюнѣ мѣсяцѣ; ибо тогда она во всемъ своемъ соку. Вязъ иначе называется илимъ. Въ аптекахъ извѣстна сія кора подъ имяньмъ: Cortex ulmi interior.

чилася, и онъ могъ дѣйствовать руками и пальцами. Кожа болѣе и болѣе начала смягчаться, струпья совершенно изчезли, пальцы пришли въ природное свое положеніе, глухота миновалась, а зрѣніе толико укрѣпилося, что Гнъ Аббатъ Бюргирье началъ читать и теперь еще читаетъ безъ очковъ, хотя уже ему минуло восемдесятъ семь лѣтъ. Употребляя нѣсколько мѣсяцовъ сряду воду вязовой коры, почтенный сей старикъ совершенно выздоровелъ, отправляетъ свою должность, и наслаждается съ тѣхъ поръ совершеннымъ здоровьемъ. Я не предписывалъ сему больному ни какой особой діеты: онъ ѣлъ и пилъ по своему обыкновенію, кромѣ того, что вмѣсто простой воды, мѣшалъ онъ съ виномъ вязовую воду. Я не далъ ему ни одного слабительнаго во все время лѣченія: слабительныя раздражаютъ, и въ семъ случаѣ потребны были одни только утолительныя средства: вязовая вода обладаетъ симъ

свойствомъ въ вышшей степени. Дѣйствіе же оныя ощутительно только бываетъ по скорому исцѣленію, и она производитъ въ тѣлѣ человѣческомъ удивительныя дѣйствія безъ всякаго ощутителвнаго выпражненія.

Сверьхъ того исцѣленіе Гна Аббата Бюргиое было столь удивительно и столь стало извѣстно публикѣ, что послѣ онаго представлялось мнѣ тьма случаевъ къ употребленію сего лѣкарства и всегда съ равнымъ успѣхомъ. Я употреблялъ его не только отъ однихъ лишаевъ всякаго рода, но отъ многихъ иныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ болѣзней, произходящихъ отъ острыхъ или сгущенныхъ соковъ, какъ напримѣръ: раны, застарѣлыя раны, разлившееся молоко, самая застарѣлая простуда, короста, чесотка, цынга и проч. Сіе же самое лѣкарство, употребляемое съ надлежащимъ пищевоздержаніемъ, исцѣляетъ всѣ сифиллитическія болѣзни, и даже тѣ, гдѣ всѣ извѣстныя до сего времени способы

остались тщетны. Оно разводитъ кровь, разлившуюся во внутренности отъ паденія, или отъ сильныхъ removeубоевъ, и споспѣшествуетъ тѣченію мѣсячныхъ кровей у женщинъ и проч.

Мѣра сея коры состоитъ изъ двухъ унцій, или двенатцати Руских золотниковъ; на сію корку наливъ четыре фунта рѣчной чистой или иной какой воды, лишь бы оная распускала въ себѣ мыло, кипѣти безпрестанно часъ времени тихимъ огнемъ. Надлежитъ во время кипѣнія наблюдать, чтобъ пѣна изъ сосуда не плескалася, и когда увидишь, что воды осталось не больше бутылки, то сіе есть знакъ, что декоктъ сей поспѣлъ. Давъ оному постоять, перелѣй въ другой сосудъ, пока еще онъ нѣсколько горячь, но гущи не выжимай, а дай только стѣчь, отнюдь не выдавливая истекающій изъ гущи масленоватый сокъ: сія жидкость будетъ имѣть красивый багряный цвѣтъ; для варенія же сего декокта должно

употреблять глиняной муравленой горшокъ, и не употреблять уже его ни начто иное, кромѣ сего.

Важныя болѣзни, какъ-то: повсемѣстные мокрые лишаи, сильныя возженія, антоновъ огонь и многіе иные опасные припадки требуютъ, чтобъ декоктъ сей былъ въ половину или въ двое крѣпче; варится же онъ такимъ же образомъ, но корки должно положить три или четыре унціи.

Сію же мѣру корки надлежитъ полагать для употребленія сего взвара примочкою въ наружныхъ болѣзняхъ, но тогда надлежитъ прибавить къ тому и густой сокъ, выжавъ оной сильно изъ гущи.

Наружное употребленіе онаго не требуетъ, чтобъ прерывать для сего внутреннее. И такъ надлежитъ, кромѣ внутренняго употребленія, прикладывать его съ наружи во всѣхъ воспаленіяхъ, какъ-то: въ рожахъ въ кори, въ оспѣ, въ нарывахъ внутреннихъ, въ болѣзняхъ въ боку приклю-

чающихся, въ завалахъ железъ, въ сифиллитическихъ припадкахъ, какъ въ легкихъ, такъ и въ самыхъ опаснейшихъ, въ ракахъ всякаго рода, въ застарелыхъ ранахъ, въ антоновомъ огне, въ ранахъ недавно открывшихся, въ простудахъ, въ подаграхъ, въ порезахъ, въ ожогахъ, въ ногтоедахъ, въ позноблeніяхъ, въ опухоляхъ, въ красноте ногъ и рукъ, и во множестве иныхъ случаевъ. Я здесь предложу несколько подробнее, только о некоторыхъ, и начну оспою.

Около того времени, какъ сія ужасная болезнь готовится высыпать, воспаленіе въ теле бываетъ повсеместное. Вся кожа тогда горяча, жестка, натянута, раздражена, а иногда и совершенно тверда. Больной тогда находится въ крайней опасности. Естьли оспа не высыплетъ, или высыплетъ, но несовершенно, то онъ умираетъ; естьли же отъ смерти избегнетъ, то на то только, чтобъ весь свой векъ страдать, и быть немощ-

нымъ; но теплый декоктъ вязовой коры, принимаемый внутрь, и употребляемый такъ же и наружно, производитъ въ самую даже ту минуту, какъ его приложишь, спокойствіе, кожа смягчится, и потеряетъ всю свою жестокость, тогда оспа высыплетъ безъ всякаго препятствія. Сею водою должно губкою вытереть все тѣло, и оставить намоченные въ ней тряпки на лицѣ, на груди, на ногахъ, на рукахъ, на составахъ и даже на глазахъ, когда усмотрятъ въ нихъ возженіе и оспа угрожаетъ въ нихъ высыпать. Жаръ тѣла вскорѣ высушитъ сію примочку, то должно всякой разъ снова намачивать тряпки и прикладывать, а тѣ мѣста на тѣлѣ, къ коимъ не приложена примочка, надлежитъ тереть губкою, какъ выше сказано, намочивъ оную сею водою.

По сему примѣру можно заключить, что нѣтъ столь сильнаго воспаленія, которое бы могло противиться сему декокту, наружно и внутренно употребляемому.

Когда оспа, хотя и самая лучшая, высыплетъ, то острый и ѣдкій гной нарывовъ ея, обыкновенно оставляетъ по себѣ печальныя слѣдствія и обезображиваетъ лице. До сего времени думали, что можно отвратить оное, прокалывая сіи нарывы, и помазывая ихъ жирными веществами, какъ то, смѣтаною, свѣжимъ коровьимъ масломъ и проч: однако же сіи способы суть или недостаточны, или и совершенно безполезны; но не прокалывая нарывовъ, и не дѣлая, такъ сказать, изъ каждаго рану, послѣ коей остается неминуемой рубецъ, стоитъ только примачивать ихъ безпрестанно, то есть, повторяя, какъ высохнетъ, вязовымъ помянутымъ взваромъ; гной тогда не будетъ разъѣдать и изрывать тѣло; и такъ не оставитъ по себѣ ни какихъ безобразныхъ слѣдствій, кои и самыя прекрасныя лица портятъ.

До сего времени равномѣрно употреблялися жиръ и масло для умягченія

кожи, нервовЪ, мышцовЪ и прочихЪ составей тѣла, коихЪ чрезвычайное обстиженіе и напряженіе причиняетЪ несносную боль прежде или послѣ родовЪ. Рѣдко, что бы сіи вспоможенія производили ожидаемое отЪ нихЪ дѣйствіе: напротивЪ того, они препятствуютЪ испаринѣ, которая могла бы способствовать кЪ размягченію сихЪ надмѣру напряженныхЪ частей, а сія спрятавшаяся испарина производитЪ колику и несносной рѣзЪ вЪ животѣ. Примочка же изЪ вязовой воды немедленно ихЪ смягчаетЪ, и ежели мучащаяся родами женщина приметЪ оной внутрь, то симЪ предупредитЪ рѣзЪ и колику.

ВЪ водяныхЪ болѣзняхЪ мышцы, волокны, сухія жилы, перепонки, связи и кожа суть чрезвычайно напряжены вЪ тѣхЪ частяхЪ тѣла, кои одержимы сею болѣзнію. ВЪ семЪ состояніи всякая ощутительная и неощутительная испарина прерывается, а кожа бываетЪ суха и жестка, когда до нее

дотронешся. — Нервяныя кисти, коими она покрыта, теряютъ нужную для дѣятельности своей чувствительность, даже самая кожа теряетъ свою упругость. Вязовая вода употребляется въ примочкѣ, и доставляетъ немедленно желаемое размягченіе. Поры отверзаются, испарина возстановляется и больной исцѣляется безъ помощи всякаго инаго лѣкарства, наипаче же, естьли станетъ принимать и внутрь.

Раздраженіе нервовъ, отъ чего произходитъ круженіе головы, обмороки, судороги въ головѣ, и въ иныхъ частяхъ тѣла, безсоница, тоска и множество иныхъ подобныхъ тому припадковъ, не могутъ устоять противъ сего лѣкарства, принимая оное внутрь, исцѣленіе же ихъ еще наискорѣе послѣдуетъ, естьли можно прикладывать онаго къ больнымъ частямъ. Но во всѣхъ случаяхъ мягчительныя и бальзамическія его свойства съ удивительною скоростію исправляютъ острыя соки, причиняющія сіи безпорядки въ тѣлѣ человѣческомъ.

Отъ нарывовъ въ горлѣ должно пить сію воду и полоскать ею ротъ.

Сими превосходными дѣйствіями вязовая вода не ограничивается, но служитъ еще весьма полезнымъ средствомъ для дамскаго туалета. Въ румянахъ, употребляемыхъ дамами, одна только цвѣтная часть есть прозябаемая; но существенная часть сихъ румянъ есть ничто иное, какъ алебастръ. Испарина, входя въ оной, дѣлаетъ на лицѣ родъ замаски, которая бываетъ болѣе или менѣе ѣдка. Еще хуже, когда румяна подкрашены сурикомъ или киноварью. Женщины, употребляющія румяны, на ночь стираютъ оныя масляноватыми веществами, какъ-то помадами и проч. кои залепляя поры продолжаютъ остановлять испарину. Не щитая зубныхъ болѣзней, глазныхъ, желудочныхъ, и еще того важнѣйшихъ, кои вдругъ имъ приключаются, по видимому безъ всякой причины, теряютъ онѣ свѣжесть цвѣта своего, и лицо ихъ по-

крываетися морщинами. Вязовая вода сгоняетъ сію алебастровую замаску, и придаетъ кожѣ всю прежнюю ея свѣжесть и мягкость. Естьли же приключаются на лицѣ морщины отъ заваловъ, причиненныхъ румянами испаринѣ, то онѣ вскорѣ исчезаютъ. Я могу увѣрить читателей, что многія дамы испытали сами надъ собою сіе щастливое дѣйствіе. Для сего надлежитъ имъ притираться самымъ крѣпкимъ взваромъ вязовой коры, коего приготовленіе предписано выше сего; естьли же почувствуютъ онѣ отъ долговременнаго употребленія румянъ какія либо изъ помянутыхъ припадковъ, то должно пить нѣсколько времени ту воду.

Дамы не усумнятся о сихъ дѣйствіяхъ, когда я донесу имъ, и увѣрю, что вязовая вода производитъ еще удивительнѣе того дѣйствіе надъ кожею: лицо, шея и руки тѣхъ госпожъ, кои одарены красотою, покрываются часто желтыми пятнами, кои портятъ оную.

Сіи пятны, приключающіяся обыкновенно послѣ родовъ, или отъ разлитія желчи, обыкновенно неизгладимы. Воды, помады, даже самыя славнѣйшія, не истребляютъ оныхъ, но приключаютъ напротивъ того еще довольно важныя болѣзни: вязовая же вода, естьли оною примачивать сіи пятна крѣпкимъ взваромъ, въ весьма короткое время ихъ сгоняетъ, и еще скорѣе, когда будутъ пить ея сваренную, какъ для употребленія внутренняго выше сего предписано. Вообще всѣ тѣ особы, кои чрезъ нѣсколько времени продолжали пить оную, возвратили прежнюю свою дородность, отъ болѣзни потѣрянную; кожа ихъ стала красивѣе, и румянецъ сдѣлался живѣе.

Сколь бы крѣпокъ не былъ взваръ вязовой воды, но все имѣетъ свойство распускать совершенно мыло. Хотя онъ жиренъ, густъ, масляноватъ, клѣекъ, но смѣшивается со всѣми жидкостями, и сохраняетъ свои разводительныя, проницающія, мягчительныя

и бальзамическія свойства. Мущины, у коихъ жестка надмѣру борода, и кои по сей причинѣ жалуются, что послѣ бритья щиплетъ у нихъ лицо, не будутъ сего чувствовать, естьли станутъ разводить мыло въ вязовой водѣ вмѣсто обыкновенной. Но еще лучше будетъ, когда они вмѣсто мыла, для бритья, станутъ натирать бороду простымъ крѣпкимъ вязовымъ взваромъ.

О УДИВИТЕЛЬНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ЯСЕНЕВАГО ДЕРЕВА *отъ всякаго рода ядовъ, ранъ и прочихъ многихъ болѣзней* (*).

I.

Тотъ, кто будетъ пить или ѣсть изъ сосуда, сдѣланнаго изъ сего де-

(*) Я не осмѣливаюсь выдавать за правду всѣхъ чудесныхъ свойствъ, приписываемыхъ здѣсь сему дереву; ибо не случилось мнѣ оныхъ испытать.

рева, никогда не можетъ быть отравленъ; ибо ядъ теряетъ свою вредную силу въ такомъ сосудѣ.

2.

Перегнатая чрезъ кубъ изъ сего дерева вода, есть дѣйствительнѣйшее лѣкарство отъ яда. Естьли во время мороваго повѣтрія употреблять оной воды по одной столовой ложкѣ по утрамъ натощакъ, то симъ навѣрно предохраняютъ себя отъ заразы. Оно такъ же исцѣляетъ и зараженныхъ уже язвою, естьли они выпивъ добрую мѣру оной, закутаются хорошенько, чтобъ выпотѣть, и пропотѣвъ гораздо, сдѣлаютъ движеніе пѣшкомъ.

3.

Плиній говоритъ, что естьли дотронешся до змѣи ясеневымъ прутикомъ, то она отъ сего умираетъ.

4.

Для воспрепятствованія, чтобъ рана не загнилася, и для скорѣйшаго ея исцѣленія, стоитъ только потѣреть оную тихонько кускомъ ясене-

ваго дерева, вымыть ее послѣ свѣжею водою, и перевязавъ чистою тряпкою, держать въ чистотѣ.

5.

Кровавой и простой поносы, колики и маточная боль исцѣляются, естьли въ скорости сильно потерѣть онымъ деревомъ пупокъ нѣсколько времени, а потомъ слегка потерѣть живот слюною.

6.

Глазная боль излѣчается промываніемъ оныхъ отъ времени до времени перегнатою водою изъ ясеневыхъ листьевъ. Употребленіе внутрь сея воды исцѣляетъ отъ боли въ почкахъ и отъ желтухи. Боль же въ почкахъ минуется равномѣрно, когда больной станетъ пить простую воду, но только изъ ясеневаго сосуда.

7.

Для излѣченія какой либо части тѣла отъ опухоли, надлежитъ въ скорости и почасту потирать ее съ начала ясеневымъ деревомъ, и потомъ

мыть свѣжею водою; отъ чего опухоль минуется, и больная часть придетъ въ прежнее свое положеніе.

8.

Кто чувствуетъ боль къ селезенкѣ, тому совѣтуется пить воду или вино настоянныя со внутреннею коркою ясеневою, отъ чего вскорѣ получитъ онъ исцѣленіе.

9.

Для остановленія крови, вытекающей надмѣру изобильно изъ тѣла, отъ какой либо нечаянной раны, или умышленной, должно взять въ обѣ руки по куску ясеневаго дерева, и держать такимъ образомъ: какъ скоро дерево въ рукѣ нагрѣется, то кровь тотъ часъ тѣчь перестанетъ, такъ, что не пойдетъ ни одной капли.

10.

Утверждаютъ, что естьли новорожденнаго младенца раза три помыть въ корытѣ изъ ясеневаго дерева, то онъ во всю жизнь свою не будетъ подверженъ падучей болѣзни.

11.

Головная боль излѣчается, естьли приложишь къ головѣ вареныхъ въ виноградномъ винѣ ясеневыхъ листьевъ. Вино, въ которомъ варена корка сего дерева, полезно отъ опухоли селезенки и для легкаго, когда оное стеснено.

12.

Зубочистки изъ ясеневаго дерева утоляютъ зубную боль, отъ простуды произходящую, когда станешь оными чистить зубы до крови.

13.

Можно исцѣлить всякую рану, какая бы она не была, и даже самый начинающійся ракъ, потеревъ оный кускомъ ясеневаго дерева и слюною, и оставя на ономъ сего дерева.

14.

Тѣ, у коихъ отъ многаго хожденія болятъ ноги или бедры, получатъ немедленно облегченіе, потеревъ сіи мѣста ясеневымъ деревомъ, и вымывъ потомъ свѣжею водою.

15.

Ясеневое дерево есть превосходное лѣкарство отъ воспаленія и дрожанія членовъ; оно такъ же весьма полезно младенцамъ, кои сохнутъ.

16.

Порошокъ внутренней коры ясенаго дерева будучи принятъ въ мясномъ сокѣ, открываетъ въ два часа и истребляетъ внутренніе чирьи. Тотъ же самый порошокъ, когда присыплешь онымъ рану, прежде чисто вымытую, исцѣляетъ вскорѣ оную, какъ у людей, такъ и у животныхъ.

17.

Естьли перегонишь сокъ изъ сего дерева, и станешь по нѣскольку употреблять онаго, то симъ предохранишь себя отъ всякихъ отравъ, отъ угрызенія змѣи и ужей, и такъ же отъ водяной болѣзни. Говорятъ также, что сей сокъ весьма полезенъ тѣмъ, у коихъ слаба грудь.

18.

Естьли въ ту воду, въ которой

варилася корка ясеневаго дерева, положишь соли изъ того же дерева столько, сколько можно взять на ножевый конецъ, и ту воду выпьешь; то сіе будетъ превосходнѣйшее предохранительное средство отъ моровой язвы, отъ гнилой горячки, отъ чахотки и отъ всѣхъ внутреннихъ болѣзней.

19.

Члены, ослабѣвшіе отъ безмѣрной стужи, получаютъ всю прежнюю свою дѣятельность, естьли станешь ихъ тереть ясеневымъ деревомъ и слюною.

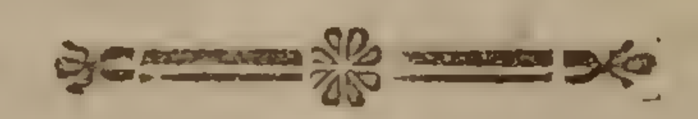
О ЛѢКАРСТВЕННОЙ СИЛѢ БОГОРОДСКОЙ ТРАВЫ(*).

Вино вареное съ богородскою травою гонитъ урину, и споспѣшествуетъ мѣсячнымъ истеченіямъ, выгоняетъ изъ почекъ клѣйкіе соки, гонитъ вѣтры, утоляетъ боль во внутренности, из-

(*) По Латинѣ Серпиллумъ.

лѣчаетъ внутренныя поврежденія, очищаетъ печенку и селезенку. Сія трава полезна для желудка, и для того можно класть оную въ похлебки и соусы. Для укрѣпленія мозгу довольно одного ея запаха, а особливо того рода, которой пахнетъ лимономъ, и ростетъ по песчанымъ мѣстамъ.

Богородская трава, вареная въ уксусѣ, утишаетъ головную боль, когда потрешь оною виски. Вареная съ медомъ прочищаетъ легкое, и облегчаетъ въ падучей болѣзни. Взваръ изъ нея полезенъ отъ вѣтровъ, опухоли и затвердѣлости селезенки. Духъ богородской травы, когда станешь курить оною въ покояхъ, умерщвляетъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, и истребляетъ блохъ. Богородская трава, изсушенная и превращенная въ порошокъ, исцѣляетъ отъ рѣзу въ животѣ, естьли дать принять больному драхму сего порошка въ водѣ; оный такъ же исцѣляетъ отъ запора мочи.

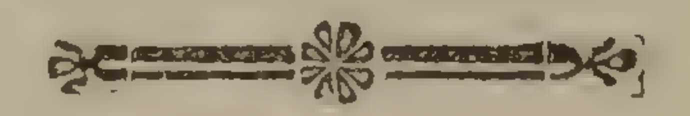


ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ОТКРЫТІЯ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЯСЯ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ГНИЛОСТИ ПЕЧЕНКИ И ЛЕГКАГО У ОВЕЦЪ.

Сіи животныя часто бываютъ подвержены гнилости въ печенкѣ и въ легкомъ, а особливо когда пасутся онѣ по низкимъ и сырымъ мѣстамъ. Для сохраненія же ихъ отъ сего, надлежитъ дать имъ слѣдующаго порошку: сдѣлай изъ фунта сушеной полыни и фунта хрену порошокъ, смѣшавъ оныя вмѣстѣ; на сто барановъ берется онаго порошку двенатцать золотниковъ: сей порошокъ надлежитъ смѣшать съ дватцатью четырьмя золотниками толченыхъ можжевеловыхъ ягодъ, потомъ взявъ третью долю овса и двѣ доли гороху, смѣшай ихъ вмѣстѣ,

и прибавя горсть соли, смѣшай съ вышеписаннымъ составомъ; сего овса давай ѣсть овцамъ по пяти или по шести разъ въ годъ.



ЛѢКАРСТВО ОТЪ ОВЕЧЬЯГО КАШЛЯ.

Овцы весьма слабы, нѣжны и часто одержимы бываютъ кашлемъ. Отъ сей болѣзни излѣчаютъ ихъ вѣрно, шпринцуя имъ въ ноздри винограднаго вина въ которомъ должно раздавить прежде нѣсколько чищеннаго миндалю.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ПРЯЖУ ИЗЪ КРАПИВЫ.

Крапиву собираютъ въ концѣ Августа и въ Сентябрѣ, смотря по погодѣ, влажная ли она была, или сухая. Примѣтя, что листья опускаться или вис-

нуть и блекнуть начинаютъ, стебли желтоватыми становятся, а сѣмя легко отъ шелухи отстаетъ, срѣзываютъ стебли серпомъ плотно къ корнямъ, не выдергивая послѣднихъ, которые каждой годъ новые во множествѣ производятъ. Собранную крапиву разстилаютъ для сушенія на нѣсколько дней на воздухѣ, дабы листья отъ стеблей свободнѣе отдѣлялись; потомъ мочатъ ее, какъ конопли, вяжутъ въ снопы, и даютъ ей 6 или 7 дней по состоянію погоды болѣе или мѣнее, въ чистой рѣчной или прудовой водѣ лежать; послѣ сего моченія, обсуша ее хорошенько, кладутъ въ сухое мѣсто, дабы при удобномъ случаѣ употребить въ дѣло.

Прочее обработываніе состоитъ въ приготовленіи длинныхъ нитей, къ чему употребляются самыя тѣ же орудія, какъ и при конопляхъ, по тому, что оба растенія великое сходство между собою и послѣ моченія одинакое употребленіе имѣютъ, да и

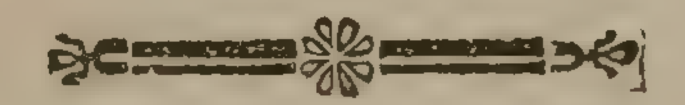
нити и полотно равный цвѣтъ и плотность даютъ.

Польза, произходимая отъ собиранія крапивы, очевидна, для того, что сіе растеніе не требуетъ ни унаваживанія, ни особой земли, ниже присмотра и малѣйшаго расхода, да и земледѣлецъ въ полевой своей работѣ помѣшательства чрезъ сіе не имѣетъ.

Анжерское земледѣльческое общество во Франціи, производило съ крапивною пряжею многіе опыты, и нашло изъ оной сдѣланное полотно весьма хорошимъ. Оно не только болѣе, но и скрѣе выбѣливается, нежели пеньковое полотно. Также приготовляется изъ крапивной пряжи родъ весьма тонкаго каттуна, при чемъ наблюдается то, чтобъ нити по надлежащему переломаны и растерты были, дабы мочковатое въ своихъ частяхъ отдѣлялось, а шерстистое выбиралось особо.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СКОТСКАГО ПОНОСА.

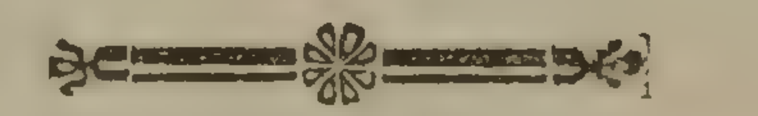
Пищая бумага, разведенная въ молокѣ, есть вѣрнѣйшее средство отъ сего поноса. Для годовалой скотины берутъ одинъ листъ бумаги, для двугодовалой полтора, а для коровы два листа; варятъ сію бумагу каждый разъ въ четверти кружки молока, и даютъ оное больному скоту проглотить. — Сей же способъ съ благополучнымъ успѣхомъ употребляемъ былъ также отъ простыхъ и кровяныхъ поносовъ у людей. Пріемъ состоитъ изъ полуфунта молока и четверти листа бумаги.



СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ СВИНЦОВУЮ ПРИМѢСЬ ВЪ ВИНѢ.

Влѣй въ вино нѣсколько капель купоросной кислоты; какъ бы мало свинцу въ винѣ не находилось, но по влитіи помянутой кислоты вино сдѣла-

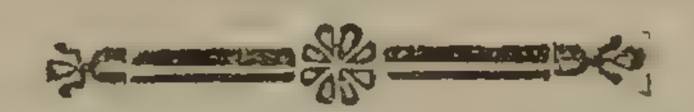
ется мутнымъ, молочнымъ, и металлъ на дно осаждается. При томъ сіе служитъ средствомъ и къ возвращенію вину естественнаго цвѣта и прозрачности, почерневшему отъ щелочной влажности.



КАКЪ ИСТРЕБЛЯТЬ КРЫСЪ.

Вари въ водѣ бѣлые Турецкіе бобы до тѣхъ поръ, пока они совершенно разбухнутъ и начнутъ лопать. Тогда сливаютъ воду; и когда бобы остынутъ и высохнутъ, жарятъ ихъ опять въ маслѣ такъ, чтобъ напоившись онымъ, сдѣлались сѣрыми, и потомъ разсыпаютъ ихъ по разнымъ мѣстамъ; что сіи животныя отъ сего истребляются, то надежнымъ и часто справедливымъ способомъ найдено. Но для чего сіи жареные бобы однимъ только крысамъ вредны и противны, причины сему не знаю, ибо они

другому животному не вредятъ. Сіи бобы должны быть двугодовые.



СРЕДСТВО ПРЕДОХРАНЯТЬ ПИВО ОТЪ ОКИСАНІЯ

Естьли въ то время, когда въ котлахъ хмѣль начнетъ кипѣть, и противную потѣряетъ горькость, а напротивъ того получитъ горькость пріятную, берутъ предъ наполненіемъ котла комъ бѣлой чистой сосновой смолы, которую каждый крестьянинъ легко съ сихъ деревъ собирать можетъ; и при томъ такой величины, чтобъ обѣими горстьми обхватить можно было, потомъ раздѣляютъ его на куски, кидаютъ въ котелъ, и мѣшаютъ хорошо; то пиво, которое ни мало смолянаго вкуса отъ того не принимаетъ, чрезъ то такъ предохраняется, что ни когда кислаго вкуса не получитъ, и совсемъ не окиснетъ.

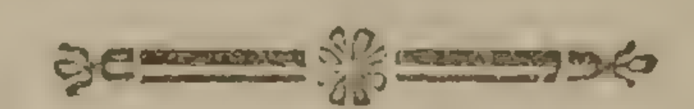
Сей опытъ дѣланъ былъ часто, и совершенно найденъ справедливымъ. Кружка такого пива, смѣшаннаго съ лучшимъ уксуснымъ отстоемъ, болѣе двухъ недѣль стояла на теплой печи, однако не примѣчено въ пивѣ ни малѣйшей кислоты.

КАКЪ ДѢЛАТЬ АГЛИНСКОЙ СОЛОДЪ.

Должно мочить ячмень два или три дни въ довольномъ количествѣ воды, пока хорошо разбухнетъ, и вода побурѣетъ. Потомъ спустивъ воду, разослать ячмень на землѣ въ вышину на два фута, дать ему лежать, чтобъ онъ сопрѣлъ, пока начнетъ трескаться и отпускать отростки; но должно наблюдать того, чтобъ онъ не слишкомъ долго лежалъ, для того что скоро пойдетъ зеленая порость, и тогда уже солодъ будетъ негоденъ.

И когда такимъ образомъ солодъ разлопался, тогда должно его кучами тонко на пространномъ полу или на дощатомъ помостѣ разослать такъ, чтобъ чрезъ всякіе 4 или 5 часовъ однажды цѣлые два дни можно было оборачивать, при чемъ каждый разъ должно сгребать его въ небольшія кучки поплотнѣе. Потомъ сбрасываютъ его опять въ большую кучу, дабы такъ согрѣлся, чтобъ руку едва въ ней держать можно было, что обыкновенно дѣлается отъ 30 до 40 часовъ. Тогда должно его опять размѣтать, чтобъ простылъ, и послѣ перенесть на сушильню, для крѣпкаго и скораго сушенія, но безъ перезженія. При семъ слѣдующее примѣтить надлежитъ: 1е, чтобъ ячмень былъ не очень старъ, и прежде хорошо перевѣянъ и перечищенъ, 2е, чтобъ не былъ разныхъ годовъ, ибо не равно пускаетъ ростки, 3е, чтобъ не долѣе стоялъ въ чану, какъ только пока набухнетъ, а не размокнетъ, 4е, чтобъ вода съ него

хорошенько стекла, 5е, чтобъ несильно пустилъ ростки, и не оказалъ листка, 6е, чтобъ переворачивать съ низу въ верьхъ и съ верьху въ низъ, когда примѣтятъ, что неравно пускаетъ ростки, дабы все равно было, 7е, чтобъ не пропускать времени мѣшать, когда солодъ изъ кучи разосланнымъ лежитъ, 8е, чтобъ сильное разгоряченіе предупредить вторично тонкимъ разстиланіемъ, 9е, чтобъ сушеніе въ солодовнѣ производилось съ надлежащею осторожностію, безъ излишняго жара, такъ, чтобъ въ нѣсколько дней бѣлый солодъ получить можно было.



ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ВЫКАРМЛИВАТЬ МОЛОДЫХЪ ТЕЛЯТЪ БЕЗЪ МОЛОКА.

Когда уже телята двухъ или трехъ дней, то отнимаютъ ихъ отъ коровъ, и ставятъ въ особый хлѣвъ, даютъ

имъ такой родъ каши, которая изъ одной трети ячменя, и двухъ третей овса, хорошо вмѣстѣ смолотыхъ, въ водѣ варится. Овсяную и ячменную муку просѣваютъ сквозь частое сито, потомъ полчаса варятъ, снимаютъ, и даютъ стоять, пока сдѣлается какъ парное молоко. Каждому теленку дается по утру около бутылки, и столько же въ вечеру, но съ возрастомъ теленка умножается и дача корму. Малаго требуется труда, чтобъ пріучить къ сему теленка. Когда телята восемь или десять дней на семъ корму пробудутъ, привязываютъ рязку сѣна посреди хлѣва, отъ которой они мало по малу начинаютъ ѣсть. Также насыпаютъ нѣсколько и вышеупомянутой муки въ маленькое корыто, дабы они по временамъ оную ѣли, что великую приноситъ пользу. Естьли они будутъ двухъ мѣсяцовъ, то можно выгонять ихъ въ лѣтнее время на луга. Изобрѣтатель сего Гнъ Буддъ получилъ въ Англіи золотую медаль.

КАКЪ ВАРИТЬ ПИВО ПО АГЛИНСКОМУ ОБРАЗЦУ.

Трудно опредѣлить мѣру хмѣля и солода, понеже при семъ много зависитъ отъ свойства и доброты обѣихъ вещей; молотый солодъ должно съ вечера передъ вареніемъ въ большемъ чану гораздо помочить кипяткомъ, и послѣ шесть часовъ сряду мѣшать его безпрестанно. Вареніе производится какъ обыкновенно, только что хмѣль кладутъ въ сухой котелъ, и до того времени на вольномъ жару мѣшаютъ, пока онъ совершенно выпрѣетъ, и къ рукамъ уже прилипать не станетъ. Въ прочемъ зависитъ отъ того, чтобъ снадобь, къ оному потребная, надлежащимъ образомъ была уварена, чтобъ дрожди не прежде времени положены были, и чтобъ потомъ надлежаще въ большіе сосуды влито было.

СПОСОБЪ ОБСУШИВАТЬ СТЕНЫ, *изъ которыхъ выступаетъ сырость и селитра.*

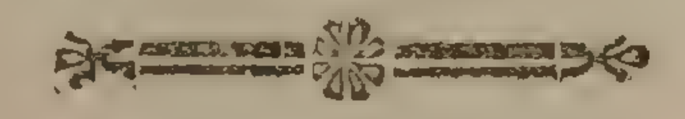
Возми мелко растолченной клѣйкой или вязкой глины, смѣшай съ льнянымЪ масломЪ и глетомЪ, и вымажь стены такЪ, какЪ краскою. По высушкѣ забѣли стены известью, послѣ чего можно безЪ всякой опасности обивать обоями.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ КУШАНЬЯ.

I. *ПУДИНГЪ ИЗЪ РУБЛЕНОЙ КАПУСТЫ.*

Сними всѣ зеленые листы, также всѣ кочерыжки, и всѣ толстые стебли, потомъ изруби остальное мѣльче, свари въ бульонѣ, или въ водѣ съ масломъ, перцомъ и мушкатнымъ цвѣтомъ, и вари до тѣхъ поръ, пока капуста мѣлка будетъ, и соусъ изъ оной сварится; посоли довольно, сними оное съ огня и простуди, между тѣмъ поставить кастрюльку съ водою, или бульономъ; когда же не случится бульону, то положи въ воду масла и цѣльные капустные листья, которые наконецъ вынь, и простуди, положи на салфетку, чтобъ высохли, и бульонъ оставь на соусъ; рубленую капусту смѣшай съ осмью лотами тол-

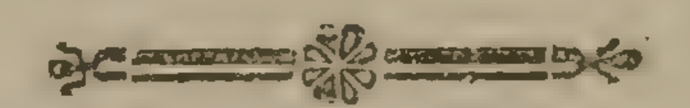
ченыхъ сухарей, или съ другимъ бѣлымъ хлѣбомъ, которой размочи прежде въ сливкахъ, и съ осмью свѣжими хорошенько взбитыми яицами, потомъ вымажь салфетку масломъ, положи ее въ глубокую чашку, и оную салфетку тѣми листьями въ два ряда укладй, потомъ положи приготовленной пудингъ въ оную салфетку, и завяжи крѣпко нитками, положи въ кипятокъ, которой посоли, и дай кипѣть два часа закрытому крышкою; какъ станешь пудингъ вынимать, то положи его, чтобъ вода стекла, и положи на рострѣ, между тѣмъ сдѣлай соусъ, положи въ кастрюльку кусокъ масла, и растопи, прибавь ложку муки, прилѣй немного капустнаго соусу, и три или четыре ложки сливокъ, положи немного сахару, только чтобъ не сладко было, взбѣй три или четыре желтка; и когда соусъ будетъ готовъ, то полѣй снымъ густую жижу или кулишъ, а остальное влѣй въ соусникъ.



2

ЧИНЕНАЯ КАПУСТА.

Взявъ кочанной капусты, взвари кочни, вынь изъ нихъ кочерыгу, потомъ начини ихъ слѣдующею начинкою: возми телятины или другова мяса, чистаго шпику, шампиніоновъ, петрушки, мѣлкаго луку, все оное изруби мѣлко, посоли и посыпь перцомъ, прибавя мякишу изъ калача, два цѣлыя яица и три желтка, перемѣшай всѣ вмѣстѣ, начини онымъ и свяжи ихъ, потомъ положи въ горшокъ, и когда сварятся, выкладывай наблюдо и подавай горячіе.



3.

БѢЛАЯ РЫБИЦА.

Она обыкновенно подается жареною: очистивши съ нее чешую, выпотроши, однако не вынимай изъ нее печенокъ, покатай ее въ мукѣ, изжарь, и подавай настолъ; естьлижь захочешь по-

давать ее съ лучшею приправою, то отрѣжь у нее голову, и вынь изъ середины ребро, расклади порядочно рыбу на томъ блюдѣ, которое будешь подавать, полѣй съ верьху соусомъ и подавай.

4.

КАКЪ ТЕТЕРЕВА ГОТОВИТЬ.

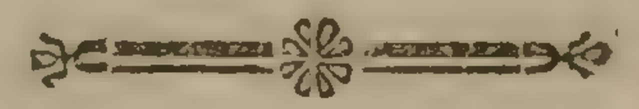
Тетерева заправить, нашпиковать, изжарить на вертелѣ, потомъ поджарить капусту красную съ масломъ и съ мукою, положить ветчины, и накапить бульономъ; и какъ капуста поспѣетъ, окладывать тетерева и подавать на столъ.

5.

ВАРЕНЕЦЪ ИЗЪ СЛИВОКЪ.

Взять сливокъ самыхъ хорошихъ и густыхъ, топить ихъ въ печи въ горшкѣ, и чтобъ кипѣли довольное время

до тѣхъ поръ, какъ красны будутъ; а истопивши, слить и простудить такъ, какъ парное молоко, и разлить въ мураленые небольшіе горшечки, въ оные сливки класть свѣжей смѣтаны, въ каждой горшечикъ по три ложки, и перемѣшать оное хорошенько, и оной варенецъ покрывать пѣнками изтопленнаго молока, для которыхъ пѣнокъ нарочно топить свѣжее топленое молоко.

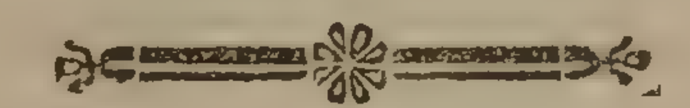


6.

СЛИВКИ СЪ МОЗГОМЪ.

Возми восемь желтковъ яишныхъ, которые разбѣй съ двумя ложками муки, положивъ немного зеленаго весьма мѣлко искрошеннаго лимону, немного померанцовой воды, влѣй сливокъ, и положи кусокъ сахару; потомъ возми четверть фунта мозгу, которой растопи на огнѣ, и процѣди его сквозь сито, положи въ сливки, вари ихъ на огнѣ около получаса; потомъ вынувъ

оттуда, положи восемь взбитыхЪ яишныхЪ бѣлковЪ, которые сперьва должны отложены быть на тортную сковородку, смѣшай ихЪ хорошенько сЪ сливками, и положи на то блюдо, которое должно подавать, вари вЪ печи или подЪ сковородкою; когдажЪ они сварятся, то возми какое нибудь хорошенькое перо, обмочи вЪ горячее масло, и поведи имЪ потихоньку по сливкамЪ, положи туда немедленно мѣлкаго миндалю, разнаго цвѣта, и подавай на столЪ.

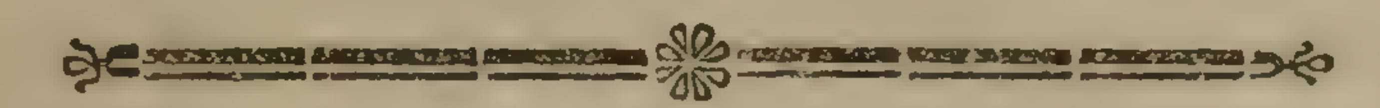


7.

КЛЮКОВНОЙ КИСЕЛЬ ИЗЪ СОРОЧИНСКАГО ПШЕНА.

Выжми изЪ клюквы сокЪ, процѣди сквозь полотенцо, положи туда мѣлкаго сахару, и взвари хорошенько; послѣ положи муки, сдѣ-

ланной изъ Сорочинскаго пшена, съ корицею, или лимонною коркою, и вари до тѣхъ поръ, пока будетъ такъ густо, какъ обыкновенно варится кисель.



СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

О НОВЫХЪ СВОЙСТВАХЪ НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ТОЙ БЕСѢДЫ, *о коей говорено было въ дезятой части сея книги въ сей же статьѣ.*

Я уже доносилъ моимъ читателямъ о обществѣ весельчаковъ, кои вознамѣрилися провести сіе лѣто въ деревнѣ въ большемъ домѣ, гдѣ каждой изъ нихъ имѣетъ по особливой весьма покойной комнатѣ, и сверьхъ того тамъ находится пространная больница, въ которой удобно могутъ помѣщаться всѣ нѣсколько нездоровые или невеселые. Секретарь сея веселыя шайки написалъ ко мнѣ по приказанію всѣхъ членовъ письмо, въ которомъ описываетъ онъ подробно все, что случилось въ семъ обществѣ въ теченіи прошедшей недѣли, сіе сообщаю я теперь публикѣ.

М. Г.

Мы весьма радуемся, что вы одобряете учрежденіе, постановленное нами здѣсь для возвращенія въ общежитіи, вѣжливости и пріятности взаимнаго обхожденія; мы твердое приняли намѣреніе всѣми силами стараться во все время пребыванія нашего въ деревнѣ усовершенствовать себя въ ономъ такъ, чтобъ къ будущей зимѣ могли мы служить образцомъ всему городу. Но дабы постановленія наши были столь же полезны всему обществу, сколько намъ, то мы сообщаемъ вамъ цѣлую недѣлю дѣлъ нашихъ, и при томъ покорнѣйше васъ просимъ снабдить насъ вашими благоразумными совѣтами, естьли паче чаянія найдете вы въ чемъ какой либо недостатокъ. Ибо да будетъ вамъ извѣстно Г. м. что члены наши единогласно избрали васъ своимъ Инспекторомъ, и что какъ одинъ изъ насъ отважился на прошедшей недѣлѣ критиковать нѣчто изъ нравоучительныхъ вашихъ сочиненій

безъ всякой годной причины, то его немедленно осудили отправить въ больницу.

Во Понедѣльникѣ. Все собраніе было весело, по той причинѣ, что по утру получили мы добрую провизію превосходнаго пива и вина; но около половины обѣда, случилось по несчастію, что нѣкто изъ членовъ разгнѣвался весьма неумѣренно на своего слугу за то, что онъ налилъ ему много воды въ вино. На сіе дневальный нашъ Президентъ, которой такъ же и Ораторъ нашего общества, убѣдивъ его въ невѣжливости его поступка, и въ обидѣ, нанесенной всему собранію, приказалъ вывести его изъ застола и отправить въ больницу. Въ сей день только одинъ еще заслужилъ сіе наказаніе, и такой человѣкъ, которой почитается остроумнѣйшимъ и вмѣстѣ нерасторопнѣйшимъ во всемъ городѣ. Вы мнѣ безъ сомнѣнія скажете, что это свойство весьма странное; я въ томъ признаюсь, но тѣмъ не менѣе

справедливо, что онъ всегда самъ съ собою не согласенъ, иногда чрезмѣрно веселъ и замысловатъ, а времянно глупъ какъ скотъ. Мы взяли его съ собою для большей забавы, и онъ столь хорошо выполнилъ наше ожиданіе во время путешествія, что болѣе издержалъ ума шутя надъ нашимъ кучеромъ, нежели сколько бы надобно было ему онаго на все время пребыванія нашего въ деревнѣ, естьлибъ онъ его поберегъ. Онъ не говорилъ уже дни три ни одного слова; а мы будучи въ надеждѣ, что онъ исцѣлится отъ сего мрачнаго расположенія, столько имѣли къ нему уваженія, что одинъ изъ оныхъ веселыхъ нашихъ членовъ былъ посланъ въ больницу за то, что сказалъ ему за столомъ, что онъ невеселъ. Но какъ Гнъ Президентъ усмотрѣлъ, что сей пароксизмъ глупости надмѣру долго продолжался, и что сіе означало нѣкоторое пренебреженіе къ собранію; то приказалъ ему удалиться въ мѣсто назначенное для та-

кого рода больныхъ. Какъ скоро пришелъ онъ въ больницу, то умъ его и веселость съ такимъ стремленіемъ къ нему возвращалися, что вся больница дрожала отъ восторговъ его радости, и больные столь хорошее дѣйствіе отъ того въ себѣ ощутили, что на другой же день привелъ онъ ихъ съ собою всѣхъ къ общественному столу.

Во Вторникъ. Едва сѣли мы за столъ, какъ одинъ изъ членовъ началъ жаловаться на жестокую въ головѣ боль. На сіе спросилъ у него нѣкто грубымъ голосомъ: за чемъ же ты пришелъ за столъ? Наконецъ, слово за слово, начали они уже горячиться, какъ Президентъ, для соблюденія тишины и спокойствія, приказалъ обѣихъ ихъ отправить въ больницу. Потомъ еще нѣкто сказалъ, что надобно ожидать ненастья, по тому, что онъ чувствуетъ боль въ плечѣ: такимъ образомъ Гнъ Президентъ отправилъ и его въ больницу,

дабы онъ могъ тамъ служить вмѣсто барометра.

Въ Среду. Одинъ изъ нашихъ собратій измѣняяся раза три или четыре въ лицѣ при чтеніи одного полученнаго имъ письма, писаннаго женскою рукою, и самъ попросился въ больницу. Президентъ на то согласился, съ тѣмъ однако же, чтобъ ему не давали тамъ ни пера ни чернилъ, ни бумаги до завтрашняго утра, ибо де утро вечера мудренѣе. Другой сидѣвшій за обѣдомъ, на самомъ концѣ стола показался нѣсколько печаленъ, по тому, что ни одного кушанья безъ хулы не оставилъ, и не смѣялся ни одного разу, хотя и много случаевъ къ тому представлялося: что примѣтя Гнъ Президентъ, сказалъ ему, что видно онъ нездоровъ, и что не лучше ли ему пройтися до больницы, куда и приказалъ ему итти. Послѣ обѣда одинъ весьма хорошой человѣкъ изъ нашего общества, сказалъ двоесмысленное словцо;

что услыша сидящій близь его, вскричалъ: въ больницу, въ больницу! Подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы ему всегда тошнилось отъ двусмысленныхъ словъ, и что онъ имѣетъ къ онымъ точно такое же отвращеніе, какъ нѣкоторые къ тараканамъ. Сіе причинило продолжительный споръ. Наконецъ собраніе заключило, чтобъ Гна критика послать въ то мѣсто, куда осуждалъ онъ своего товарища, а сего простить.

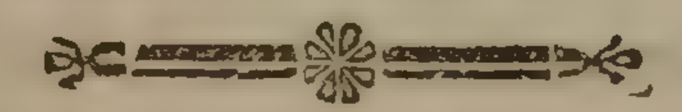
Въ Четвертокъ. Постановленія наши были нарушены однимъ только членомъ, у коего голосъ столько силенъ, сколь слабо понятіе. Онъ по нещастію началъ спорить съ однимъ изъ разумнѣйшихъ нашихъ товарищей, но при томъ человѣкомъ весьма скромнымъ. Горланъ разгорячась, отвѣтствовалъ на всѣ вопросы своего соперника необыкновенно громогласно, и вмѣсто того, чтобъ усиливать свои доказательства, усиливалъ свой голосъ. Наконецъ завравшись, и будучи,

такъ сказать, приведенъ въ тупикъ, еще болѣе сталъ онъ шумѣть, и столь запутался, что и самъ не зналъ что говорить; какъ вдругъ для учиненія болѣе впечатлѣнія надъ умами собранія, и для преклоненія видно членовъ на свою сторону, заключилъ онъ рѣчь свою сильнымъ кулачнымъ ударомъ по столу. Президентъ немедленно приказалъ заперѣть его въ больницу, и не давать ни чего ѣсть, кромѣ овсяной кашицы, до тѣхъ поръ, пока получитъ онъ чрезъ то все хладнокровіе, нужное въ общежитіи.

Въ Пятницу. Ничего не произошло достопамятнаго, кромѣ того, что читаны были разныя прошенія отъ заключенныхъ въ больницѣ, кои покорнѣйше просили о своемъ освобожденіи, и ручались другъ за друга въ добромъ своемъ поведеніи впредь.

Въ Субботу. Получили мы извиненіе отъ многихъ нашихъ собратій, кои чувствуя себя худорасположенными къ бесѣдованію, добровольно от-

правились въ больницу. Правда, что больница никогда не была столь полна, какъ въ сей день, и что я не могъ узнать тому причины прежде, пока не вышелъ на дворъ, и не увидѣлъ, что вѣтеръ перемѣнился. Пребываніе въ больницѣ большой части моихъ пріятелей, доставило мнѣ время для написанія къ вамъ сего письма, которое не долженъ я кончить не увѣривъ васъ, что всѣ члены нашего общества, какъ заключенные, такъ и свободные, суть ваши покорнѣйшіе слуги, въ числѣ коихъ и я нахожуся, и проч.



СНОВИДѢНІЕ
О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

Недостатки наши и заблужденія столь мало самимъ намъ извѣстны, что мы почитаемъ ихъ часто знаками нашего достоинства. Сіе-то самое успокоива-

етъ насъ среди бѣдственныхъ ихъ слѣдствій, побуждаетъ къ размноженію оныхъ, и къ вящшему отъ того къ самимъ себѣ уваженію. Отъ того то произходитъ, что безчисленное множество непонятныхъ химеръ, сумазбродныхъ забавъ и нелѣпыхъ дѣяній снабжаютъ насъ тьмою удовольствій, и поставляютъ насъ въ глазахъ другихъ подъ такою точкою зрѣнія, которою мы думаемъ, что имѣемъ причину хвалиться и славиться. Мнѣ случилося на сихъ дняхъ видѣть сонъ, которой мнѣ кажется къ сему будетъ приличенъ, и такъ я сообщаю его моимъ читателямъ.

Приснилося мнѣ, что я нахожусь на покрытой зеленою травою горѣ, на которую всходъ весьма казался удобенъ. *Заблужденіе* съ косыми глазами и народное *мнѣніе* съ многими головами, кои упражнялися въ ворожбѣ, и заставляли любить себя за свои очарованія, жили на вершинѣ сей горы, которая показалася мнѣ весьма прост-

ранною. Безчисленное множество людей подходили къ нимъ по двумъ разнымъ тропинкамъ. Нѣкоторые, имѣющіе видъ гордый и рѣшительный, шли прямо къ *заблужденію*, не дожидаясь проводника; другіе же будучи не столь заносчиваго свойства, вопрошали прежде народное *мнѣніе*, которое очаровавъ ихъ, и обезразсудивъ похвалами, отсылало къ *заблужденію*.

Когда пришли мы на вершину горы, гдѣ обитало *мнѣніе*, то увидѣли тамъ многихъ бесѣдующихъ съ нимъ людей, кои насъ опередили. Голосъ его былъ весьма пріятенъ; воздухъ наполнился очаровательнымъ благоуханіемъ, по мѣрѣ, какъ оно говорить продолжало; и казалось, что у него для каждаго изъ нихъ былъ особливый языкъ: они немедленно убѣждалися въ тѣхъ мысляхъ, что *мнѣніе* ихъ хвалитъ, и обѣщаетъ имъ рай въ награду за ихъ достоинства. Сіе побудило насъ за нимъ слѣдовать, пока привело оно насъ въ сіе блажен-

ное жилище. Сверьхъ того дорогою мы замѣтили, что всякой приписывалъ себѣ отмѣнныя дарованія, выхвалялъ самъ себя или другъ друга, при семъ случаѣ и хулилъ тѣхъ, кои не были украшены тѣми дарованіями, или не обладали ими въ толь высокой степени, какъ они.

Наконецъ приближились мы къ бесѣдкѣ, сдѣланной изъ деревьевъ, коихъ вѣтви перепутанныя однѣ съ другими, составляли непроницаемую рѣшотку. *Заблужденіе*, сидящее при входѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ искуствомъ произведена была нѣкоторая темнота, было одѣто въ бѣловатое платье, дабы въ ономъ болѣе походить на истинну. Поелику сія послѣдняя окружена всегда сіяніемъ, озаряющимъ глаза ея обожателей; то равномѣрно и *заблужденіе* имѣло волшебный жезлъ, чтобъ подражать ей въ чемъ нибудь, и нравиться посредствомъ своихъ ослѣпленій. Поднявъ свой жезлъ, и пробормотавъ нѣсколько словъ сквозь зубы,

вздумало оно потподчивать насъ блистательнымъ видѣніемъ, мы подняли глаза къ той части неба, на которую оно намъ указало, и усмотрѣли тамъ синеватый и весьма туманный предметъ, которой мало по малу становясь явственнѣе, подобно какъ лѣтній туманъ разсѣвается на вершинахъ горъ, когда солнце восходитъ на извѣстную высоту, пока наконецъ предстали нашему зрѣнію чертоги *тщеславія.*

Сіе зданіе воздымаясь на волнистыхъ облакахъ, кои служили ему основаніемъ, было поддерживаемо однимъ только волшебствомъ. Путь, по которому мы къ нему восходили, былъ подобенъ въ разноцвѣтности радугѣ, а повѣвающій на насъ Зефиръ услаждалъ чувства. Стены сего зданія были по видимому позлащены, сводъ онаго подобился видомъ пузырямъ, поднимающимся на водѣ; столбы же нижняго яруса, весьма тонкіе и жидкіе, были прекраснаго Коринѳскаго ордена.

Пришедъ ко вратамъ, у коихъ не было ни какой стражи; путешественники наши надѣясь на свое собственное достоинство, вошли во оные не дожидаясь, чтобъ кто ихъ проводилъ. Въ залѣ увидѣли мы множество призраковъ, кои помятавшись изъ стороны въ сторону, присоединилися къ тѣмъ изъ пришельцовъ, коихъ мнѣнія съ ихъ согласовалися. Тамъ показалася *честь* въ великомъ упадкѣ, неимѣющая ни чего предложить изъ подвиговъ своихъ предковъ, кромѣ ветхаго гербовника; *чванство*, отверзающее уста только на похвалу себѣ, и *щегольство*, ходящее на цыпочкахъ. Въ переднемъ углу залы подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, украшенномъ всѣмъ тѣмъ, что есть въ свѣтѣ блистательнѣйшаго, находился престолъ, на коемъ сидѣло *тщеславіе*, украшенное павлиными перьями, и почитаемое своими обожателями за вторую Венеру. Маленькой мальчикъ, находящійся близь его, служащій Купидономъ, и принуж-

дающій всѣхъ приходящихъ покланяться въ землю, назывался *ослѣпленіемъ*. Онъ обращалъ часто глаза на самаго себя, не помышляя ни мало объ окружающихъ его, и онъ занималъ оружіе у тѣхъ самыхъ, коихъ побѣдить ему хотѣлось. Стрѣла, пускаемая имъ въ воина, была снабдена плюмажемъ его; копье, бросаемое имъ въ ученаго человѣка, вооружено было перьями, коими онъ писалъ. Остріе же оружія, коимъ поражало оно богачей, было сдѣлано изъ золота и серебра, у нихъ же *ослѣпленіемъ* похищеннаго. Оно ловило политиковъ въ сѣти, изъ ихъ же собственныхъ хитростей сплѣтенныя; умягчало сердца красавицъ огнемъ, изъ ихъ собственныхъ глазъ почерпнутымъ, и воспламеняло жаръ ораторскій стрѣлами и молніею, выходящими изъ ихъ собственныхъ устъ. У подножія трона увидѣлъ я трехъ ложныхъ Грацій: *лесть* съ горшечкомъ румянъ въ рукахъ, *притворство* съ зеркаломъ, и *мода*, безпрестанно пере-

одѣвающаяся въ разныя платья. Сіи старалися только поддерживать и сохранять завоеванія, *ослѣпленіемъ* чинимыя, и каждая употребляла на то особенныя хитрости. *Лесть* подогняла всѣ предметы *жеманства*; *лингвотворство* снабжало новыми видами, кои въ рѣчахъ были необыкновенны, а *мода* не только скрывала природные недостатки, но и придавала еще нѣкоторыя внѣшнія художественныя красоты.

Углубясь въ размышленіе о всемъ меня окружающемъ, услышалъ я въ толпѣ нѣкоторой голосъ, сожалѣющій о бѣдственной участи смертныхъ, кои такимъ образомъ шатаются изъ стороны въ сторону, отъ сильнаго дыхновенія *мнѣнія*, обманываются *заблужденіемъ*, поощряются *ослѣпленіемъ*, и предаются всѣмъ хитростямъ *тщеславія*, пока наконецъ *стыдъ* и *бѣдность* ихъ постигнутъ. Едва сей гласъ раздался, какъ наступило въ собраніи всеобщее волненіе; наконецъ увидѣлъ

я почтеннаго старца, у коего на лицѣ была написана важность и рѣшимость, и коего хотѣли наказать за сіи жалобы. Онъ казался мнѣ былъ готовъ говорить для своего оправданія; но я ни кого не примѣтилъ, кто бы желалъ его слушать. *Тщеславіе*, увидя его, презрительно усмѣхнулося, *ослѣпленіе* возрѣло на него гнѣвнымъ окомъ; *лесть*, признавшая его за чистосердечіе, закрыла немедлѣнно лицо свое маскою, и обратилась къ нему спиною; *жеманство* изъ подъ опахала сдѣлало ему страшное кривляніе, называло его завистникомъ и клеветникомъ, а *мода* сказала, что по меньшей мѣрѣ онъ великой *невежа*. Такимъ образомъ будучи презрѣнъ и одураченъ всѣми, былъ онъ выгнанъ изъ собранія за то, что осмѣлился дурно говорить о достойныхъ людяхъ, блистающихъ въ свѣтѣ, и единогласно заключили поступать съ нимъ такимъ же образомъ вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣтится.

Я почувствовалъ съ самаго нача-

ла истину его жалобъ, но находился въ сомнѣніи о исполненіи послѣднихъ его словъ, какъ вдругъ поднялся на дворѣ чертоговъ великой шумъ, и мы увидѣли у воротъ толпу Гарпій. *Ярость* и *недовѣрчивость* немедлѣнно вошли въ чертоги, послѣдуемыя *смятеніемъ стыдомъ, посрамленіемъ, презрѣніемъ и бѣдностію. Тщеславіе* изчезло съ своимъ *купидономъ* и съ *Граціями*; всѣ его подданные разбѣжались и попрятались въ углахъ и въ норахъ; но посказанному мнѣ однимъ изъ присутствующихъ, многіе изъ нихъ были осуждены на житье въ темницахъ и погребахъ, въ уединеніи, или съ небольшимъ только числомъ людей; то есть осуждены упражняться въ рукодѣліяхъ и въ подлѣйшихъ ремеслахъ гражданской жизни. „ Но сіи, примолвилъ онъ съ *видомъ презрительнымъ*, суть такіе люди, кои желали бы обитать въ сихъ чертогахъ, хотя ихъ достоинства и богатства не соотвѣтствуютъ вели-

колѣпїю сего мѣста, и тѣмъ издержкамъ, кои необходимо должно здѣсь чинить. Мы уже многократно видали подобныя сему произшествїю. Подождите, чтобъ сей шумъ утихъ, и вы не замедлите увидѣть опять прежнее великолѣпіе.„ Боясь, чтобъ сей человѣкъ, которой показался мнѣ неисправимымъ, не остался тамъ, до того времени, пока его схватятъ, поблагодарилъ я его за совѣтъ его, и поспѣшно пошелъ къ воротамъ, куды нѣкоторые, устрашенные примѣромъ другихъ, уже прибѣжали, хотя съ начала и презрѣли жалобы *чистосердечїя.* Но какъ скоро ступили черезъ порогъ, весьма удивилися, увидя, что привидѣніе *заблужденїя* изчезло, и все зданіе висѣло на воздухѣ безъ всякой твердой подпоры. Мы вдругъ усмотрѣли, что не можемъ иначе оттуда освободиться, какъ сдѣлавъ весьма опасной прыжокъ, и я стократно проклиналъ безразсудное мое любопытство, подвергнувшее меня толикой опасности.

Сверьхъ того, по мѣрѣ того, какъ высокое ихъ о себѣ самихъ мнѣніе уменшалося; то мнѣ показалося, что чертоги съ нами опускались къ низу, и что когда ограничились они справедливымъ къ себѣ уваженіемъ, то сіе мѣсто чертоговъ, гдѣ мы находились, коснулося до земли, и изчезло, когда мы сошли съ онаго. Я не знаю въ прочемъ, примѣтили ли оставшіеся тамъ наше сошествіе, но тогда я сего не думалъ. Какъ бы то не было, сонъ мой здѣсь окончился, и подалъ мнѣ поводъ къ размышленію во всю мою жизнь о бѣдоносныхъ слѣдствіяхъ *заблужденія и тщеславія.*

О СВОЙСТВѢ ЧЕЛОВѢКА, *которой называется пріятнымъ въ обществѣ.*

Человѣкъ, имѣющій забавный нравъ въ бесѣдахъ, имѣетъ столько надвластія надъ тѣми, коихъ онъ забавляетъ, что они не видятъ его пороковъ, и что нѣкоторое небреженіе, которое неразлучно со всѣми его дѣяніями, гораздо успѣшнѣе ему бываетъ, нежели торопливость и услужливость другихъ людей, неимѣющихъ сего дарованія. *Дацинтъ* не держитъ данныхъ словъ во всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ, и когда его заочно гораздо побранятъ за сей негодной порокъ, то наконецъ заключаютъ тѣмъ; *но совсѣмъ тѣмъ онъ человѣкъ прелюбезный. Дацинтъ* обходится съ женою своею грубо и непристойно. Но сіе не препятствуетъ, чтобъ женщины, хулящія его за оное, не оканчивали свою критику тѣмъ, *что однако же онъ очень любезной человѣкъ. Дацинтъ* весьма неразборчивъ

во всемъ касающемся до чести, до учтивости или снисхожденія; но все сіе недостойно вниманія, *ибо онъ человѣкъ презабавной*. Когда къ сему дарованію присоединяются благоразумныя и добродѣтельныя дѣйствія, то ни что въ свѣтѣ не можетъ болѣе онаго нравиться; но когда оно только одно и служитъ къ прикрытію многихъ дурныхъ свойствъ, то ни одного человѣка не надлежитъ столько опасаться, какъ сего забавника. Сей пріятный человѣкъ очернитъ васъ какимъ нибудь ядовитымъ сатирическимъ словцомъ, просмѣетъ, развратитъ жену вашу или дочь; но не смотря на все сіе, его вездѣ съ удовольствіемъ принимаютъ. Такой человѣкъ помышляетъ только о собственной своей пользѣ или удовольствіи, не имѣя нималаго уваженія къ состоянію и выгодамъ ближнихъ, и часто покупаетъ оное на ихъ щотъ, сколь бы вредно то имъ не было.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О БѢДНОСТИ.

Бѣдный умный человѣкъ гораздо лучше глупаго богача.

Произвольно бѣдный человѣкъ ни чемъ не владѣетъ, и ни что имъ не владѣетъ.

О ВЫСОКОМѢРІИ.

Человѣкъ, увѣренный, что имѣетъ великія дарованія и великія свѣденія, не есть высокомѣренъ, естьли въ самомъ дѣлѣ имѣетъ оныя. Но тотъ только высокомѣренъ, кто обманывается въ хорошемъ своемъ о себѣ самомъ мнѣніи. Кто много въ томъ обманывается, тотъ весьма высокомѣренъ, а кто мало, тотъ менѣе высокомѣренъ. Такимъ образомъ умный чело-

вѣкъ будучи увѣренъ въ тѣхъ мысляхъ, что способенъ онъ къ великимъ дѣламъ, меньше высокомѣренъ, нежели дуракъ, почитающій себя способнымъ къ посредственнымъ вещамъ.

Дуракъ, почитающій себя умнымъ человѣкомъ, меньше намъ противенъ, нежели умный человѣкъ, выдающій себя за превосходнаго разумника. Однако же первый не меньше втораго обманывается. Но разница состоитъ только въ томъ, что одинъ по большей мѣрѣ равняется только съ нами; а другой возносится выше насъ, и по тому то и бываетъ намъ несноснѣе.

О МОЛЧАНІИ.

Мы почти не примѣчаемъ, что человѣкъ не говоритъ ни слова, когда онъ со вниманіемъ слушаетъ: по крайней мѣрѣ думаемъ мы, что онъ готовится говорить; кто же хорошо слушаетъ, что ему говорятъ, тотъ почти отвѣчаетъ.

Бойся молчанія зависти.

О УЕДИНЕНІИ.

Всѣ наши бѣдствія произходятъ отъ того, что мы не умѣемъ быть одни; отъ сего: игра, роскошь, мотовство, вино, женщины, невѣжество, злословіе, зависть и забвеніе Бога и самаго себя.

Мы часто выхваляемъ уединеніе, единственно отъ того, что не надѣемся блистать въ свѣтѣ.

О ДАРОВАНІЯХЪ.

Люди щитаютъ почти за ничто добродѣтели душевныя, но боготворятъ дарованія тѣлесныя и умственныя. Тотъ, кто съ холодностію говоритъ о себѣ, и не думая преступить границъ скромности, что онъ добръ, постояненъ, вѣренъ, искрененъ, справедливъ, благодаренъ, не смѣетъ сказать, что онъ уменъ, что у

него хороши глаза, что онъ бѣлъ; нѣтъ, сіе надмѣру сильно,

Богачи думаютъ, что дарованія покупаются на аршинъ, какъ сукно.

ЧТО ЛЮДИ ИМѢЮТЪ ВЪ СВѢТѢ ДРАГОЦѢННѢЙШАГО, КАКЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ?

Цицеронъ.

Занимаясь на сихъ дняхъ разсужденіемъ о всѣхъ нещастіяхъ, коимъ жизнь человѣческая подвержена, и сравнивъ бѣдствія стариковъ съ бѣдствіями младенчества, нахожу я, что дѣтскія нещастія произходятъ почти всегда отъ небреженія или худыхъ поступковъ ихъ родителей и ближнихъ, а стариковскія проистекаютъ отъ рода жизни, кою они вели. Здѣсь я предложу повѣсть о нѣкоторомъ молодомъ человѣкѣ, и о молодой дѣвушкѣ, отъ самаго ихъ младенчества, и до самаго

бракосочетанія, и не могу представить читателямъ моимъ лучшаго изображенія худо употребленнаго времени, и отвращенія, сопутствующаго съ худымъ состояніемъ, какъ то, которое увидите вы изъ полученныхъ мною отъ нихъ писемъ. Съ другой стороны я отсылаю отцовъ и матерей, худо воспитывающихъ своихъ дѣтей, къ Цицероновымъ словамъ, въ заглавіи сего разсужденія мною поставленныхъ, и сего должно быть довольно для возвращенія ихъ къ ихъ должности.

Господинъ Зритель!

Я вступилъ на двадцатой годъ моего возраста, и не помню, чтобъ во всю жизнь мою имѣлъ я хотя одинъ пріятный день, съ того времени, какъ я началъ разсуждать, до самаго брака, которой есть время лишенія свободы для прочихъ мущинъ, какъ сказываютъ. Я сынъ одного весьма богатаго дворянина, которой для предохраненія меня отъ пороковъ юности,

вздумалЪ лишить меня всѣхЪ тѣхЪ предметовЪ, кои бы хотя малѣйшее удовольствіе могли мнѣ причинить. На десятомЪ году отправилЪ меня вЪ Латинскую школу, коея начальникЪ имѣлЪ отЪ отца моего повелѣніе, на всякой почтѣ подтверждаемое, обходиться со мною какЪ возможно строжае, и не имѣть ни малѣйшаго уваженія кЪ богатству, коего я буду со временемЪ наслѣдникомЪ. Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтЪ, то отвезли меня вЪ УниверситетЪ, гдѣ жилЪ я по милости здравой политики моего батюшки, вЪ бѣдственнѣйшемЪ состояніи и вЪ крайнѣйшей бѣдности, до того времени, какЪ почли меня достойнымЪ брачнаго сочетанія, и привезли домой, чтобЪ женить меня на той особѣ, которая пишетЪ кЪ вамЪ слѣдующее письмо. При перьвомЪ нашемЪ свиданіи заключили мы оба, что не возможно намЪ будетЪ вмѣстѣ хуже жить, какЪ мы жили до нашей свадьбы; такимЪ-то образомЪ соеди-

нилися мы священными узами, для того, чтобЪ освободиться изЪ неволи. ОтецЪ мой говоритЪ нынѣ, что я уже настоящій человѣкЪ, и могу сЪ нимЪ говорить, такЪ, какЪ и всѣ прочіе. Я есмь и проч.

ГосподинЪ Зритель!

Я взросла большею повѣсою у матери моей, которая есть весьма веселонравная вдова, не старавшаяся ни мало образовать меня для свѣта и общежитія. Но тому года два назадЪ, какЪ одинЪ изЪ моихЪ дядей, мой опекунЪ, послалЪ меня вЪ училище, гдѣ воспитываются молодыя дѣвицы, сЪ приказаніемЪ кЪ содержательницѣ онаго, чтобЪ она мнѣ ни вЪ чемЪ не попоречила, подЪ тѣмЪ предлогомЪ, что будто я уже много отЪ того горя претерпѣвала. Едва прошелЪ одинЪ мѣсяцЪ пребыванія моего вЪ училищѣ, какЪ увидя на поваренномЪ очагѣ овсяную крупу; положила я вЪ ротЪ три

или четыре крупинки, и разжевавъ оныя, столько нашла ихъ по моему вкусу, что украла цѣлую горсть, и ушедши въ свою комнату, все съѣла. Сіе потворяла я всякой день два мѣсяца сряду. Въ другой разъ шаля глиняною курительною трубкою, держала ее въ роту; какъ-то отломился отъ нее кончикъ, и я выплюнувъ немедленно отломокъ, почувствовала отъ онаго столь пріятную на языкѣ моемъ острошу, что не могла удержаться, чтобъ не съѣсть весь отломокъ. Такимъ образомъ оставя овсяную крупу, начала я кушать трубки три мѣсяца сряду, и въ сіе время съѣла оныхъ 37, по самую головку, хотя оныя и весьма были гадки, по причинѣ куримаго изъ нихъ табаку. Доброй старичокъ, отецъ моей учительницы, кому оныя трубки принадлежали, какъ только то примѣтилъ, то немедленно и спряталъ всѣ новыя, что принудило меня разстаться съ трубками, и лизать мѣлъ. Вскорѣ наскучивъ симъ, объѣла я весь

сургучь, коимъ послѣдніе бальные наши билеты были запечатаны; чрезъ три же недѣли послѣ того, скушала я такимъ же образомъ весь черный сургучь съ похоронныхъ билетовъ, кои были присылаемы къ нашему доброму старичку. Два мѣсяца потомъ жила я громовыми стрѣлами, кои находила въ пескѣ нашего сада. Сіи камни казались мнѣ преизящнаго вкуса; но когда оныхъ у меня не стало, то я зубами и ногтями цѣлой годъ отгрызала и отколупывала глину отъ садовой ограды, и съѣла на цѣлой футъ въ глубину, къ двору одного сосѣдняго дома. Мнѣ казалось тогда, что я щастливѣйшая женщина въ свѣтѣ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, правду вамъ сказать, чтобъ я со временемъ не прогрызла стену на сквозь, естьлибъ она была въ моей комнатѣ; но отъ сей пищи я сдѣлалась такъ неповоротлива и лѣнива, что принуждена была искать поближе удовлетворенія моей склонности. Получивъ безмѣрную охо-

шу къ угольямъ. я ѣла всѣ попадающіеся мнѣ въ руки, и съѣла уже болѣе, нежели надобно въ кузницу на цѣлой мѣсяцъ, какъ дядюшка пріѣхалъ вдругъ брать меня домой. онъ находился въ низу съ учительницею, когда пришли меня къ нему звать. Привыкнувъ называть ево отцомъ, бросилася я лобызать его колѣна, и просить его благословенія; но сей добрый дворянинъ, вмѣсто того, чтобъ меня благословить, взглянувъ на учительницу, спрашивалъ, указывая на меня, не уже ли это моя племянница. Это, примолвилъ онъ, какая-то смерть. Племянница моя была дородна, свѣжа, румяна и здорова, а эта кажется, что умираетъ съ голоду, и болѣе похожа на скелета, нежели на живаго человѣка. Учительница, которая дѣйствительно женщина весьма добрая, увѣряла моего дядю, что мнѣ ни въ чемъ не было недостатку; и сказала ему такъ же, что я забавлялася безпрестанно ядѣніемъ какой нибудь дряни,

и что отъ сего-то я пришла въ то бѣдственное состоянiе, въ которомъ онъ меня находитъ; но что вѣть онъ самъ приказывалъ ни въ чемъ мнѣ не попречить. Все сiе послужило только къ вящшему раздраженiю моего дяди, но не открыло ему глазъ въ разсужденiи меня; такимъ образомъ онъ заплатя за содержанiе мое деньги, взялъ меня, и повезъ съ собою.

Вскорѣ послѣ прибытiя моего въ родительской домъ, увидѣла я въ одно Воскресенье у обѣдни, (сего я по смерть мою не забуду) молодаго сосѣдняго дворянина, которой мнѣ весьма понравился, и я съ той же минуты пожелала, что бы онъ нашелъ меня столь же прiятною. На другой же день, отецъ его привезъ его къ намъ: намъ даже дали каждому вообще наставленiя, чтобъ мы любили другъ друга, и оставили насъ на одинѣ, мы столь охотно повиновалися данному предписанiю, что чрезъ три недѣли насъ женили. Я не замедлила

притти въ прежнее свое здоровое положеніе, румянецъ мой и дородство возвратились, и я съ тѣхъ поръ бываю щастлива съ утра до вечера, и такъ я покорнѣйше васъ прошу, Г. Зритель, потрудиться, изобрѣсть какое либо имя, изъясняющее свойство сихъ странными прихотями одержимыхъ дѣвушекъ, или различить ихъ, раздѣливъ на розряды, какъ-то: кушательницы дряни, жевательницы овсяныхъ крупъ, грызунщицы курительныхъ трубокъ, лизательницы мѣлу, кусательницы сургуча, глотательницы угольевъ, колупательницы стенъ, или копательницы пѣску. Сдѣлайте милость Государь мой, употребите стараніе на осмѣяніе сихъ непонятныхъ прихотей, которыя столь сильно владѣютъ нѣкоторыми молодыми дѣвушками, и увѣдомьте ихъ, что можетъ быть имъ и не такъ легко удастся сдѣлаться щастливыми, какъ вашей покорнѣйшей услужницѣ и проч.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ѲЕОФРАСТОВЫХЪ ХАРАКТЕРОВЪ.

О ЗЛОСЛОВІИ.

Вотъ что есть злословіе: непреоборимая души наклонность дурно мыслить о всѣхъ людяхъ, которая чрезъ слова обнаруживается; чтожъ касается до человѣка злословнаго, то вотъ таково его свойство: спросите вы его о комъ нибудь, что ето за человѣкъ? Онъ тотчасъ сдѣлаетъ вамъ его родословную. Отецъ его, скажетъ онъ, назывался Созія (*), которой служилъ въ войскахъ подъ имянемъ Созистрата; будучи отпущенъ на волю, записался онъ въ одно изъ коленъ градскихъ (**). Что касается до матери его, то она была благородная Ѳракіянка (***), ибо

(*) Въ Греціи симъ именемъ называются одни только слуги и невольники.

(**) Городъ Аѳины былъ раздѣленъ на многія колена.

(***) Сіе сказано въ насмѣшку о Ѳракіянкахъ,

Ѳракїйскїя женщины, примолвилъ онъ, по большой части превозносятся древностїю своего благородства: и такъ, человѣкъ, о коемъ вы спрашиваете, рожденный отъ столь честныхъ родителей, есть бездѣльникъ, достойной висѣлицы. Потомъ обратясь къ матери его, скажетъ онъ, и описываетъ слѣдующими красками: она, продолжаетъ онъ, изъ числа тѣхъ женщинъ, кои на большихъ дорогахъ караулятъ молодыхъ проѣзжающихъ мущинъ (*), и такъ сказать, похищаютъ ихъ. „ Находясь въ бесѣдѣ, и слыша, что нѣкто худо говоритъ объ одномъ отсутствующемъ человѣкѣ, пристаетъ онъ къ его рѣчи и говоритъ, я вашего же мнѣнїя: сей человѣкъ мнѣ ненавистенъ, и я не могу его терпѣть; какое у него отвратительное лицо! Естьли въ свѣтѣ подобной ему плутъ и безумецъ?

кои приходили въ Грецїю, чтобъ быть служанками, или чемъ либо еще хужшимъ.

(*) Онѣ держали на большихъ дорогахъ постоялые дворы гдѣ производили безчестную торговлю.

Знаете ли вы, сколько онъ выдаетъ женѣ своей денегъ на всякой обѣдъ? Три обола (*), не больше, и повѣрите ли вы, что и зимою въ самые лютые морозы въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ заставляетъ жену свою купаться въ рѣкѣ! — Послѣ сего описанія, естьли кто изъ гостей, тутъ бывшихъ, поѣдетъ домой, хотя бы былъ тотъ самой, чье мнѣніе защищалъ онъ за минуту предъ симъ, то онъ и объ немъ заговоритъ шутя точно такъ же: онъ не щадитъ ни кого изъ своихъ пріятелей; самые даже умершіе не находятъ въ гробахъ своихъ убѣжища отъ его ядовитаго языка.

О ХВАСТОВСТВѢ.

Я не думаю, чтобъ можно было лучшее понятіе имѣть о хвастовствѣ, какъ сказавъ, что оно такая страсть въ человѣкѣ, которая побуждаетъ его превозноситься богатствами или даро-

(*) Самая малая Греческая монета.

ваніями, коихъ онъ не имѣетъ. Человѣкъ, подверженный сей страсти прогуливаяся по биржѣ, останавливается въ томъ мѣстѣ, гдѣ купцы разкладываютъ свои товары, и гдѣ наиболѣе чужестранцовъ собирается: онъ тотчасъ вступаетъ съ ними въ разговоры, скажетъ имъ, что онъ имѣетъ великое богатство на корабляхъ, разсуждаетъ съ ними о выгодахъ торговли, о несмѣтномъ прибыткѣ, коего могутъ надѣяться вступающіе въ оную, а особливо о томъ, которой онъ самъ отъ того получилъ. Путешествуя, остановляетъ онъ перьваго попавшагося ему на встрѣчу, сказываетъ ему, что онъ служилъ подъ начальствомъ Александра Великаго, и много способствовалъ ему въ одержаніи знаменитыхъ побѣдъ; какіе драгоцѣнные сосуды, осыпанные дорогими каменьями, вывезъ онъ съ собою изъ Азіи, какіе тамъ превосходные художники, и сколько Европейскіе отъ нихъ далеки. Иногда хвастаетъ онъ, что получилъ письмо

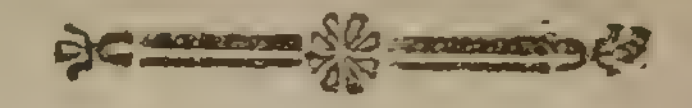
отъ какого либо Великаго Государя, котораго и не знаетъ однако же, естьли онъ на свѣтѣ. Въ другой разъ скажетъ онъ, что правительство позволило ему вывозить въ чужія страны безъ пошлины столько строеваго лѣсу, сколько ему разсудится; но что онъ для избѣжанія народной зависти, не захотѣлъ пользоваться симъ преимуществомъ. Онъ присовокупляетъ къ тому, что во время великой дороговизны съѣстныхъ припасовъ, роздалъ онъ неимущимъ Аѳинскимъ гражданамъ до пяти талантовъ: и естьли говоритъ онъ съ незнакомыми людьми, то заставляетъ ихъ выкладывать на щотахъ, кому и кому оказалъ онъ свое великодушіе, и хотя бы сіе число простиралось до шести сотъ; то онъ всѣмъ имъ выдумаетъ приличныя имяна; потомъ, когда сложитъ всѣ тѣ деньги, то выйдетъ вдвое больше, нежели онъ думалъ, и что употребилъ онъ на вспоможеніе симъ бѣднымъ десять талантовъ, не щитая,

продолжаетЪ онЪ, что я вооружилЪ на свое иждивеніе галеры, и что онЪ служилЪ и отправлялЪ нѣкоторыя важныя должности безЪ всякаго награжденія. Сей хвастунЪ пошедЪ кЪ купцу, торгующему дорогими лошадьми, заставляетЪ его выводить изЪ конюшни лучшихЪ и самыхЪ дорогихЪ, и торгуется сЪ нимЪ, какЪ будто бы хочетЪ купить. ТакимЪ же образомЪ посѣщаетЪ онЪ лавки купеческія, велитЪ разскладывать предЪ собою богатѣйшія парчевыя платья, изЪ коихЪ каждое стоитЪ до двухЪ талантовЪ, и выходитЪ изЪ лавки браня своего слугу, для чего онЪ не носитЪ за нимЪ денегЪ. НаконецЪ ежели онЪ живетЪ вЪ наемномЪ домѣ, то невѣдающимЪ того, смѣло говоритЪ, что ето домЪ, доставшійся ему послѣ покойнаго его родителя; но что онЪ хочетЪ оной продать, по той причинѣ, что онЪ очень малЪ для великаго числа гостей, его посѣщающихЪ.

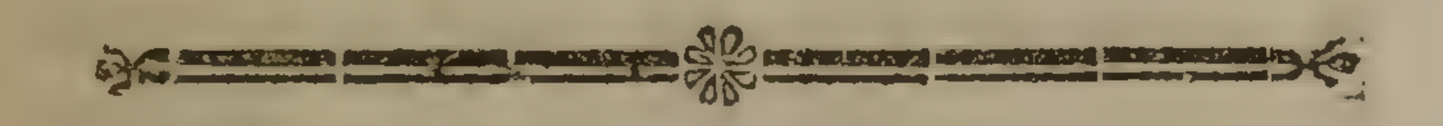
О ЧЕЛОВѢКѢ, ДѢЛАЮЩЕМЪ ВСЕ НЕ ВО ВРЕМЯ.

Сіе невѣденіе времяни и случая состоитъ въ такомъ обхожденіи съ людьми, которое наноситъ имъ всегда безпокойство и недоумѣніе. Такой безпокойной человѣкъ избираетъ имянно то время, въ которое другъ его отягченъ собственными дѣлами, чтобъ докучать ему о своихъ; пріѣхавъ въ гости, когда у хозяина лихорадка, онъ цѣлой день надоѣдаетъ ему своимъ присутствіемъ, и остается у него ужинать. Будучи взятъ въ свидѣтели въ какомъ нибудь дѣлѣ, приходитъ онъ въ судъ тогда, какъ уже то дѣло рѣшено: будучи позванъ на свадьбу, начинаетъ онъ тамъ злословить весь женской полъ, и смѣется надъ тѣми, кои женятся, называя ихъ несмысленными: тащитъ съ собою прогуливаться человѣка, которой только что возвратился изъ долговременнаго и труднаго путешествія, и которой

только хочетъ успокоиться. Такой человѣкъ весьма способенъ предлагать за какую нибудь вещь достойную цѣну, тогда, когда уже сія вещь продана: скучаетъ собранію разсказываніемъ подробно такого произшествія, которое всѣмъ уже давно извѣстно, и лучше, нежели ему: иногда увидя, что пріятель его при немъ станетъ наказывать своего слугу, скажетъ онъ: я потѣрялъ такимъ образомъ одного изъ моихъ слугъ, я велѣлъ его высѣчь, а онъ съ отчаянія удавился. Наконецъ, ежели позовутъ его мирить двухъ ссорящихся особъ, то вмѣсто примирѣнія, поссоритъ онъ еще болѣе, и доведетъ до драки. Еще же часто съ такимъ человѣкомъ случается, что онъ выбравъ изъ многочисленной бесѣды самаго пожилаго, степеннаго и хладнокровнаго старика, беретъ его за руки, и прыгаетъ съ нимъ по комнатѣ, насвистывая, или напѣвая какую нибудь пѣсню.



СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.



ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Продолженіе анекдотовъ о Маркизѣ де Ментенонъ.

Гжа де Монтеспанъ желая скрыть отъ свѣта слабости свои, и воспитывать тайно дѣтей, которыхъ она имѣла отъ Короля, искала такую женщину, которая бы могла сохранить важную тайну, и была бы при томъ въ состояніи воспитывать ее дѣтей. Она бросила глаза на Гжу Скарронъ, какъ на одну изъ своихъ преданнѣйшихъ. Сей выборъ не понравился Людовику. Любимица же будучи увѣрена,

что не можетъ учинить лучшаго, велѣла ей предложить чрезъ Гжу Гандикуртъ, не возмется ли она воспитывать дитя, рожденное отъ одного Великаго Государя. Госпожа Скарронъ отказалась, и столь упорно въ томъ стояла, что принуждены были послать ее уговаривать Гна Лувуа. Аббатъ Гобелинъ, духовникъ ея, разсудилъ, что скрывать слабости Гжи де Монтеспанъ есть дѣло богоугодное и отнюдь непротивное добродѣтели. И такъ отвѣчала она Министру: естьли сей ребенокъ Королевской, то я соглашаюсь на ваше предложенiе; но желаю, чтобъ онъ самъ мнѣ то приказалъ, а я не намѣрена воспитывать дѣтей Гжи де Монтеспанъ. Ее позвали ко Двору. Король приказалъ ей взять на себя попеченiе о томъ дитяти, котораго получитъ она отъ Гжи де Монтеспанъ. Госпожа Скарронъ, ободренная самою доброю своею славою, и обезопасенная отъ всякаго постыднаго сообщества съ Гжею де Монтеспанъ,

съ радостію приняла на себя сію трудную должность, которая ее заставляла вести уединенную жизнь; и такъ она дала знать своимъ знакомымъ новое расположеніе своего житія. Боясь же, чтобъ частыя посѣщенія не помѣшали ей выполнять всѣхъ обязанностей своего званія, наняла она домъ въ предмѣстіи Святаго Германа, гдѣ сказала она, что будетъ жить одна, и никого не станетъ принимать, кромѣ малаго числа искреннѣйшихъ своихъ друзей. Гжа де Монтеспанъ родила въ одномъ отдаленномъ домѣ, со всѣми предосторожностями, коихъ требуетъ глубочайшая тайна. Клеманъ Акушеръ былъ привезенъ въ оной домъ, съ завязанными глазами, и столь мало подозрѣвалъ настоящаго родителя дитяти сего, что Король, тутъ бывшій, подалъ самъ ему пить по его прозьбѣ. Когда же надлежало Гжѣ Скарронъ получить ввѣряемый ей залогъ, то она нанявъ на нѣкоторой мало посѣщаемой улицѣ карету, пріѣхала къ

Гжѣ де Монтеспанъ въ маскѣ, взяла дитя, завернула его въ поясъ свой, и не снимая маску, возвратилася оттолѣ не безъ страха, чтобъ тайна сія не открылась. Чрезмѣрная ея чувствительность учинила для нее должность сію еще труднѣйшею: она исполняла оную не такъ, какъ наемница, но какъ философка, знающая, сколько жизнь знатныхъ и свойства ихъ могутъ быть полезны или вредны людямъ. Плодородіе Гжи де Монтеспанъ угрожало ее долговремяннымъ невольничествомъ. Вмѣсто одного дитяти, ей обѣщаннаго, получила она ихъ троихъ: ей дали большой и прекрасной домъ близъ Вожирарда, дали людей, лошадей, однимъ словомъ, все то, что не болѣе двухъ дней продолжаетъ намъ нравиться. Для лучшаго же сокрытія сея тайны, по утрамъ ѣздила она къ своимъ пріятельницамъ, а послѣ обѣда принимала къ себѣ гостей. Всѣ сіи предосторожности не воспрепятствовали любопытству

искать проникнуть въ сію тайну, и быстрота придворныхъ прозрѣла въ оную. Какъ скоро произносили при ней имя Гжи де Монтеспанъ, то примѣтна была въ лицѣ ея нѣкоторая перемѣна. Для уменшенія же сей удобности краснѣть, пускала она себѣ многократно кровь, но тѣмъ только что повреждала себѣ здоровье, а краснѣла не меньше прежняго. Колбертъ будучи столько же любопытенъ, какъ и прочіе, и болѣе прочихъ въ томъ участвующій, захотѣлъ дознаться непремѣнно, правда ли то, что она воспитываетъ дѣтей. Онъ пріѣхалъ къ ней, и желая застать ее въ расплохъ, вошелъ безъ докладу, и засталъ ее ласкающую одного изъ ввѣренныхъ ей Принцовъ. Не потѣрявъ присутствія разума, и не оказавъ ни малаго смятенія, умѣла она скрыть его отъ его глазъ, велѣла вынести, какъ свертокъ бѣлья, и приняла Министра съ такимъ хладнокровіемъ, которымъ онъ былъ обманутъ, или показался таковымъ.

Король захотѣлъ, чтобъ его дѣти воспитывалися въ его глазахъ. И такъ отвели имъ комнаты во дворцѣ. Гжа Скарронъ продолжала свои о нихъ старанія съ такою же, какъ и прежде, тайною. Чѣмъ болѣе Гжа де Монтеспанъ ее познавала, тѣмъ нужнѣе и пріятнѣе она ей становилася. Тогда-то началася между ими та связь, которой слѣдствія столь были удивительны, что одна не могла ихъ предвидѣть, другая не могла желать, и ни одинъ изъ ихъ друзей не могъ оныхъ себѣ представить. Король былъ тогда весьма далекъ отъ склонности къ Гжѣ Скарронъ. Одно слово Гжи Гандикуртъ внушило ему внутреннѣе нѣкое отвращеніе къ воспитательницѣ его дѣтей. Король спросилъ однажды о Гжѣ де Монтеспанъ, что она дѣлаетъ: она беседуетъ, отвѣчала Гжа Гандикуртъ, съ Гжею Скарронъ, и разсуждаетъ о такой высокой и ученой матеріи, что я не понимая изъ разговоровъ ихъ ни одного слова, ушла

отъ нихъ. Сего довольно было, чтобъ внушить въ Короля отвращеніе къ Гжѣ Скарронъ: онъ любилъ умныхъ людей, но не могъ терпѣть тѣхъ, кои стараются при всякомъ случаѣ умъ свой показывать. И такъ почелъ онъ Гжу Скарронъ за опасную и скучную Педантку, и за такую женщину, которой обхожденіе стихотворца совсемъ испортило. Онъ не иначе называлъ ее, какъ жеманщицею. Какую забаву находите вы, говорилъ онъ Гжѣ де Монтеспанъ, разговаривать безпрестанно съ етою жеманною болтуньею? Не уже ли вы хотите, чтобъ она и васъ такою же сдѣлала, какова сама? Однако же кормилица дала почувствовать однажды всю цѣну услугъ Гжи Скарронъ, столь сильно, что едва ли она сама моглабъ такъ учинить. Король спросилъ у нее: чьи ето дѣти? Я думаю, отвѣчала сія простодушная женщина, что они побочные дѣти какого нибудь Герцога, или Парламентскаго Президента; что же касается

до матери, то видя барыню нашу въ несказанной печали при малѣйшемъ припадкѣ, съ ними случающемся, я у-вѣрена, что она-то и есть ихъ мать. Герцогъ дю Менъ, коего рожденіе не почиталось уже почти тайною, много такъ же споспѣшествовалъ ко внушенію Королю лучшаго мнѣнія о Гжѣ Скарронъ. Людовикъ, подобно, какъ и всѣ прочіе Бурбоны, былъ весьма чадолюбивый отецъ, и удостоивалъ иногда забавляться и играть съ сыномъ своимъ. Будучи доволенъ его умомъ, не могъ онъ утерпѣть, чтобъ не назвать его умникомъ. Какъ мнѣ не быть умнымъ, отвѣчалъ дитя, когда меня воспитываетъ самъ разумъ. Сей отвѣтъ доставилъ воспитательницѣ сто тысячь франковъ, кои Король ей подарилъ. Вскорѣ послѣ того Королю случилось съ нею говорить; онъ весьма удивился живости и скромности такой женщины, которую описали ему какъ странную и тщеславную Педантку. Онъ удостоилъ сдѣлать ее участ-

ницею во всѣхъ своихъ скрытнѣйшихъ увеселеніяхъ, по прозьбѣ Гжи де Монтеспанъ. Однако же всѣ еще, не смотря на то, она ему не совсемъ нравилася; и онъ, можно сказать, только что сносилъ ея присутствіе за маленькимъ своимъ столикомъ, но никогда не являлъ желанія, чтобъ она ближе находилася. Вышеписанное слово Гжи Гандикуртъ столь сильное сдѣлало надъ нимъ впечатлѣніе, что оное еще продолжалось; онъ почиталъ ее такою женщиною, которая желала затмить собою всѣхъ ученыхъ. Дивясь, что показывала она столь много здраваго смысла, не открывая нимало своихъ свѣденій, думалъ онъ, можетъ быть, что онѣ предъ нимъ принуждаетъ себя, а можетъ быть онъ и самъ былъ при ней принужденымъ. Но наконецъ одно произшествіе довершило истребить совсемъ Королевское предъубѣжденіе. Часто случалися споры между Гжею де Монтеспанъ и Гжею Скарронъ. Король вышедъ наконецъ

изъ терпѣнія отъ сихъ безпрестанныхъ ссоръ, сказалъ Гжѣ де Монтеспанъ: естьли она вамъ не нравится, то для чего вы ее не сгоните? Развѣ вы невластны? Гжа де Монтеспанъ разсудила. что удобнѣе будетъ помириться съ Гжею Скарронъ, нежели найти на мѣсто ее другую; но она сказала ей однажды, что Король далъ ей полную волю отмстить ей, какъ она хочетъ. Гжа Скарронъ, обиженная до крайности такимъ словомъ, которое ее подчиняло прихотямъ сей женщины, объявила, что желаетъ отъ Двора отойти. Друзья ея всѣми силами старались ее уговорить, чтобъ она не убѣгала отъ счастія, за нею гонящагося; но всѣ ихъ старанія остались тщетны. Король ее обидѣлъ, и она желала, чтобъ Король же и загладилъ причиненное ей оскорбленіе. Король почувствовалъ великое уваженіе къ такой женщинѣ, которая не признавала надъ собою другова начальника, кромѣ одного его; онъ перестал

убѣгать ея обхожденія, освободилъ ее отъ узъ, въ коихъ держала ее Гжа де Монтеспанъ; приказалъ, чтобъ она ни кому, кромѣ его, не отдавала отчету въ воспитаніи Принцовъ; и нашелъ ее столь любезною въ обхожденіи, что совершенно исцѣлился отъ своего предъубѣжденія.

Король, очарованный прелестями ея обхожденія, часто запирался съ нею и съ Гжею де Монтеспанъ. Иногда избиралъ онъ ее посредницею въ спорахъ, кои случалось ему имѣть съ своею любовницею. Вы виноваты, сказала, она ему однажды съ откровенностію; но отъ Вашего Величества зависитъ всегда быть правымъ. Гжа де Монтеспанъ бросала на нее взгляды, наполненные удивленіемъ и гнѣвомъ. По видимому, сударыня, примолвила Гжа Скарронъ, естьли Королю вздумается спасаться, то вы ему въ томъ не воспрепятствуете.

Она употребила деньги, полученныя ею въ награжденіе отъ Короля

за ея услугу, на покупку земли Ментенонъ, лежащей за четырнатцать миль отъ Парижа, и за десять отъ Версаліи. Она заплатила за оную 250 тысячь ливровъ, и пріѣхавъ туда, сказала: здѣсь-то я умру. Сія земля была одно только недвижимое имѣніе, коимъ владѣла она, будучи въ великой милости, которая бы могла доставить ей многія богатыя помѣстья. Король увидѣлъ ее столь довольною симъ пріобрѣтеніемъ, что публично назвалъ ее Гжею де Ментенонъ. Публика подумала, что сіе названіе было положено съ общаго ея съ Королемъ условія. Друзья ея начали укорять ее, что она презираетъ имя своего мужа; а завистники разсѣвали вездѣ о ней, что она занимается одними только бездѣлками и знатностію. Славная Гжа де Севинье, слыша то, говорила съ жаромъ: надобно по етому, чтобъ она очень перемѣнилась. Она притворясь, что ни чего не знаетъ, что говорятъ о ней въ свѣтѣ, и вооружась своею

невинностію, стала съ тѣхъ поръ подписываться именемъ Ментенонъ. Сія перемѣна имени болѣе принесла ей пользы, нежели могла она сама то предвидѣть. Какимъ бы образомъ можно было ей вознестись на ту степень знатности, до коей она достигла, съ именемъ Скаррона, которое всегда раждало въ умѣ Короля нѣкую подлую мысль. Надлежало для сего, чтобъ Гжа де Ментенонъ заставила забыть Гжу Скарронъ.

Гжа Монтеспанъ удалилась отъ Двора изъ набожности; Гжа де Ришельѣ, коей покровительство сея любимицы было весьма выгодно, очень огорчилась ея перемѣною. Госпожа де Ментенонъ, которой она въ томъ открылась, выговаривала ей за сіе постыдное чувствіе. Не въ томъ дѣло, сказала она ей, чтобъ царствовать чрезъ Гжу де Монтеспанъ; но надлежитъ воспрепятствовать, чтобъ никто болѣе послѣ ее не царствовалъ; дайте мнѣ волю обратить ее на ис-

тинной путь; а естьли вы меня разсердите, то я самихъ васъ обращу.

Король, опечаленный нѣсколько незапнымъ намѣреніемъ, которое приняла Гжа де Монтеспанъ, чтобъ оставить Дворъ, и не сомнѣваясь, чтобъ она не ввѣрила своихъ мыслей Гжѣ де Ментенонъ, захотѣлъ съ нею объ етомъ поговорить. Гжа де Ментенонъ напоминала ему о его любовницѣ, о Богѣ, о томъ, чемъ долженъ онъ своему народу и самому себѣ, и сіе говорила она ему со всемъ надвластіемъ и выразительностію твердой и безкорыстной добродѣтели. Вооружаясь противъ любви, стремилася она къ разрушенію собственныхъ своихъ выгодъ. Гжа де Монтеспанъ привязана была ко Двору цѣпями; а Гжа де Ментенонъ привязана была къ симъ цепямъ одними только слабыми нитками; но отъ того ли, что сія нижней степени милость была ей противна, по причинѣ подозрѣній нѣкоего постыднаго сообщества, коимъ подвер-

гало ее положеніе ея, или отъ того, что тогдашнее ея имущество обѣщавая ей пріятную жизнь въ Столицѣ, учиняло ей удобнымъ удаленіе отъ Двора, или можетъ быть слѣдуя внушеніямъ не менше великодушныхъ причинъ, но чистѣйшихъ, предалась она изступленію набожности, и не отставала отъ Короля до тѣхъ поръ, пока не далъ онъ ей вѣрнаго обѣщанія, что не станетъ болѣе призывать ко Двору Гжу де Монтеспанъ. Но она меня еще любитъ! говорилъ ей огорченный Людовикъ, и я еще ее люблю. Ехъ! Государь, отвѣчала она ему, когда бы вы ее любили, то пожелали ли бы довершить погибель ея и безчестіе? Честь дороже всѣхъ вашихъ сокровищь, и обладаніе всею вселенною не стоитъ спасенія одной души. Естьли бы она васъ когда либо дѣйствительно любила; то могла ли бы соблазнить васъ? Когда любовь не есть добродѣтель; то она есть тогда гнуснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ. Ко-

роль облокотясь на каминъ, слушалъ ея съ тѣмъ вниманіемъ, которое ободряетъ насъ говорить истинну. Она воспользовалася сими счастливыми минутами, и сказала ему: мнѣ безъ сомнѣнія позволено защищать выгоды души моей; но запрещено подавать совѣты моему Государю. Естьли же не смотря на то . . . . . Она замолчала, и старалась усмотрѣть въ глазахъ Королевскихъ прощеніе за сію смѣлость, и позволеніе впасть въ другую. Король увѣрилъ ее, что она можетъ говорить все, что захочетъ, что онъ увѣренъ въ непритворномъ ея къ нему усердіи, и не вознегодуетъ никогда, чтобъ она ему ни сказала. Я бы вамъ сказала, Государь, продолжала она, естьли благодѣянія, коими Ваше Величество меня осыпали, дозволили мнѣ оказать вамъ благодарность мою важнѣйшею услугою, я бы сказала вамъ, что Государямъ не прилично привязываться къ женщинамъ. Сіе самое, сударыня, отвѣчалъ съ тихостію

Король, сіе самое, вами теперь сказанное, столько справедливо, что перестаетъ быть оскорбительнымъ. Я надмѣру много любилъ, такъ какъ Государь, я надмѣру далеко простиралъ мою власть, чувствую, что недостойно поступалъ, превозносяся тѣмъ, и несправедливо употреблялъ во зло оную. Я то чувствую, вижу; но, примолвилъ онъ, я все ето дѣлалъ, какъ будто противъ моей воли. Я много любилъ; отъ того не владѣлъ самъ собою; но надмѣру много далъ возчувствовать, что владѣю другими. По истиннѣ, Государь, отвѣчала Гжа де Ментенонъ, вы столь искренно обвиняете самаго себя, что надобно только предать васъ собственнымъ вашимъ размышленіямъ; но съ сего дня вы свободны; оставьте, прошу я васъ, оставьте Гжѣ де Монтеспанъ два прибѣжища, кои ей остаются: слезы, кои однѣ могутъ примирить ее съ Богомъ, и произвольное удаленіе отъ суетъ мірскихъ, которое одно только

въ состояніи возвратить ей уваженіе людей. Вмѣсто того, чтобъ оспоривать у Бога сердце, которое онъ у васъ похищаетъ, перестаньте, Государь, подавать опасный и заразительный примѣръ распутства, которое наполняетъ полъ нашъ развратомъ, а вашъ подлостію. Приходитъ такое время, примолвила она, въ которомъ продолжительныя угрызенія слѣдуютъ за краткими утѣхами. Обратите, Государь, глаза ваши къ Кармелитамъ, и посмотрите, какъ за сіе они сами себя наказываютъ.

Когда возила она молодаго Герцога дю Менъ къ Барежскимъ водамъ, то проѣзжая чрезъ Бордо, увидѣла она тамъ, съ нѣкоторымъ огорченіемъ, замокъ Тромпетъ, въ которомъ провела первые свои годы: вотъ, сказала она Гну д' Альбрету, мѣсто, гдѣ я воспитывалась; но увѣряю васъ, что я знаю еще лютѣйшую темницу, и постеля моя не лучше моей колыбели.

Гжа де Монтеспанъ возвратясь ко Двору, часто давала чувствовать свое превосходство Гжѣ де Ментенонъ, которая будучи надмѣру горда, чтобъ могла снести такое уничиженіе, часто однимъ словомъ приводила ее въ смятеніе, и заставляла молчать. Къ стати ли бѣдной учительницѣ, сказала ей однажды Гжа де Монтеспанъ, смѣть спорить со мною? Ежели стыдно быть ихъ учительницею, сказала Гжа де Ментенонъ, то еще того стыднѣе быть ихъ матерью. Король часто бывалъ свидѣтелемъ и посредникомъ ихъ ссоръ, и рѣдко находилъ онъ Гжу де Ментенонъ виноватою. Женщина, коея благосклонностями мы наслаждаемся, всегда намъ кажется виноватою предъ тою, съ коею мы не столь коротки. Нашедъ ихъ нѣкогда весьма разгорячившихся, захотѣлъ онъ знать причину ихъ ссоры. Естьли Ваше Величество, сказала Гжа де Ментенонъ, благоволите войти въ етотъ кабинетъ; то я вамъ объ ономъ до-

несу. Тамъ начала она ему описывать живѣйшими красками всѣ свои страданія, и кончила покорнѣйшими прозьбами уволить ее и избавить несносности жить съ такою женщиною, которая была самая жестокость. Какъ, жестокость! Вскричалъ Король. Всякой разъ, какъ заговорятъ при ней о какихъ либо несчастныхъ, то я вижу, что глаза ея покрываются слезами. А я, отвѣчала она, вижу, что вы все еще ее любите! То ли, Государь, обѣщали вы Королевѣ, народу и Богу? Она плачетъ о несчастныхъ, а сама причиняетъ ихъ бѣдствія. Король старался всячески ее успокоить, увѣрялъ ее, что союзъ его съ Гжею де Монтеспанъ не долго продолжится, и усильно просилъ ее остаться у Двора.

Король сдѣлавъ нѣкогда смотръ своей Гвардіи былъ онымъ весьма доволенъ, выхвалялъ весьма какъ Офицеровъ, такъ и рядовыхъ, и примѣтилъ, что Гжа де Ментенонъ была въ край-

ней задумчивости. Въ вечеру спросилъ онъ у нее тому причину, ибо онъ начиналъ брать участіе во всемъ, что къ ней относилося. Гжа де Ментенонъ отвѣчала ему, что она во все время смотра была занята нѣкоторою мыслію. Король просилъ ее неотступно, чтобъ она открыла ему ту мысль. Мнѣ вздумалось, сказала она ему смѣючись, что всѣ сіи Гвардейцы великіе повесы и распутные люди, и что и Офицеры ихъ не лучше ихъ. Король удалился съ нею отъ бесѣды, шутя надъ сказанными ею словами, и она за нимъ послѣдовала, и когда ни кто не могъ уже ихъ слышать, то она весьма замысловатымъ, но при томъ и смѣлымъ сравненіемъ старалась отвратить его отъ Госпожи де Монтеспанъ.

Король пожаловалъ ее Штатсъ-Дамою Дофины. Въ сей новой должности наблюдая все то, чрезъ что могла притти она въ вящшую милость, не пренебрегала она и самыми низкими

должностями. Дофина имѣла прегустые волосы, и ни одна изъ ея женщинъ не умѣла порядочно ихъ расчесывать. Одна только Гжа де Ментенонъ могла ихъ безъ боли разбирать. Она всегда находилась при уборномъ столикѣ сей Принцессы, гдѣ и Король часто присутствовалъ, не столько по дружбѣ къ Дофинѣ, сколько по склонности къ ея Штатсъ-Дамѣ. Вы не повѣрите, говорила она многократно послѣ того, сколь много дарованіе расчесывать хорошо волосы, способствовало къ моему возвышенію.

Гжа де Монтеспанъ, оставленная Королемъ, сказала въ одинъ день Гжѣ де Ментенонъ: я видѣла севодни во снѣ, что помирилась съ Королемъ въ вашей комнатѣ. И я такъ же вижу иногда сны, отвѣчала она: мнѣ приснилось, что мы съ вами встрѣтились на парадной Версальской лестницѣ, я шла въ верьхъ, а вы въ низъ: я вознеслася къ облакамъ, а вы удалились въ Фонтевро.

Когда Гжа де Ришелье, ШтатсЪ-Дама Дофины скончалась, то всѣ Придворныя дамы старались наперерывЪ получить сіе достоинство. Гжа де МентенонЪ, которую почитали надмѣру малою для занятія сего мѣста, но при томЪ и столько сильною, что могла она по своему желанію испросить тому, кому пожелаетЪ, была наперсницею всѣхЪ сихЪ кандидатокЪ. Король отдалЪ на разсужденіе Дофинѣ, кого сама она пожелаетЪ почтить симЪ достоинствомЪ; но она просила его помочь ей вЪ томЪ своимЪ совѣтомЪ. Король увѣрялЪ ее, что отнюдь не хочетЪ принуждать ея вЪ томЪ. Принцесса отвѣчала ему, что она не имѣетЪ инаго желанія, кромѣ его. Естьли это такЪ, сказалЪ ей Король, то выборЪ вашЪ скоро будетЪ сдѣланЪ. Дофина немедленно назвала Гжу де МентенонЪ. Король, обрадованный, что возвышается на перьвую степень Двора женщина, царствующая уже вЪ его сердцѣ, захотѣлЪ быть

перьрымъ свидѣтелемъ радостныхъ восторговъ, кои, думалъ онъ, что причинитъ ей сія вѣдомость; столько-то свойства Гжи де Ментенонъ были еще мало ему извѣстны. Она приняла сію вѣсть съ почтительнѣйшимъ равнодушіемъ, и показалась тѣмъ болѣе достойна сей чести, что отнюдь не алкала оною. Она представляла Королю, что сіе возбудитъ противъ ее зависть, которую надлежало лучше стараться обезоружить умѣренностію, нежели раздражить гордостію. Что касается до чести, которую бы сіе мѣсто мнѣ принесло, то не довольно мнѣ оной дѣлаетъ одно предложеніе Вашего Величества? Король настоялъ, а Гжа де Ментенонъ продолжала отъ того отрѣкаться. Поелику вы не хотите, сударыня, сказалъ ей Король, наслаждаться моими милостями; то по крайней мѣрѣ надлежитъ, чтобъ вы наслаждались отреченіемъ вашимъ отъ оныхъ. Гжа де Ментенонъ просила его о томъ умолчать. Но Король не-

преминулъ въ тотъ же вечеръ сказать о происшедшемъ, всѣмъ своимъ придворнымъ.

Въ знатности часто люди напоминаютъ о прежнемъ своемъ состоянiи, для того только, чтобъ другихъ заставить о томъ забыть. Гжа де Ментенонъ всегда о томъ помнила, но для того только, чтобъ болѣе дѣлать добра. Чувствительная душа ея наполнялась состраданiемъ при видѣ нещастныхъ. Она не имѣла нужды для возбужденiя своей жалости, посѣщать тѣ мѣста, въ коихъ укрывается бѣдность; ей стоило только привести себѣ на память первые годы своей жизни. Мое мѣсто, говаривала она, имѣетъ много непрiятностей; но за то доставляетъ оно мнѣ несравненное удовольствiе дѣлать добро: дабы помогать нещастнымъ, не нужно быть и Христiянкою. Слухъ о ея благотворительности разнеся по всему Государству. Отъ всѣхъ странъ съѣжалися къ ней, яко къ прибѣжищу злополучныхъ. Ма-

лые имѣли къ ней столь же свободный доступъ, какъ и знатные, и въ кабинетъ ея входили, какъ пышный Кардиналъ, такъ и отвратительный Капуцинъ. Вельможа и нищій прикрытый лоскутьями. Однажды въ прихожей ся появился человѣкъ, которой продравшись сквозь толпу, и подошедъ къ ней съ почтительною смѣлостію, сказалъ: уже шому сорокъ лѣтъ, сударыня, какъ я васъ не видалъ, и вамъ не можно меня узнать; но не льзя, чтобъ вы совершенно меня забыли. Припомните ли вы, какъ по возвращеніи вашемъ изъ острововъ, вы всякой день приходили къ воротамъ монастыря Рошельскихъ Іезуитовъ, гдѣ, по обыкновенію большей части оныхъ, молодые монахи раздаютъ похлебку неимущимъ? Отправляя должность сію въ мою очередь, я усмотрѣлъ васъ въ толпѣ нищихъ. Я не опасаюсь напоминать вамъ такое произшествіе, которое слушаете вы не краснѣя. Я былъ пораженъ благородствомъ вашего вида.

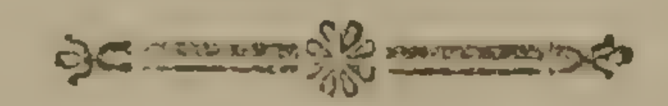
Вы показались мнѣ не на то созданы, чтобъ унижать себя такимъ образомъ: я примѣтилъ, какъ вы колебались, подходить ли вамъ ко мнѣ, или нѣтъ. я примѣтилъ ваше смущеніе, и сжалился надъ вами. Такъ, это вы, государь мой, сказала ему Гжа де Ментенонъ, который избавили меня отъ горести быть смѣшанною съ толпою нищихъ, и приказали принести похлебки ко мнѣ на домъ, съ изъясненіемъ крайняго вашего сожаленія, что вы не въ состояніи подать мнѣ большей помощи. Вы сугубо спасли жизнь мою, доставивъ мнѣ сію пищу, и оказавъ сострадание ваше о томъ, что я принуждена была питаться мірскимъ подаяніемъ. По семъ спросила она у него: что можетъ она для него сдѣлать, просила его войти въ ея кабинетъ, какъ бы для избавленія его отъ стыда изложить надобности свои при свидѣтеляхъ. Тамъ старецъ сей сказалъ ей, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, оставилъ онъ Іезуитовъ, и что

находится въ нѣкоей деревнѣ школьнымъ учителемъ, что онъ ограничиваетъ все свое честолюбіе мѣстомъ сельскаго Священника, и что послѣ всего слышаннаго имъ о ея благотворительности, льстился онъ получить оное мѣсто отъ ея великодушія, а можетъ быть и отъ ея благодарности. Гжа де Ментенонъ поблагодарила его за столь лестную для нее довѣренность, и сказала ему, что она не вмѣшивается въ такія дѣла, что не знаетъ, способенъ ли онъ къ отправленію Священнической должности: но вѣдаетъ, что онъ благотворителенъ, и проситъ его быть довольнымъ на первой случай кошелькомъ съ сотнею пистолей, которой она ему подарила, съ обѣщаніемъ наполнять оной всякой годъ такою же суммою. Я желала бы сдѣлать больше для васъ, примолвила она; но я не всѣми еще выгодами моего мѣста наслаждаюся, по причинѣ помощи, кою обязана я подавать моимъ родственникамъ; ибо не вы одни имѣли со-

жаленіе о моемъ дѣтствѣ. Въ сіе самое время вошелъ къ ней Король, которому она сказала: вотъ, Государь, мой благодѣтель, которой помогалъ мнѣ въ сиротствѣ моемъ, и вы не будете болѣе удивляться, что я часто безпокою Ваше Величество прозьбами моими о сиротахъ.

Приводя себѣ на память разныя произшествія своей молодости, того горестнаго времени, въ которое она не имѣла собственныхъ стульевъ, но принуждена была оные занимать, и когда хаживала она къ Типографщику съ сочиненіями своего мужа, то вспомнила, что ожидая къ себѣ въ одинъ день нѣкоторыхъ знатныхъ Госпожь, наняла она у одной прачки нѣкоторые мебели, за кои не хотѣла она взять съ нее ни какой платы. Стыдясь, что столь поздно она о томъ вспомнила, приказала немедленно людямъ своимъ сыскать сію женщину. По долгомъ исканіи, наконецъ нашли ее въ бѣдной каморкѣ, удрученную старостію, болѣзнію и бѣдностію, и

готовящуюся продать послѣдній свой стулъ, дабы имѣть кусокъ хлѣба. Гжа де Ментенонъ сама удостоила къ ней пріѣхать, напомнила ей о ея одолженіи, и опредѣлила ей по смерть ея небольшую пенсію, заплативъ тутъ же за перьвую четверть года.



ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ МѢСТА ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Сиваріа была одинъ изъ величайшихъ и сильнѣйшихъ городовъ въ Калабріи: она выслала, говоритъ Стравонъ и Діодоръ Сицилійскій, три ста тысячь войска противъ Кротоніатцовъ; и разбитіе свое Сиваариты не долженствовали ничему иному приписывать, какъ безмѣрной своей роскоши и нѣгѣ: оныя столь были велики, что по сказанію Аѳинея. „Выгнали они изъ города всѣхъ ре-

месленниковъ, кои чинили стукъ какъ-то: плотниковъ, слѣсарей и мѣдниковъ, дабы сонъ ихъ отъ того не прерывался; по сей же причинѣ запрещено было держать въ городѣ пѣтуховъ.„ Когда они выгнали пѣтуховъ; то для чего же не выгнали собакъ, кои лаяніемъ своимъ вѣрно имъ болѣе причиняли безпокойства? Пѣтуховъ вѣть не во всякомъ домѣ держатъ: у Вельможей и богачей, безъ сомнѣнія, не близь спальни пѣтухи находятся. ихъ чертоги и домы были столько пространны, что вѣрно можно было держать пѣтуховъ въ такомъ разстояніи, гдѣ бы не могли они ни кого крикомъ своимъ тревожить. Сивариты не могли ли же разномѣрно поселить своихъ ремесленниковъ въ отдаленной части города? Естьли простирали они нѣгу свою столь далеко, что не могли сносить ни малѣйшаго стуку; то не уже ли не было между ими замужнихъ женщинъ, кои могли оброкатть? Не часто ли случалось, что ихъ по-

стигала ночью болѣзнь дѣторожденія? Не уже ли онѣ не испускали ни малѣйшаго стенанія или жалобъ, кои нестерпимая боль изъ самыхъ терпѣливѣйшихъ изъ нихъ исторгаетъ? Не уже ли младенцы не плакали и не кричали никогда во время сна ихъ родителей? Развѣ съ ними поступаемо было такъ же, какъ съ шумными ремесленниками и съ пѣтухами? Развѣ ни одного младенца въ городѣ не воспитывали? Безъ сомнѣнія, Сивариты при наступленіи ночи говорили пошептомъ, ходили на цыпочкахъ, отворяли и затворяли двери и ворота своихъ домовъ безъ малѣйшаго скрыпу, боясь, чтобъ не нарушить спокойствія своихъ согражданъ. Конечно у нихъ былъ какой нибудь сигналъ, для пробужденія всѣхъ въ одно время: иначе же бы встающіе ранѣе другихъ, разбудили бы оныхъ; что бы до безконечности раздражило ихъ: тогда бы во всемъ городѣ раздавалися ругательства, жалобы и стенанія, за то, что граждане

лишилися четверти часа сна. Сколь мягки долженствовали быть постели сего роскошнаго народа! Одинъ Сибаритъ, по имяни Сминдиридъ, велъ еще сластолюбивѣйшую прочихъ жизнь: однажды, говоритъ Еліянъ, легъ онъ спать на листьяхъ розовыхъ; и пробудясь, жаловался на великую боль во всемъ тѣлѣ, причиненную ему жестостію сей постели.„

Сенека еще далѣе простираетъ сію нѣжность: жалобы Сминдирида, или Миндирида, какъ онъ его называетъ, основывались на томъ, что по несчастію нашлись подъ нимъ *нѣкоторые розовые листы, одинъ на другомъ лежащіе*. Сенека видно не понялъ сего мѣста: ибо гораздо болѣе роскоши лежать на кучѣ розовыхъ листьевъ, нежели на укладенныхъ одинъ близь другова въ одинъ рядъ. Какъ бы то не было, но онъ слѣпо вѣритъ сей баснѣ. Еще другую разсказываетъ онъ о томъ же Сминдиридѣ, которая не менѣе первой чудесна.

„Говорятъ, что сей Сиваритъ увидѣлъ крестьянина, которой пахалъ землю, и съ великимъ трудомъ поворачивалъ соху: отъ сего онъ такъ усталъ, что жаловался на великую боль во всѣхъ членахъ, и запретилъ сему мужику впредъ при себѣ пахать.„ Вотъ еще иная нелѣпость о немъ же. Сминдиридъ былъ столько привязанъ къ сладкоядѣнію, что отправясь въ Сикіону, дабы жениться тамъ на Агаристѣ, дочери Клисѳеновой, „взялъ онъ съ собою, по сказанію Еліяна, тысячу поваровъ, и столько же егерей и рыболововъ.„ Какая свита для частнаго человѣка!

Плутархъ надмѣру любитъ такіе чудесные разсказы, чтобъ нѣчто къ тому своего еще не прибавить. Онъ увѣряетъ, что Сивариты посылывали звать дамъ въ гости за годъ впередъ, дабы дать имъ время запастись платьями и драгоцѣнными каменьями, и приготовиться по надлежащему къ пиршеству.„ Сколько умирало сихъ

дамъ прежде назначеннаго для праздности дня? Сколько находилося ихъ въ трауре по умершихъ, и следовательно вне возможности на пиршестве находиться? Безъ вернаго вычисленія всего онаго, число гостей долженствовало быть неполное, или надлежало звать лишнихъ, дабы чрезъ годъ учинилось оно таковымъ, какъ желали. Сколько затрудненій, сколько хлопотъ для толь ленинаго народа!

Самые даже лошади служили Сибаритамъ орудіемъ къ роскоши и неге. Еліянъ и Аѳиней повествуютъ, что они учили лошадей своихъ плясать подъ звукъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ, а особливо подъ флейту. Симъ прекраснымъ зрелищемъ наслаждалися они въ особливости сидя за столомъ. Но что же изъ того произошло? Вышедъ некогда сражаться съ Кротоніатами, были побеждены они следующею хитростію: непріятели ихъ знали дарованіе ихъ лошадей, и страсть ихъ къ пляске; и такъ они

приказали, вмѣсто военнаго звука трубъ играть на флейтахъ контродансы и менуеты. Едва лошади Сиваритовъ услышали сію музыку; то начали плясать съ большею обыкновенной живостію; побросали съ себя всѣхъ своихъ всадниковъ, и столько разстройства причинили во всей арміи, что непріятели разбили ихъ совершенно. Такое нещастіе, причиненное четвероногими ихъ танцмейстерами, не долженствовало ли отвратить отъ увеселенія заставлять ихъ танцовать при своихъ столахъ? Не пріятнѣе ли кажется было бы для нихъ видѣть пригожихъ танцовщицъ въ столовыхъ ихъ комнатахъ? Перенесемся читатели мысленно къ Сиваритамъ во время ихъ обѣда: какую радость видимъ мы на лицахъ ихъ! Какая точность! Какая поворотливость, легкость и пріятность въ ихъ пляскахъ! Какая чистота, какая вѣжливость въ лошадяхъ ихъ! Но какимъ бы образомъ столь благовоспитанныя лошади осмѣлились брыкнуть

кого нибудь изъ гостей ногою, или повредить благоуханія, коими комнаты ихъ были наполнены.

Въ сраженіи Сиваритовъ съ Кротоніатами, желалъ бы я знать, отъ куда сіи послѣдніе набрали столько нѣжныхъ инструментовъ? Ни въ одномъ Историкѣ не находимъ мы, что они имѣли отмѣнную склонность къ музыкѣ и пѣнію: звукъ трубъ и барабановъ Сиваритскихъ не уже ли не могъ заглушить сіи плясовыя пѣсни? Развѣ Сивариты ѣзжали на лошадяхъ безъ узды и безъ шпоръ? Естьли бы Историки, коихъ я приводилъ теперь свидѣтельства, учинили всѣ сіи размышленія; то, кажется, не осмѣлились бы они употреблять такимъ образомъ нашего легковѣрія, разсказывая намъ такія рабяческія побасенки.

Продолженіе впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРАТКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО И ХРОНОЛОГИЧЕСКАГО ПОВѢСТВОВАНІЯ О РАЗНЫХЪ ПОЛЕЗНЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ.

Пожарныя трубы найдены въ 1722 году.

Фарфоръ Саксонскій изобрѣтенъ въ 1702 году, Барономъ Бетихеромъ, Химикомъ Августа, Курфирста Саксонскаго. Онъ нашелъ сію драгоцѣнную тайну ища состава для плавильныхъ горшковъ.

Почты выдуманы Парижскимъ Университетомъ; Лудовикъ XI учредилъ оныя въ 1470 году. Въ Нѣмецкой землѣ почты учреждены въ 1641 году, Ламоральдомъ Таксійскимъ, коего потомки называются нынѣ Князьями Турнъ-Таксійскими.

Порохъ пушечный. Изобрѣтеніе онаго приписываютъ единомкѣнно Бертольду Шварцу, Францисканскому мо-

наху, Фрейбургскому урожденцу, которой нашелъ нечаянно сію тайну, упражняясь въ Химическихъ работахъ, въ Кельнѣ около 1300 года; въ употребленіе же вошелъ оной не прежде, какъ въ 1338 году, для нападенія на крѣпости, но не на людей.

Пудра для волосовъ изобрѣтена въ шестомънадесять столѣтіи.

Блокъ изобрѣтенъ въ 1452 году, въ одно время съ винтомъ. Онъ весьма полезенъ въ подниманіи тягостей и проч. Блоки дѣлаются мѣдные, желѣзные и такъ же деревянные.

Хина привезена во Францію изъ Америки въ 1650 году, Кардиналомъ Луго. Но въ употребленіе вошла не прежде, какъ около 1680 года.

Тройное правило въ Ариѳметикѣ изобрѣтено Веніаминомъ Брамеромъ, Архитекторомъ въ Марбургѣ въ 1618 году.

Прялица, на которой можно прясть обѣими руками, изобрѣтена Гномъ ГенералЪ-КонтролеромЪ надЪ мостами и большими дорогами во Франціи, въ 1778 году.

Кровообращеніе найдено Вильгельмомъ Гарвеемъ, Аглинскимъ Врачемъ въ 1628 году.

Кровопреліяніе, или крововпусканіе, о коемъ говорено уже было въ перьвой части сея книги въ Ученой статьѣ, изобрѣтено Докторомъ Христофоромъ Вреепомъ, Профессоромъ Анатоміи въ Оксфордѣ; онъ предложилъ средство сіе славному Боилю въ 1659 году, что испыталъ онъ надъ нѣкоторыми людьми и надъ многими животными.

Четыре Юпитеровы спутника усмотрѣны въ перьвый разъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1609 года, Симономъ Майеромъ, или Маріасомъ, Математикомъ Маркграфа Аншпахскаго. Галилей усмотрѣлъ

ихъ не прежде, какъ 7 Генваря слѣдующаго года.

Четвертый Сатурновъ спутникъ былъ усмотрѣнъ Гуйгенсомъ въ 1655 году. А прочіе открыты Доминикомъ Кассини, Піемонтезцомъ, въ 1671, въ 1672 и въ 1684 годахъ.

Спутникъ Венеры усмотрѣнъ въ 1672 и въ 1682 годахъ. Кассини примѣтилъ малый свѣтъ вращающійся около сей планеты, и счелъ его Вениринымъ спутникомъ.

Въ 1740 году Гнъ Шортъ наблюдалъ въ Лондонѣ то же самое явленіе многократно.

Въ 1761 году Господинъ Монтень видѣлъ въ Монтпельѣ сего спутника еще яснѣе.

Г. Редилеръ видѣлъ его снова въ Копенгагенѣ 3, 10 и 11 числъ Марта 1764 года. Не взирая на то, Г. Гелль, Астрономъ Императорскій въ Вѣнѣ, почитаетъ его за Оптическій призракъ.

Пятна Солнечныя примѣчены въ первый разъ въ 1611 году, Христофоромъ Шейнеромъ Iезуитомъ.

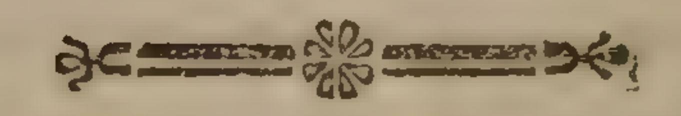
Шелковые чулки первый во Франціи носилъ Король Генрихъ II, въ 1547 или въ 1548 годахъ.

Въ Англіи Королева Елисавета въ 1561 году.

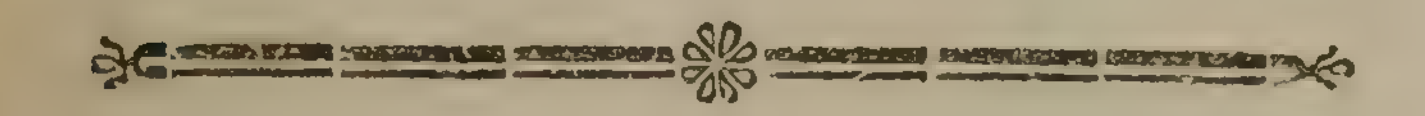
Станокъ для тканья шелковыхъ чулковъ изобрѣтенъ въ Англіи около 1656 года.

Первое шелковое платье носилъ Кесарь Еліогабалъ около 216 года по Рождествѣ Христовѣ.

Продолженіе впредь.



СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ



ПРОДОЛЖЕНІЕ АРЗАСА И ИСМЕНІИ.

Отъ сего-то произходитъ, что сіи мысли о великости, влекущія всегда сердце къ самому ему, обманываютъ упоенныхъ оными; отъ сего-то произходитъ, что они удивляются, видя себя несчастливыми посреди такъ называемаго ими благополучія; что не находя его въ великости, они ищутъ еще большей великости. Когда же не возмогутъ достигнуть оныя, то почитаютъ себя еще несчастливѣе; но и достигнувъ не находятъ такъ же счастія.

Гордость, обладая нами, препятствуетъ намъ владѣть самими собою,

и усредоточивъ насъ въ насъ самихъ, несетъ туда тоску. Тоска сія происходитъ отъ уединенія сердца, которое всегда чувствуетъ, что создано оно для наслажденія, но не наслаждается; которое чувствуетъ, что сотворено для другихъ сердецъ; но ихъ не находитъ.

Такимъ образомъ могли бы мы наслаждаться утѣхами, которыя всегда представляетъ природа, отъ нея неубѣгающимъ. Мы провели бы жизнь нашу въ радости, въ невинности и въ тишинѣ. Мы щитали бы годы наши возобновленіемъ цвѣтовъ и плодовъ; годы сіи терялись бы въ быстротекущности блаженной жизни. Я каждый день видѣлъ бы Ардазиру, и говорилъ бы ей, что люблю ея. Одна земля приняла бы ея и мою душу. Но въ незапу счастіе мое изчезло, и я испыталъ бѣдственнѣйшее злоключеніе.

Государь тоя земли былъ тиранъ способный на всѣ злодѣянія; но ничто

не дѣлало его столь ненавистнымъ, какъ безпрестанныя обиды и безчестія, наносимыя имъ прекрасному полу, на который едва ли позволено намъ смотрѣть. Онъ услышалъ отъ одной невольницы, вышедшей изъ Сераля Ардазиры, что она прекраснѣйшая женщина во всемъ Востокѣ. Сего довольно было, что бы возбудить его у меня ее похитить. Въ одну ночь большая толпа вооруженныхъ людей, окружила мой домъ, а поутру получилъ повелѣніе тирана прислать къ нему Ардазиру. Я увидѣлъ невозможность ее спасти. Перьвая мысль моя была та, чтобъ умертвить ее, тогда въ крѣпкомъ снѣ находящуюся. Я взялъ свой мечь, побѣжалъ, вошелъ въ ея спальню, открылъ занавѣсъ; но отступилъ отъ ужаса, и кровь въ жилахъ моихъ замерзла; новаго рода бѣшенство меня обьяло. Я вознамѣрился броситься въ средину сихъ стражей, и принести въ жертву все, что бы мнѣ ни попалось. Но наконецъ

мой умЪ представилЪ мнѣ благоразумнѣйшее средство, и я успокоился. Я предпріялЪ одѣться вЪ то платье, которое носилЪ за нѣсколько мѣсяцовЪ предЪ симЪ, войти подЪ имянемЪ Ардазиры вЪ носилку. посланную за нею отЪ тирана, и дать нести себя кЪ нему. Кромѣ того, что не видалЪ я инаго средства, я чувствовалЪ еще внутреннѣе удовольствіе, совершить храброе дѣло подЪ тѣмЪ самымЪ одѣяніемЪ, которымЪ слѣпая любовь унизила предЪ симЪ полЪ мой.

Я совершилЪ все сЪ великимЪ хладнокровіемЪ. ПриказалЪ скрывать отЪ Ардазиры опасность, коей я подвергался, и чтобЪ, какЪ скоро я уѣду, отвезли бы ея немедленно вЪ иную страну. Я взялЪ сЪ собою одного невольника, коего отважность была мнѣ извѣстна, и отдался женщинамЪ и евнухамЪ, посланнымЪ отЪ тирана. Я не болѣе двухЪ дней былЪ вЪ дорогѣ, и прибылЪ почти вЪ самую полночь. ТиранЪ угощалЪ великолѣпнымЪ

торжествомъ женъ своихъ и поидворныхъ въ одной изъ бесѣдокъ его сада. Онъ былъ погруженъ въ сію скотоподобную веселость, которую производитъ неумѣренность распутства. Онъ приказалъ меня привесть къ себѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ онѣ веселились, онъ посадилъ меня съ собою, и я умѣлъ скрыть бѣшенство мое и волненіе души моей. Я былъ какъ бы въ недоумѣніи, въ разсужденіи желаній моихъ. Я хотѣлъ привлечь на себя взоры тирана; когда же онъ обращалъ ихъ на меня, то ярость моя усугублялась. Онъ дерзаетъ любить меня, говорилъ я самъ себѣ, почитая меня Ардазирою. Мнѣ казалось, что онъ до безконечности размножилъ свои обиды, и нашелъ тьму способовъ оскорбить любовь мою. Между тѣмъ готовился я насладиться жесточайшимъ мщеніемъ. Онъ воспламенялся, и я видѣлъ его приближающагося къ своему несчастію. Онъ вышелъ изъ бесѣды, и повелъ меня въ одну изъ

отдаленнѣйшихъ комнатъ сада, последуемъ однимъ только евнухомъ и моимъ невольникомъ. Уже скотское неистовство его готовилось открыть ему полъ мой. Сіе желѣзо, вскричалъ я, научитъ тебя скорѣе, что я мущина. Умри, и да скажутъ въ адѣ, что супругъ Ардазиры покаралъ твои злодѣйства. Онъ упалъ къ моимъ ногамъ, и въ сіе мгновеніе двери отворились; ибо какъ скоро невольникъ мой услышалъ мой голосъ, то заколовъ евнуха, приставленнаго тутъ, заступилъ его мѣсто. Мы побѣжали, и блудя по садамъ, встрѣтились съ человѣкомъ, я схватилъ его: я вонжу въ тебя сей кинжалъ, сказалъ я ему, естьли ты не выведешь меня отсюда. Ето былъ одинъ изъ садовниковъ, которой дрожа отъ страха, привелъ меня къ воротамъ, отперъ ихъ; я велѣлъ ему заперѣть ихъ за собою, и слѣдовать за мною.

Я кинулъ мое платье, и надѣлъ невольническую епанчу. Мы ходили

на удачу по лѣсамъ, и по нечаянному счастливому случаю, когда были уже мы изнурены усталостію, нашли купца, которой пасъ верблюдовъ; мы принудили его вывести насъ изъ ужасной сей страны.

По мѣрѣ, какъ избавлялся я отъ толикихъ опасностей, сердце мое не столь спокойно становилося. Должно было паки увидѣть Ардазиру, и все заставляло меня въ разсужденіи ее бояться.

Ея женщины и евнухи скрывали отъ нея ужасность нашего положенія; но не видя меня съ собою, она почитала меня виновнымъ; она воображала, что я преступилъ клятвы, столь часто мною повторяемыя. Она не могла постигнуть сего безчеловѣчія, что я приказалъ увести ея, не сказавъ ей ни слова. Любовь видитъ всегда то, чего она опасается. Жизнь сдѣлалась ей несносною; она приняла яду; онъ не жестоко подѣйствовалъ. Я пріѣхавъ нашелъ ея умирающую. Ардазира, ска-

залъ я, я тебя теряю, ты умираешь! Жестокая Ардазира! Увы! что я тебѣ сдѣлалъ?.... Она пролила нѣсколько слезъ. Арзасъ, сказала она мнѣ, за минуту предъ симъ смерть казалась мнѣ прелестною; но теперь я тебя вижу, и ужасаюсь ее. Чувствую, что желала бы жить паки для тебя, и что душа моя противъ воли своей меня оставляетъ. Не забудь меня; и естьли я услышу отъ тебя, что я мила тебѣ, то будь увѣренъ, что между тѣней не буду я мучиться. По крайней мѣрѣ я имѣю хотя то утѣшеніе, что умираю въ твоихъ объятіяхъ.

Она скончалась. Я не могу сказать, какимъ образомъ остался я живъ. Меня оторвали отъ Ардазиры, и мнѣ казалось, что меня съ самимъ мною разлучаютъ. Я устремилъ на нее глаза, и сдѣлался неподвиженъ; и былъ совершенно оцѣпенелый. Отняли отъ глазъ моихъ сіе ужасное зрѣлище, и вся чувствительность моя возбудилась

въ душѣ моей. Меня оттащили. Я обратилъ глаза на сей плачевный предметъ моей скорби; я далъ бы тысячу жизней, дабы еще минуту его видѣть. Я пришелъ въ изступленіе, взялъ мечь, и готовился пронзить себя; но меня удержали. Я вышелъ изъ бѣдоносныхъ тѣхъ чертоговъ и не входилъ болѣе. Умъ мой помѣшался; я бѣгалъ по лѣсамъ, и наполнялъ воздухъ моимъ воплемъ. Когда же нѣсколько утишился, то всѣ душевныя мои способности устремлялися на мою горесть. Мнѣ казалось, что ни чего въ свѣтѣ не осталось мнѣ болѣе, кромѣ тоски моей и имени Ардазиры. Сіе имя произносилъ я голосомъ страшнымъ и погружался въ молчаніе. Я вознамѣрился лишить себя жизни, и вдругъ пришелъ въ бѣженство. Ты хочешь умереть, говорилъ я самъ себѣ, а Ардазира останется безъ отмщенія. Ты хочешь умереть, а сынъ тирана въ Ирканіи, и утопаетъ въ утѣхахъ! Онъ живъ, а ты умереть хочешь!

Я отправился въ путь искать его. Услышавъ, что онъ объявилъ вамъ войну, летелъ я сюды. Я прибылъ за три дни до сраженія, и учинилъ извѣстное тебѣ дѣяніе. Я умертвилъ бы сына тиранова; но захотѣлъ лучше взять его въ плѣнъ. Я хочу, чтобъ влачилъ онъ въ стыдѣ и въ желѣзахъ жизнь, столько же, какъ и моя, бѣдственную. Я надѣюсь, что нѣкогда услышитъ онъ, что я умертвилъ послѣдняго изъ подданныхъ его. Признаюсь однако же, что съ тѣхъ поръ, какъ я отмщенъ, я нимало не благополучнѣе, и чувствую, что надежда отмстить лестнѣе самаго мщенія. Бѣшенство мое, коему я удовлетворилъ, дѣяніе тобою видѣнное, восклицанія народныя, Государь, самое даже твое дружество не возвратили мнѣ моей потѣри.

Удивленіе Аспарово началось почти съ самою слышанною имъ повѣстію. Какъ скоро услышалъ онъ имя Арзасово, то призналъ въ немъ

супруга Царицы своей. Нѣкоторыя Государственныя причины побудили его послать въ Мидію Исменію, младшую дочь послѣдняго Царя, и тамъ воспитывалась она подъ именемъ Ардазиры. Онъ выдалъ ее за Арзаса; онъ имѣлъ всегда вѣрныхъ ему людей въ сералѣ Арзасовомъ; и онъ-то былъ тотъ духъ, которой посредствомъ сихъ самыхъ людей проливалъ толикія богатства въ домѣ Арзасовомъ, и которой самыми простыми средствами заставилъ дивиться толикимъ чудесамъ.

Онъ имѣлъ весьма сильныя причины скрывать отъ Арзаса родъ Ардазиры. Арзасъ, исполненный храбрости, могъ бы уважить права жены своей на престолъ Бактріанской, и возмутить спокойствіе сего Государства.

Но сіи причины не существовали болѣе; и слушая Арзасову повѣсть, стократно желалъ онъ прервать оную; но подумалъ, что не время еще открыть ему судьбу его. Министръ, прі-обыкшій удерживать движенія свои,

всегда стремится къ осторожности; онъ думалъ, какъ бы предъуготовить великое произшествіе, а не ускорить онымъ.

Два дни спустя, слухъ пронесся, что Аспаръ возвелъ на престолъ ложную Исменію. Отъ роптанія народъ пришелъ къ возмущенію. Раздраженная чернь приступила къ чертогамъ, и громко требовала головы Аспаровой. Евнухъ велѣлъ отперетъ одни вороты, и сѣвъ на слона, выѣхалъ къ толпѣ. Бактріяне, сказалъ онъ, послушайте меня. Но какъ ропотъ еще продолжался; то повторилъ онъ еще разъ, чтобъ его выслушали. Послушайте, продолжалъ онъ, естьли вы можете умертвить меня теперь, то равномѣрно и чрезъ минуту можете сдѣлать оное. Вотъ хартія, начертанная и скрѣпленная рукою покойнаго Царя: падите ницъ, поклонитесь ему; я буду читать. Онъ началъ.

Небо даровало мнѣ двухъ дочерей, которыя столь другъ на друга

похожи, что всякой можетъ въ нихъ обмануться Я опасаюсь, чтобъ сіе не подало поводу къ вящшимъ замѣшательствамъ и бѣдственнѣйшимъ войнамъ. И такъ, Аспаръ, свѣтильникъ моего Государства, возми младшую изъ нихъ, пошли ее тайно въ Мидію. и вели прилагать объ ней всевозможное стараніе. Да пребудетъ она тамъ подъ чужимъ имянемъ, пока благосостояніе Государства того будетъ требовать.

Онъ положилъ начертаніе на голову и наклонился; потомъ продолжалъ говорить слѣдующее:

Исменія умерла, не сумнѣвайтесь въ томъ; но сестра ея, младшая Исменія на престолѣ. Или жалуетесь вы на то, что я видя близкую кончину Царицы, призвалъ сестру ея изъ Мидіи? Не уже ли укоряете вы меня въ томъ, что я возвратилъ ея вамъ, и возвелъ на престолъ, которой послѣ смерти сестры ея принадлежитъ ей? Естьли я не объявлялъ смерти Ца-

рицыной, то не требовало ли того состоянiе Государственныхъ дѣлъ? Или вы порицаете меня за то, что я доказалъ вѣрность мою и осторожность? Положите же оружiе. До сего вы не были еще виновны, но съ сего часа будете таковыми.

Аспаръ разсказалъ потомъ, какимъ образомъ ввѣрилъ онъ молодую Исменiю двумъ старымъ евнухамъ; какимъ образомъ перевезли ее въ Мидiю подъ чужимъ именемъ; какимъ образомъ выдалъ онъ ее за одного изъ знатнѣйшихъ Вельможь той страны; какимъ образомъ велѣлъ онъ за ними всюды слѣдовать, куда вела ихъ судьба; какимъ образомъ болѣзнь Царицы заставила его похитить ея и содержать тайно въ сералѣ; и наконецъ какимъ образомъ по смерти Царицы возвелъ онъ ее на престолъ.

Подобно какъ морскiя волны утишаются Зефирами, такъ народъ усмирился отъ словъ Аспаровыхъ. Одни только радостныя восклицанiя слышны

были, и во всѣхъ храмахъ раздавалось имя молодой Исменіи.

Аспаръ внушилъ Исменіи, что бы повидалась она съ иностранцомъ, оказавшимъ толь важную услугу Государству ея; онъ присовѣтовалъ ей дать ему блистательной къ себѣ доступъ. Положили, чтобъ собрать Вельможей и народъ, и что бы въ ихъ присутствіи объявить его военачальникомъ Государственныхъ войскъ, и чтобъ Царица сама препоясала его мечемъ. Знатнѣйшіе особы собрались въ пространную храмину, и множество народа занимали средину и входъ оныя. Царица сидѣла на тронѣ въ великолѣпномъ одѣяніи, глава ея была покрыта драгоцѣнными каменьями; она сняла, по обыкновенію сего рода торжествъ, свое покрывало, и лице самой красоты стало видимо. Арзасъ появился, и народъ началъ свои восклицанія. Арзасъ потупя глаза изъ почтенія, пребылъ нѣсколько времени въ молчаніи, потомъ обратилъ рѣчь къ Царицѣ.

Государыня, сказалъ онъ ей голосомъ тихимъ и прерывающимся, естьли что нибудь могло возвратить душѣ моей нѣсколько спокойствія, и утѣшить меня въ моихъ несчастіяхъ....

Царица не дала ему окончить; она узнала тотчасъ его лице, и узнала голосъ Арзасовъ. Будучи внѣ себя, и не владѣя собою, бросилась она съ престола и упала къ ногамъ Арзасовымъ.

Мои несчастія были больше твоихъ, сказала она, любезный Арзасъ. Увы! я не надѣялась уже болѣе тебя видѣть съ самой бѣдственной минуты нашего разлученія. Горесть моя была смертельна.

Потомъ, какъ будто устыдясь стремительности учиненнаго ею дѣянія, она съ поспѣшностію встала, и нѣжная краска вступила въ ея лицѣ.

Бактріане, сказала она, вы видѣли меня у ногъ моего супруга. Я почитаю счастіемъ, что могла въ вашемъ присутствіи явить мою любовь.

Я сошла съ моего престола потому, что не съ нимъ была на ономъ, и клянусь богами, что безъ него вы меня на немъ не увидите. Я наслаждаюсь симъ удовольствіемъ, что славнѣйшее дѣяніе моего царствованія сдѣлано имъ, и сдѣлано для меня. Вельможи, народы и граждане, думаете ли вы, чтобъ царствующій надо мною, былъ достоинъ царствовать надъ вами? Одобряете ли вы мой выборъ? Избираете ли вы Арзаса? Говорите.

Едва послѣднія слова Царицы были услышаны, какъ въ чертогахъ начали раздаваться восклицанія; и одни только имяна Арзаса и Исменіи были слышны.

Во все сіе время Арзасъ былъ неподвиженъ. Онъ хотѣлъ говорить, голосъ его изчезалъ; онъ хотѣлъ итти, но не могъ ступить съ мѣста. Онъ не видалъ ни Царицы ни народа; и едва слышалъ восклицанія: радость столь его смутила, что душа его не могла почувствовать всего своего блаженства.

Но когда Аспаръ велѣлъ выйти народу, Арзасъ приклонилъ голову на руку Царицы: Ардазира, сказалъ онъ, ты жива, любезнѣйшая Ардазира! Я всякой день умиралъ отъ горести. Какимъ образомъ боги возвратили тебѣ жизнь.

Она разсказала ему, какимъ образомъ одна изъ ея женщинъ вмѣсто яду дала ей усыпительнаго напитка. Она три дни была безъ всякаго движенія; но потомъ возвратили ей чувство: перьвое слово ея произнесенное, было имя Арзасово; глаза ея на то лишь открылись, чтобъ его видѣть; она пошла сама его искать: Аспаръ велѣлъ ее увести, и по смерти сестры ея возвелъ на престолъ.

Аспаръ учинилъ сколько можно было блистательнымъ свиданіе Арзаса и Исменіи. Онъ не забылъ еще послѣдняго возмущенія. Онъ думалъ, что взявши на себя возведеніе на престолъ Исменіи, не ловко было бы ему, чтобъ и Арзасъ его же стараніемъ

возшелъ на оный. Онъ почиталъ за правило не дѣлать самому ни чего такова, что другіе могутъ сдѣлать, и любить добро, кѣмъ бы оно не было сдѣлано. Сверьхъ того, зная превосходныя качества Арзаса и Исменіи, онъ желалъ вывести ихъ на ружу. Онъ хотѣлъ имъ пріобрѣсти то почтеніе, которое внушаютъ всегда великія души во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только могутъ они показать себя. Онъ старался пріобрѣсти имъ ту любовь, которую мы чувствуемъ къ людямъ, испытавшимъ великія несчастія. Онъ хотѣлъ возбудить то удивленіе, которое имѣютъ ко всѣмъ тѣмъ, кои способны къ возчувствованію героическихъ страстей. Наконецъ, онъ думалъ, что ни что не могло столько заставить забыть, что Арзасъ иностранецъ, и пріобрѣсти ему любовь во всѣхъ сердцахъ Бактріанскихъ народовъ.

Арзасъ наслаждался счастіемъ, которое казалось ему непонятнымъ.

Ардазира, которую почиталъ онъ умершею, была ему возвращена; Ардазира была Исменія; Ардазира была Царица Бактріанская; Ардазира учинила его Царемъ оныя. Онъ любилъ сію діадиму, которая вмѣсто того, чтобъ быть знакомъ независимости, безпрестанно говорила ему, что онъ былъ ея; онъ любилъ сей престолъ по тому, что видѣлъ руку, его на оной возведшую.

Исменія въ первый разъ начала наслаждаться удовольствіемъ видѣть себя сильною Царицою. До прибытія Арзасова имѣла она великое счастіе, но не доставало ей сердца способнаго къ чувствованію онаго: посреди двора своего, не думала она быть одна; десять міліоновъ людей были у ногъ ея, и она почитала себя отъ всѣхъ оставленною.

Арзасъ велѣлъ немедленно позвать Царя Ирканскаго.

Ты предсталъ передъ меня и узы твои разрѣшились: не надлежитъ, чтобъ

былъ хотя одинъ несчастный въ областяхъ счастливѣйшаго изъ смертныхъ.

Хотя я тебя побѣдилъ, но не думаю, чтобъ ты уступилъ мнѣ въ храбрости: прошу тебя уступить мнѣ въ великодушіи.

Свойство Царицы была тихость, а природная ея гордость изчезала всякой разъ, какъ того должность требовала.

Прости мнѣ, сказала она Царю Ирканскому, что я не отвѣчала незаконной страсти. Супруга Арзасова не могла быть твоею: ты ни на кого, кромѣ судьбы, не долженъ жаловаться.

Ежели Ирканія и Бактріана не одно Государство составляютъ, то должны они быть въ союзѣ. Исменія можетъ обѣщать свое дружество, когда не могла она обѣщать любви.

Я отягченъ, говорилъ Царь Ирканскій, толикими несчастіями, и осыпанъ толикими благотвореніями, что не знаю, чему я могу служить примѣромъ, счастію или злосчастію.

Я подъялъ на тебя оружіе, Государыня, для отмщенія за презрѣніе, коего ты ко мнѣ не имѣла; ни ты, ни я не заслуживали, чтобъ небо благопріятствовало моимъ предпріятіямъ. Я возвращаюсь въ Ирканію, и вскорѣ забылъ бы тамъ мои злоключенія, естьли бы въ числѣ оныхъ я не щиталъ того, что тебя видѣлъ, и что не буду зрѣть болѣе.

Красоту твою воспоетъ весь Востокъ; она учинитъ вѣкъ, въ коемъ ты цвѣтешь, славнѣе всѣхъ прочихъ; въ будущихъ же временахъ имя Арзаса и Исменіи будутъ лестнѣйшія титла красавицъ и любовниковъ.

Одно непредвидимое произшествіе потребовало присутствія Арзасова въ одной изъ провинцій его Государства: онъ оставилъ Исменію. Какія нѣжныя прощанія! Какія сладостныя слезы! Горесть разлуки присоединялась къ сладости опять увидѣться.

Во время отсутствія Царя, все стараніемъ его было такъ расположено,

что время, мѣсто, люди, словомъ каждое произшествіе представляло Исменіи знаки его напоминанія. Онъ былъ удаленъ, а дѣянія его говорили, что онъ былъ съ нею; все согласовалось, чтобъ напоминать ей Арзаса; Она не находила Арзаса; но находила своего любовника.

Арзасъ безпрерывно писалъ къ Исменіи; она читала:

„Я видѣлъ великолѣпные грады, ведущіе къ твоимъ границамъ; я видѣлъ безчисленные народы у ногъ моихъ. Все гласило мнѣ, что я царствую въ Бактріанѣ: но я не видя той, которая учинила меня Царемъ оныя, не былъ имъ.„

Онъ ей говорилъ:

„Естьли бы небо благоволило мнѣ ниспослать питіе безсмертія, столь искомое Восточными народами, ты испила бы изъ одной со мною чаши, иначе я бы къ оной не прикоснулся; ты была бы безсмертна, или я умеръ бы съ тобою.„

Онъ къ ней писалъ:

„Я нарекъ твоимъ именемъ новой застроенной мною городъ; мнѣ кажется, что онъ будетъ обитаемъ счастливѣйшими изъ нашихъ подданныхъ.„

Въ другомъ письмѣ, послѣ всего того, что любовь можетъ внушить нѣжнѣйшаго, касательно прелестей ея особы, онъ прибавлялъ:

„Я говорю тебѣ сіи вещи, не ища даже тебѣ угождать; мнѣ хочется усладить мою скуку, и я чувствую, что душа моя утѣшается, говоря съ тобою о тебѣ.„

Наконецъ получила она сіе письмо:

„Я щиталъ дни; теперь щитаю только минуты, и сіи минуты продолжительнѣе дней. Прекрасная Царица, сердце мое не столь становится спокойно, по мѣрѣ моего къ тебѣ приближенія.„

По возвращеніи Арзасовомъ пріѣзжали къ нему отъ всѣхъ странъ Посольства, и нѣкоторые изъ нихъ по-

казались страны. Арзасъ возшелъ на престолъ, воздвигнутый на дворѣ чертоговъ; Посланникъ Пареянскій взошелъ перьвый; онъ былъ на гордомъ конѣ, и не сходя съ онаго, говорилъ такъ: нѣкогда тигръ Ирканскій опустошалъ страну; но слонъ попралъ его своими ногами. Младый тигръ остался, и былъ уже столь же свирѣпъ, какъ и отецъ его; слонъ паки избавилъ и отъ него землю. Всѣ животныя, страшащіяся дикихъ звѣрей, окрестъ его собирались. Онъ радовался, видя, что онъ былъ ихъ убѣжищемъ, и говорилъ самъ въ себѣ: говорятъ, что тигръ есть царь звѣрей; но онъ токмо ихъ тиранъ, а царь я.

Посолъ Персидскій говорилъ такъ:

При началѣ міра Луна сочеталася бракомъ съ Солнцемъ. Всѣ небесныя свѣтильники желали пояшь ее въ жены. Она имъ рекла: воззрите на Солнце, и потомъ на себя, вы всѣ вмѣстѣ не имѣете его сіянія.

Посолъ страны Египетскія при-

шелъ потомъ, и говорилъ:

Когда Изида вышла за Великаго Озирида, то сей бракъ былъ причиною счастія Египта, и печать его плодородія. Такова будетъ Бактріана; она учинится блаженною чрезъ бракосочетаніе боговъ своихъ.

Арзасъ повелѣвалъ изображать на стенахъ чертоговъ свое имя съ имянемъ Исменіи. Всюды видны были сплетенныя ихъ имяна; запрещено было писать изображеніе Арзаса безъ Исменіи.

Всѣ дѣянія, требующія нѣкоторой строгости, вершилъ онъ одинъ; онъ хотѣлъ такъ же, чтобъ прощенія были отдаваемы подъ имянемъ его и Исменіи.

Я люблю тебя, говорилъ онъ ей, по причинѣ божественной красоты твоей, и всегда возобновляющихся прелестей. Люблю тебя еще за то, что когда я учиню дѣяніе достойное великаго Царя, то мнѣ кажется, что я болѣе тебѣ нравлюсь.

Ты хотѣла, чтобъ я былъ твоимъ Царемъ, когда я помышлялъ только о счастіи быть твоимъ супругомъ; и сіи утѣхи, коими упояла ты меня, научила ты меня убѣгать оныхъ, когда слава моя того требовала.

Ты пріучила душу мою къ милосердію, и когда требовала того, чего не льзя было исполнить, то всегда заставляла меня почитать сердце, оныхъ требовавшее.

Женщины твоихъ чертоговъ не входили никогда въ придворные происки; онѣ искали скромности, и старались забыть все то, чего любить онѣ не долженствуютъ.

Я думаю, что небо хотѣло учинить меня великимъ Государемъ, поелику дозволило оно мнѣ найти среди обыкновенныхъ Царямъ преткновеній, помощи къ пріобрѣтенію себѣ добродѣтелей.

Никогда Бактріанцы не имѣли столь счастливыхъ временъ. Арзасъ и Исменія говорили, что царствуютъ

надъ лучшимъ народомъ въ свѣтѣ; Бактріане же говорили, что ими владѣютъ наилучшіе изъ Государей.

Онъ говорилъ, что родясь подданнымъ, желалъ много разъ быть въ подданствѣ у добраго Государя, и что слѣдовательно подданные его желали того же.

Онъ говорилъ, что владѣя сердцемъ Исменіи, долженствовалъ онъ предложить ей сердца всей вселенной; онъ не могъ предложить ей престола, но имѣлъ добродѣтели, достойныя занимать оной.

Онъ думалъ, что любовь его должна прейти въ потомство, и что ни съ чемъ лучше, какъ съ его славою достигнуть она до онаго можетъ. Онъ хотѣлъ, что бы на гробницѣ его были поставлены сіи слова: Исменія имѣла супругомъ Царя, обожаемаго смертными.

Онъ говорилъ, что любитъ Аспара, своего перваго Министра, за то, что онъ всегда говоритъ о подданныхъ, рѣдко о Царѣ, и никогда о себѣ.

Онъ имѣетъ, говаривалъ Арзасъ, три великія дарованія, правильный умъ, чувствительную душу, и искреннее сердце,

Арзасъ говаривалъ часто о правотѣ правленія своего. Онъ говорилъ, что соблюдалъ руки свои въ чистотѣ, по тому, что первое учиненное имъ преступленіе, рѣшило бы всю жизнь его, и что съ того времени началась бы цѣпь безчисленнаго множества другихъ преступленій.

Положимъ, говорилъ онъ, чтобъ наказалъ я человѣка по подозрѣнію. Я думалъ бы, что на семъ и останется, но нѣтъ. Новыя подозрѣнія родились бы во мнѣ на родственниковъ и друзей казненнаго мною. Вотъ семя другаго злодѣянія. Сіи жестокости заставили бы меня мыслить, что подданные меня ненавидятъ: я началъ бы ихъ бояться. Сіе подало бы поводъ къ новымъ наказаніямъ, которые бы сами подали поводъ къ новымъ страхамъ.

Что естьли бы жизнь моя хотя бы однажды осквернилась такимъ пятномъ, то отчаяніе къ пріобрѣтенію доброй славы меня бы объяло; и видя, что я никогда бы не могъ загладить прошедшаго, перестал бы я пѣщись о будущемъ.

Арзасъ столь любилъ наблюдать законы и древніе обычаи Бактріанцовъ, что содрогался всегда при словѣ истребленія злоупотребленій, по тому, что онъ часто примѣчалъ, что каждый называлъ закономъ то, что сообразовалось съ его видами, и называлъ злоупотребленіемъ противное его выгодамъ.

Колико поправленій слѣдуютъ за поправленіемъ злоупотребленій, вмѣсто того, что бы исправить вещи, наконецъ со всѣмъ уничтожаютъ оныя.

Онъ былъ увѣренъ, что благо не иначе должно протекать въ Государствѣ, какъ изъ законовъ; что способъ учинить добро постояннымъ, есть слѣдовать онымъ; что способъ сдѣ-

лать постоянное зло, есть преступать оныя.

Что обязанности Государей не меньше состоять въ защищеніи законовъ противъ страстей другихъ, какъ и противъ своихъ собственныхъ.

Что желаніе содѣлать людей счастливыми, сродно Государямъ; но что сіе желаніе будетъ безплодно, ежели не стараются они безпрестанно о пріобрѣтеніи частныхъ знаній, дабы достигнуть до исполненія сего желанія.

Что, по великому счастію, трудная наука царствованія требуетъ болѣе смысла, нежели превосходнаго ума, болѣе хотѣнія къ пріобрѣтенію просвѣщенія, нежели великаго просвѣщенія; болѣе практическихъ свѣдѣній, нежели умозрительныхъ; болѣе нѣкотораго проницанія для познанія людей, нежели способности образовать оныхъ.

Что познаніе людей пріобрѣтается отъ сообщенія съ оными, такъ какъ мы познаемъ всякую другую вещь. Что весьма неудобно скрывать без-

постанно недостатки и пороки. Что большая часть людей имѣютъ обвертку; но оная столь слабо держится, что весьма трудно, чтобъ она съ которой нибудь стороны не открылась.

Арзасъ не говорилъ никогда о дѣлахъ, которые могъ бы онъ имѣть съ иностранными; но любилъ бесѣдовать о внутреннихъ дѣлахъ своего Государства, по тому, что сіе былъ единственный способъ къ познанію онаго; и при семъ говорилъ, что добрый Государь долженъ быть молчаливъ но не чрезмѣрно.

Онъ говорилъ, что самъ чувствуетъ, что онъ добрый Царь; что онъ тихъ, ласковъ, человѣколюбивъ, что любитъ славу, любитъ своихъ подданныхъ; что, однако же, естьли бы онъ съ сими хорошими качествами не начерталъ въ своемъ умѣ важныя правила народоправленія; то изъ сего бы вышло горестнѣйшее слѣдствіе: подданные его имѣли бы добраго Государя; но мало бы пользовались симъ

счастіемъ, и что сей безцѣнный даръ провидѣнія былъ бы нѣкоторымъ образомъ для нихъ безполезенъ.

Тотъ, кто думаетъ найти блаженство на престолѣ, обманывается, говорилъ Арзасъ: тамъ одно только то счастіе, которое мы приносимъ съ собою; но часто случается, что и то теряется. И такъ, продолжалъ онъ, естьли боги не дали счастія начальствующимъ, то дали оное повинующимся.

Арзасъ умѣлъ давать, по тому, что умѣлъ отказывать.

Часто говорилъ онъ, четыре города недостаточны служить подаркомъ Вельможѣ приходящему въ разореніе, или бѣдному готовящемуся сдѣлаться Вельможею. Я могу обогатить того, кто бѣденъ по состоянію; но мнѣ не возможно обогатить бѣдность роскоши.

Арзасъ охотнѣе входилъ въ хижины, нежели въ чертоги Вельможъ.

Тамъ-то говорилъ онъ, нахожу

я истинныхЪ моихЪ совѣтниковЪ, тамЪ напоминаю я то, что чертоги мои забывать меня заставляютЪ. Они мнѣ сказываютЪ свои нужды. Я знаю, что общее несчастіе произходитЪ отЪ малыхЪ несчастій каждаго. Я развѣдываю о всѣхЪ сихЪ несчастіяхЪ, которыя бы соединясь, могли содѣлать и мое.

ВЪ сихЪ-то хижинахЪ вижу я сіи печальныя предметы, составляющіе всегда блаженство тѣхЪ, кои могутЪ преобразить оныя, и которые научаютЪ меня, что я могу сдѣлаться ВеликимЪ ГосударемЪ. Я вижу тамЪ, какЪ радость заступаетЪ мѣсто слезЪ; а вмѣсто того, что вЪ моихЪ чертогахЪ могу я видѣть почти одни слезы, заступающія мѣсто радости.

Ему однажды сказали, что вЪ нѣкоторыхЪ народныхЪ празднествахЪ скоморохи пѣли ему похвалу.

Знаете ли вы, сказалЪ онЪ, для чего позволяю я симЪ людямЪ меня хвалить? Для того, чтобЪ показать,

сколько презираю я лесть, и дабы учинить ее подлою въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей. Я имѣю столь великую власть, что естественно, что бы всѣ искали угодить мнѣ. Я твердо надѣюсь, что боги не попустятъ, что бы лесть когда либо мнѣ нравилась. Что до васъ касается, друзья мои, говорите мнѣ правду; вотъ единая вещь, которой я желаю, по тому, что въ сей единой вещи могу я имѣть недостатокъ.

Причина, возмутившая послѣдніе годы царствованія Артамена, была та, что онъ въ молодости своей завоевалъ нѣкоторые небольшіе сосѣдственные народы, находящіеся между Мидіею и Бактріаною. Они были ему союзники; онъ захотѣлъ имѣть ихъ подданными; но сдѣлалъ ихъ себѣ врагами, и какъ они обитали въ горахъ, то не можно было ихъ совершенно покорить; напротивъ того Мидійцы употребляли ихъ на возмущеніе Государства; такимъ образомъ,

что побѣдитель много силы отнялъ у Монарха, и что когда Арзасъ возшелъ на престолъ, народы сіи все еще были недоброжелательны. Вскорѣ Мидійцы ихъ возволновали. Арзасъ полетелъ туды, и покорилъ ихъ. Онъ собралъ народъ, и говорилъ такъ:

Я знаю, что вамъ несносно быть въ подданствѣ Бактріанцовъ, и не удивляюсь тому. Вы любите древнихъ вашихъ Царей, осыпавшихъ васъ благотвореніями. Мнѣ надлежитъ поступить такъ, что бы мое благоволеніе и справедливость заставили васъ почитать меня достойнымъ преемникомъ тѣхъ, коихъ вы толико любили.

Онъ велѣлъ призвать двухъ опаснѣйшихъ начальниковъ бунта, и сказалъ народу:

Я представилъ ихъ предъ васъ, что бы вы ихъ сами судили.

Каждый осуждая ихъ, искалъ тѣмъ своего оправданія.

Познайте, сказалъ онъ имъ, счастіе имѣть такого Царя, которой на-

казуетъ безъ пристрастія; но награждая имѣетъ оное, которой думаетъ, что побѣда есть дѣйствіе рока, но что прощеніе отъ него самаго зависитъ.

Вы будете счастливы подъ моимъ владѣніемъ, и соблюдете законы ваши и обычаи. Забудьте, что я побѣдилъ васъ оружіемъ, и будьте покорены единымъ моимъ доброжелательствомъ.

Весь народъ воздалъ благодареніе Арзасу за его милосердіе и за возстановленный миръ. Старики назначены были говорить. Первый началъ такъ:

Мнѣ мнится видѣть сіи большія древеса, которыя служатъ украшеніемъ странѣ нашей. Ты стебель онаго; а мы листья; они будутъ защищать коренья отъ зною солнечнаго.

Другой ему сказалъ:

Ты просилъ у боговъ, чтобъ наши горы унизились, дабы не могли насъ защищать отъ тебя. Проси те-

перь у нихъ, чтобъ воздымались онѣ къ облакамъ, для защищенія тебя противъ твоихъ непріятелей.

Третій сказалъ потомъ:

Воззри на великую рѣку, страну нашу орошающую, тамъ, гдѣ она стремительна и быстра, опровергнувъ все, она изчезаетъ и раздѣляется до такой степени, что женщины преходятъ ея пѣшія. Но естьли посмотришь ты на нее тамъ, гдѣ она тиха и спокойна, то воды ея медленно прибавляются, народы ее почитаютъ, и она служитъ пресинаніемъ ополченіямъ.

Съ сего времени сіи народы сдѣлались вѣрнѣйшими подданными Бактріаны.

Между тѣмъ Царь Мидійскій услышалъ, что Арзасъ царствуетъ въ Бактріанѣ. Напоминаніе нанесенной ему обиды возродилось въ его сердце. Онъ вознамѣрился съ нимъ воевать, и просилъ помощи у Царя Ирканскаго.

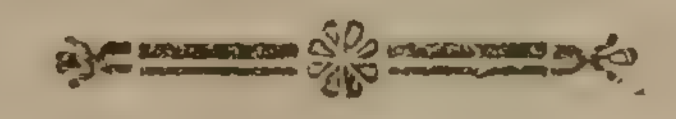
Соединися со мною, писалъ онъ

къ нему, отмстимъ общую нашу обиду. Небо опредѣляло тебѣ Царицу Бактріанскую; одинъ изъ моихъ подданныхъ похитилъ ее у тебя: приди взять ее силою.

Царь Ирканскій отвѣтствовалъ:

Я былъ бы теперь плѣнникомъ въ Бактріанѣ, естьли бы враги мои не столь были великодушны. Благодарю боговъ, благоволившихъ, что бы царствованіе мое началось несчастіями. Нужда есть мать наша; а счастіе мачиха. Ты предлагаешь мнѣ брань недостойную Царей. Оставимъ наслаждатися Царя и Царицу Бактріанскую блаженствомъ любить взаимно другъ друга.

Конецъ.



ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

СЧАСТЛИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ МАЛЕНЬКОЙ СОБАЧКИ.

Въ Мароккѣ, Африканскомъ городѣ, кормятъ извѣстное число львовъ въ подземномъ нѣкоемъ мѣстѣ, которое по сему называется рвомъ львинымъ, и въ него бросаютъ несчастныхъ осужденныхъ къ смерти, дабы сіи страшные животные ихъ тамъ растерзали. Но поелику не всегда бываютъ преступники, заслуживающіе сію лютую казнь; то необходимо принуждены давать имъ другой снѣди, какъ-то: тощихъ коровъ, больныхъ овецъ, кошекъ, и даже собакъ, коихъ чернь Мароская съ великимъ удовольствіемъ бросаетъ въ ровъ, и видитъ ихъ въ ономъ терзаемыхъ. Такимъ-то образомъ въ одинъ день собачонка прескверная и отвратительная была бро-

шена въ ровъ львиной; но можно сказать, что она нашла жизнь въ челюстяхъ самой смерти. Попавъ нечаянно въ лапы одного изъ сихъ звѣрей, которой былъ въ коростѣ, начала она его царапать лапами по горлу, старалась отъ него вырваться, и чрезъ то заставила его ощутить пріятное чувствіе. Левъ былъ благодаренъ за сіе невольное благодѣяніе собачки, которую онъ съ того часа взялъ подъ свое покровительство, и возымѣлъ о ней такое попеченіе, какъ будто о своемъ дѣтищѣ. Онъ ее кормилъ, защищалъ отъ всѣхъ прочихъ львовъ, и пріучилъ ихъ почитать ее за своего собрата. Чрезъ десять лѣтъ послѣ того собачонка найдена живою въ семъ страшномъ сообществѣ.

БЛАГОДѢТЕЛЬ ЗАЩИЩЕННЫЙ СЛОНОМЪ.

Одинъ Пондишерійскій солдатъ имѣлъ обыкновеніе носить къ одному слону по нѣкоторому количеству водки,

всякой разъ, какъ получалъ жалованье, однажды напившись до пьяна, и видя за собою гонящихся приставовъ, кои хотѣли его посадить подъ караулъ, спрятался подъ слона и тамъ заснулъ. Тщетно приставы трудилися вытащить его изъ его убѣжища. Слонъ защищалъ его своимъ хоботомъ. На завтра солдатъ проспавшись, ужаснулся, увидя себя лежащаго подъ столь огромнымъ животнымъ. Слонъ видно примѣтя его страхъ, сталъ его ласкать своимъ хоботомъ, для ободренія его, и давалъ ему знакъ, что онъ можетъ итти куды ему надобно.

ЧЕРТА БЛАГОДАРНОСТИ ОДНОГО ДРАКОНА.

Въ Ахаіѣ былъ городъ Патрасомъ называемый. Одинъ ребенокъ сего города купилъ себѣ молодаго дракона, и воспиталъ его съ великимъ раченіемъ. Онъ игралъ съ симъ животнымъ, говорилъ съ нимъ, какъ будто бы онъ могъ его разумѣть, и даже сы-

палъ съ нимъ. Между тѣмъ драконъ выросъ и пріобрѣлъ страшную величину и толщину, такъ, что жители опасаясь его лютости, выгнали его изъ города, и прогнали въ пустыни. По прошествіи многихъ лѣтъ, бывшій его господинъ, будучи уже тогда юношею, возвращаясь нѣкогда съ пиршества съ нѣсколькими изъ своихъ пріятелей, попался въ руки разбойникамъ. Онъ вскричалъ громко; на сей крикъ появился драконъ, бросился съ бѣшенствомъ на разбойниковъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ разогналъ, а иныхъ растерзалъ, и такъ спасъ жизнь своему благодѣтелю. *Еліанъ.*

О БЛАГОДАРНОСТИ И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ОРЛА.

Орелъ занимаетъ перьвое мѣсто между птицами, такъ какъ левъ между четвероногими. Будучи оба храбры и неустрашимы, оба они такъ же благодарны и чувствительны; что тѣмъ

удивительнѣе должно казаться, что птичій родъ обыкновенно сроденъ къ неблагодарности. Шестнадцать человѣкъ жнецовъ, томимые жаждою, послали одного изъ своихъ товарищей почерпнуть воды въ ближайшемъ источникѣ. Сей держа въ одной рукѣ пустой кувшинъ, а въ другой серпъ, повстрѣчался съ орломъ, около коего обвилася змѣя, и которой не въ состояніи будучи болѣе защищаться, вскорѣ долженствовалъ содѣлаться добычею сего опаснаго пресмыкающагося. Первое его движеніе было спѣшить на помощь къ плѣннику. Однимъ ударомъ своего серпа разрубилъ онъ змѣю, и принудилъ опустить добычу. Послѣ сего пошелъ онъ за водою, и возвратился къ своимъ товарищамъ, кои напились всѣ принесенной имъ воды. А какъ онъ и самъ готовился пить, то вдругъ орелъ, коего призналъ онъ за избавленнаго имъ отъ змѣи, бросился съ высоты на кувшинъ, и вышибя его изъ рукъ, разбилъ. Огорченіе,

чувствуемое имъ отъ сего, заставило его проклинать птицу, которую обвинялъ онъ въ неблагодарности, какъ взглянувъ на своихъ товарищей, увидѣлъ онъ ихъ умирающихъ и при последнемъ издыханіи. Сіе было дѣйствіе воды ими выпитой; орелъ же, знавшій, что змѣя отравила ядомъ своимъ источникъ, ускорилъ прилѣтѣть, дабы исторгнуть изъ опасности своего избавителя. *Еліанъ.*

Царь Пирръ имѣлъ орла, которой былъ къ нему весьма привязанъ. По смерти сего Государя, птица, проназенная горестію, не хотѣла принимать ни какой пищи, и умерла съ голоду.

Другой орелъ, принадлежащій одному частному человѣку, увидя, что поставили на костеръ мертвое тѣло его господина, бросился въ огонь, и згорѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Тотъ же.

Продолженіе впредь.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Одна набожная женщина обѣщалась отпѣть нѣкоему Святому шесть молебновъ, естьли онъ обратитъ мужа ея на путь правый, ибо онъ былъ не одного съ нею исповѣданія; чрезъ недѣлю послѣ того, мужъ ея умеръ. О какъ милостивъ етотъ Святой, вскричала она, онъ болѣе даетъ, нежели у него просишь!

Одинъ Французской дворянинъ, въ намѣреніи войти въ большіе чины при Дворѣ Аглинскомъ, гдѣ онъ находился, оставилъ Католической законъ, и принялъ Лютеранской. За сей поступокъ дали ему пять сотъ фунтовъ штерлинговъ ежегодной пенсіи. Лютеране заключили изъ сей перемѣны, что онъ увѣрился, что ихъ законъ лучше Католицкаго. Но онъ имъ на то отвѣчалъ такимъ образомъ: когда я промѣнялъ мой законъ на Лютеранской, то мнѣ дали пять сотъ

фунтовъ штерлинговъ придачи; слѣдовательно Католицкой законъ лучше.

Одинъ Лѣкарь желая дать лѣкарство нѣкоему заболѣвшему Судьѣ, коего холодное сложеніе трудно было разгорячить, а какъ то лѣкарство непремѣнно требовало, чтобъ его разсердить, дабы оно подѣйствовало, то Лѣкарь вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ сказалъ тихонько камердинеру больнаго, чтобъ онъ постарался его прогнѣвать, и что какъ скоро увидитъ, что онъ разсердился, то немедленно бы далъ ему принять лѣкарство. Камердинеръ всѣ силы употребилъ, дабы получить въ томъ успѣхъ. Какъ скоро начало разсвѣтать, то онъ подошедъ къ кровати своего господина, съ такою скоростію и шумомъ отдернулъ занавѣсъ, что всякаго бы другаго человѣка могъ испугать и разсердить, прервавъ сонъ его столь неожидаемо. Но нашъ больной безъ малѣйшаго даже безпокойства, спросилъ

съ хладнокровіемъ: *которой часъ?* Камердинеръ досадуя, что хитрость его ему не удалася, вздумалъ зажечь рубашку своего господина, и съ огнемъ надѣлъ на него. Больной не теряя нимало своего хладнокровія, сказалъ только ему: *нагрѣй другую.* Какъ все сіе не могло подѣйствовать, то камердинеръ локтемъ столкнулъ на полъ подносъ, и разбилъ стоявшія на ономъ полдюжины фарфоровыхъ Саксонскихъ чашекъ, которые господинъ его весьма любилъ. Но сей чудной господинъ сказалъ весьма спокойнымъ видомъ: *жаль, онѣ были очень хороши.* Наконецъ камердинеръ пришедъ почти въ отчаяніе, потерялъ уже всю надежду, какъ вдругъ пришелъ человѣкъ, которой имѣлъ сообщить сему Судьѣ одно весьма завязчивое дѣло. Сей человѣкъ имѣлъ на себѣ тафтяной кафтанъ; и поелику говорилъ онъ съ великимъ жаромъ и движеніемъ, защищая сіе дѣло, то тафтяное его платье свистѣло несноснымъ образомъ,

отъ чего наконецъ больной вышедъ изъ терпѣнія, сказалъ съ сердцемъ: Государь мой, заставьте молчать вашъ кафтанъ, когда вы хотите, чтобъ я васъ слушалъ. Камердинеръ видя гнѣвъ своего господина, тотчасъ подалъ ему лѣкарство, которое и возъимѣло желаемое дѣйствіе.

Одинъ бѣдной Ирландецъ взошедъ въ цырюльню, просилъ, чтобъ его выбрили изъ любви Христіянской: ибо не имѣлъ чѣмъ заплатить. Заставивъ его ждать нѣсколько времени, наконецъ сказали ему, что онъ можетъ сѣсть. Намылили ему бороду холодною водою, и взявъ самую тупую бритву, начали драть ему лицо немилосердо. Между тѣмъ, какъ онъ терпѣлъ несказанное мученіе, не смѣя пожаловаться, кошка въ другой горницѣ кричала нелѣпымъ голосомъ. Цырюльникъ уже и такъ будучи въ крайней досадѣ, что принужденъ былъ даромъ брить сего человѣка, и вышедъ отъ такова крика

изъ терпѣнія, кой чортъ, вскричалъ онъ, что тамъ дѣлаютъ съ етою проклятою кошкою, что она такъ кричитъ? Видно, сказалъ ему бѣднякъ, ето какая нибудь бѣдная кошка, которую брѣютъ изъ любви Христіянской. Сія кошка развеселила цырюльника, и сдѣлала его нѣсколько человѣколюбивѣе.

Одинъ сборщикъ Государственныхъ доходовъ, которой обогатился на щотъ казны, былъ отрѣшенъ отъ мѣста. Напрасно, сказалъ онъ, меня отставили; я сдѣлалъ мои дѣла, и только что хотѣлъ было приняться за Королевскія.

Одинъ подъячій вышедъ плутнями своими въ люди, и награбивъ большое имѣніе, былъ столько гордъ, что въ саду своемъ велѣлъ поставить конную свою статую. Два мужика разсматривали нѣкогда оную, и одинъ у другова спросилъ, для чего онъ изоб-

раженъ безъ рукавицъ? Для того, отвѣчалъ тотъ, что его здоровье держитъ всегда руки въ нашихъ карманахъ.

Одинъ умный человѣкъ будучи вопрошенъ, какой изъ всѣхъ звѣрей есть страшнѣйшій для человѣка? Отвѣчалъ: изъ дикихъ звѣрей клеветникъ, а изъ домашнихъ льстецъ.

Въ нѣкоей бесѣдѣ превозносили похвалами двухъ храбрыхъ Офицеровъ, и удивлялись ихъ знаменитымъ подвигамъ. Не удивляйтесь ихъ храбрости, сказалъ нѣкоторой Гасконецъ; одинъ изъ нихъ мой землякъ, а другой достоинъ быть онымъ.

Одинъ Гасконской дворянинъ выдавалъ себя за Маркиза при Дворѣ Герцога Савойскаго. Герцогиня спросила у него въ насмѣшку: въ которой землѣ находится его Маркизство? Оно находится, отвѣчалъ Гасконецъ, въ вашемъ Кипрскомъ Королевствѣ.

Одинъ Гишпанской путешественникъ проѣжалъ нѣкогда чрезъ одну Брабантскую деревню; множество собакъ лаяли и за нимъ бѣжали. Онъ нагнулся, чтобъ поднять камень, и бросить въ собакъ; но тогда очень крѣпко морозило, и камень такъ примерзъ, что онъ не могъ его оторвать отъ земли. Будь проклята та земля, вскричалъ онъ, гдѣ собаки спущены, а камни привязаны.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Средство, отгадать чрезъ обоняніе, которая цыфра вычернена будетъ кѣмъ нибудь изъ произведенія заданнаго умноженія.

Предложите кому нибудь изъ собранія, чтобъ умножить такимъ числомъ, какимъ ему заблаго разсудится, при

написанныя вами на бумагѣ суммы. Потомъ скажите, чтобъ онъ выкорнилъ изъ суммы, произведенной умноженіемъ, такую цыфру, какую только онъ захочетъ. При томъ дать ему также на волю, чтобъ разставить остальныя числа, произведенныя умноженіемъ, то переднія назади, то заднія напереди.

Въ продолженіе рѣшенія заданнаго умноженія, выдьте въ другую комнату, и когда вы обратно будете призваны, попросите, чтобъ сдѣлавшей умноженіе написалъ вамъ на бумагѣ, или на картѣ остальное число. По исполненіи чего, для приданія сему нѣчто таинственнаго, поднесите бумагу сію къ носу, притворясь что вы хотите обоняніемъ узнать, которая цыфра и имянно какая исключена по произволенію особы дѣлавшей умноженіе, что вы и исполните къ удивленію всѣхъ, сказавъ вѣрно и безъ ошибки, какая подлинно цыфра почернена и не написана на сей карточкѣ, или на особливой бумажкѣ.

Способъ же, произвести сіе, состоитъ въ слѣдующемъ:

Надлежитъ, чтобъ цыфры каждыхъ трехъ данныхъ вами для умноженія суммъ не превосходили числа 18; напримѣръ: сіи три одна послѣ другой предложенныя суммы были бы нижеслѣдующія.

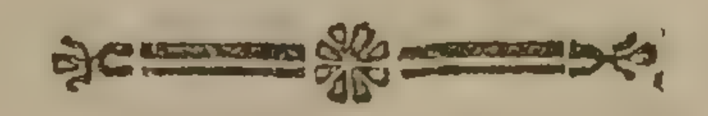
513	324	3231	45	252	441
9	9	9	9	9	9
18		18		18	

Положимъ теперь, что данная сумма для умноженія есть 132, 354, и что умножитель будетъ - - - 7
Произведенная сумма - - 926, 478
Умноженіемъ - - - -

Представимъ себѣ, что цыфра, которую опредѣлено почернить, будетъ 6, за симъ остальная сумма состоитъ изъ 92, 478. Когда же отдадите на волю расположить числы въ такой порядокъ, какъ пожелаютъ, то положимъ, что сіи цыфры разставлены будутъ такъ:

79, 482.

Когда вы поднесете бумагу, будто бы нюхать, въ самое то время начните отчитывать мысленно по 9, говоря про себя такъ: 7 2, составляютъ 9; 8 и 4 дѣлаютъ 12, изъ 12 вычесть 9, останется 3, чтобъ составить 9, то къ симъ 3 не достанетъ 6, и сія цыфра 6, есть и должна быть помаранное число. — Все сіе должно дѣлать проворно и успѣть учинить въ то время, когда водить будете около носу бумагу.



2.

Карточная штука.

Скажите какой нибудь особѣ изъ находящихся съ вами, что бы изволила выбрать по своей волѣ три карты изъ пикетовой игры, предположивъ, что тузъ будетъ считаться за 11 очковъ, фигуры за 10, а прочія по числу находящихся на нихъ очковъ.

По избраніи трехъ картъ, покажите оныя положить на столъ, каждую одна отъ другой особенно, и на каждую бы карту класть столько другихъ, чтобъ составилось число 15, то есть, естьли первая карта девятка, то должно положить на нее 6 картъ, естьли вторая десятка, то 5 картъ, а третья валетъ, то также 5 картъ, и такъ во всѣхъ трехъ кучкахъ будетъ 19 картъ; въ остаткѣ оставшіяся 13 картъ потребуйте, и притворясь будто бы разсматриваете, между тѣмъ сочтите ихъ, дабы узнать о числѣ очковъ, трехъ выбранныхъ картъ; узнавши, сколько осталось картъ, приложите къ онымъ 16, и сложивъ про себя увидите, что выдетъ 29, самое число тѣхъ очковъ, сколько находится на трехъ избранныхъ картахъ.

КОНЕЦЪ
ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.